

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ



2000 год

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ
2000 год**

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СПЕЦСЛУЖБЫ НАКАНУНЕ
И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 гг.**

Сборник подготовил: *сотрудник ЦОС ФСБ РФ В.М. Комиссаров*

Компьютерный набор: *В.М. Комиссаров*

МОСКВА 2001

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

1. В.Н. Хаустов

(доктор исторических наук, профессор. Академия ФСБ РФ)

Перестройка деятельности органов госбезопасности в предвоенные годы... 6

2. В.В. Коровин

(доктор юридических наук, профессор Академии ФСБ РФ)

Деятельность органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны.9

3. А.Я. Малыгин

(доктор юридических наук, профессор. Юридический институт МВД РФ)

О роли НКВД в укреплении обороноспособности страны накануне и в начале

Великой Отечественной войны.13

4. В.А. Лебедев

(кандидат исторических наук. Академия СВР РФ)

Деятельность внешней разведки по вскрытию сроков нападения

Германии на СССР.18

5. В.Я. Кочик

(Служба информации МНВК ТВ-6)

Советская военная разведка в предвоенный период (1939-1941).24

6. Н.С. Плотникова

(Академия ФСБ РФ)

Роль советских контрразведывательных органов в выявлении агрессивных

планов Германии.31

7. В.И. Лазарев

(кандидат юридических наук, доцент. Академия ФСБ РФ)

Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой

Отечественной войны.34

8. В.И. Астрахан

(кандидат исторических наук. Музей ФАПСИ РФ)

Правительственная связь НКВД СССР как средство управления вооруженными

силами в Великой Отечественной войне.38

9. А.М. Плеханов

(доктор исторических наук, профессор. Академия ФСБ РФ)

Оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в

первые месяцы Великой Отечественной войны.43

10. В.Е. Алексеев

(Академия ФСБ РФ)

О создании и деятельности истребительных батальонов НКВД при

обороне Москвы.46

11. А.И. Цветков

(доктор военных наук, профессор-Академия ФСБ РФ)

Участие органов госбезопасности в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны.49

12. А.Ю. Попов

(Академия ФСБ РФ)

Партизанская разведка в годы Великой Отечественной войны.52

13. М.А. Хайров

(кандидат исторических наук, доцент)

Деятельность разведки пограничных войск в годы Великой Отечественной войны.56

14. О.Б. Мозохин

(кандидат юридических наук. Академия ФСБ РФ)

Внесудебные полномочия органов НКВД СССР в предвоенные и военные годы.61

15. Б.Н. Ковалев

(кандидат исторических наук, доцент. Новгородский государственный университет)

Советские органы госбезопасности в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941-1944 гг.).65

16. В.В. Юшкевич

(УФСБ РФ по Новгородской области)

Коллаборационисты: основные категории и мотивы сотрудничества с нацистским оккупационным режимом.73

17. Ю.Н. Тихонов

(кандидат исторических наук. Липецкий государственный педагогический университет)

Сотрудничество спецслужб СССР и Великобритании в Афганистане в период Великой Отечественной войны.78

18. О.М. Хлобустов

(Академия ФСБ РФ)

Неизвестные страницы операции «Багратион».84

19. С.Г. Бандурин

(Академия ФСБ РФ)

Оперативно-войсковые действия пограничных войск в ходе войны с Японией в 1945 году.88

20. Ю.Ф. Овченко

(кандидат исторических наук. Институт социальной, экономической и информационной безопасности, Москва)

Операция «Мотря»: борьба с вооруженным националистическим подпольем.92

21. А.М. Демидов

(кандидат юридических наук, доцент, Академия ФСБ России)

Деятельность органов государственной безопасности в сфере экономики в годы Великой Отечественной войны.97

22. М.Ю. Моруков

(Институт российской истории РАН)

Особые технические бюро ОГПУ-НКВД-МВД СССР.103

23. В.Ф Некрасов(доктор исторических наук, профессор, генерал-майор. Объединенная редакция
МВД РФ)

НКВД, органы государственной безопасности и ядерные программы.108

24. Ю.Н. Моруков

(доктор исторических наук. Объединенная редакция МВД РФ)

Статистика ГУЛАГа - мифы и реальность.114

25. М.Н. Петров

(доктор исторических наук, профессор. Новгородский государственный университет)

Две судьбы.121

26. А.А. Чернобаев

(доктор исторических наук, профессор. Журнал «Исторический архив»)

Документальные публикации о деятельности органов госбезопасности в годы

Великой Отечественной войны в журнале «Исторический архив».128

В.Н. ХАУСТОВ

(доктор исторических наук, профессор. Академия ФСБ РФ)

ПЕРЕСТРОЙКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 года, внесла существенные коррективы в направления оперативной деятельности органов государственной безопасности. Прежде всего, важно отметить изменения в работе экономических подразделений. Главное экономическое управление НКВД СССР в течение 1940 года и до лета 1941 года уже в составе НКГБ СССР основное внимание сосредоточило на отраслях промышленности, обеспечивавших оборонный потенциал страны. Причины такой перестройки заключались, прежде всего в том, что в СССР был создан мощный экономический потенциал. Органы госбезопасности были не в состоянии в равной мере осуществлять контрразведывательное обеспечение работы промышленных объектов и информирование высшего руководства о состоянии развития практически всех отраслей народного хозяйства.

Уже в середине 1930-х годов были выделены почти 200 промышленных предприятий, составлявших оборонный комплекс страны, которые стали объектами постоянного внимания экономических подразделений НКВД, а с февраля 1941 года НКГБ СССР.

И.В. Сталин, В.М. Молотов регулярно получали информацию о выполнении плановых заданий в различных отраслях оборонной промышленности. Так, в декабре 1940 - январе 1941 года была проведена всесторонняя проверка работы заводов Наркомата авиационной промышленности. На основании проверки 9 и 14 января Л.П. Берия представил спецсообщения, в которых показал реальную картину невыполнения плановых заданий рядом моторостроительных (№ 19, 24, 26, 27, 29, 82, 275, 466) и самолетостроительных (№ 21, 22, 81, 292, 234, 381, 387, 388) заводов¹. По итогам объективной проверки органы госбезопасности произвели ряд арестов руководящих работников Наркомата авиационной промышленности, обвиненных в умышленном срыве производственных заданий.

И.В. Сталин использовал органы госбезопасности также в качестве органа вневедомственного контроля и проверки. В результате взрыва на пороховом заводе №13 Наркомата боеприпасов погибли люди, был выведен из строя цех. Итоги ведомственного расследования, проведенного под руководством заместителя наркома Сергеева, показались Сталину слишком поверхностными, и он обратился к наркому госконтроля: «Т. Мехлис! Комиссия т. Сергеева едва ли заслуживает большого доверия. Хорошо бы вам совместно с т. Берия послать для расследования группу в 3-4 человека»². После сталинских рекомендаций Наркомат госконтроля СССР и НКВД СССР направили 55 работников для проверки аппарата Наркомата боеприпасов. Исходя из того, что годовой план был выполнен всего на 68 процентов, были сняты со своих должностей один из заместителей наркома и три начальника главков. В результате итоговой проверки на заседании политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение уволить еще 62 человека и 49 человек снять с должности. Принятые репрессивные меры исходили главным образом из принципа бывшей социальной принадлежности³.

Таким образом, в предвоенные годы отчетливо прослеживалась тенденция к резкому ограничению количества промышленных объектов, находившихся под

контролем НКВД. 29 мая 1941 года по указанию Сталина в НКГБ СССР было разработано положение о создании специального 4-го управления по обслуживанию авиационной промышленности и Наркомата боеприпасов. Однако в оставшиеся до начала Великой Отечественной войны три недели никаких реальных шагов не было сделано.

В течение 1939-1941 годов происходила определенная перестройка деятельности особых отделов. Трения между НКО и НКВД СССР были связаны с независимостью особых отделов в армии от военного руководства. В январе 1939 года, после периода массовых репрессий, было принято решение о большем участии военного ведомства в формировании и осуществлении кадровой политики в органах военной контрразведки, и начальник особого отдела назначался совместным приказом НКО и НКВД. Была ликвидирована практика, существовавшая в период массовых репрессий, согласовывать с особым отделом назначения на большинство руководящих должностей в частях Красной Армии, что вызывало законное возмущение наркома обороны и Главного политического управления.

Накануне образования НКГБ СССР нарком обороны С.К. Тимошенко направил Сталину и Молотову свои предложения, в которых подчеркивал, что в настоящее время «происходит коренная перестройка функций командования, направленная на укрепление единоначалия и сосредоточение в руках командира всех органов управления войсками». Далее он предлагал назначать начальника Особого отдела Красной Армии только приказом наркома обороны, которому и должен был подчиняться начальник военной контрразведки⁴. Сталин пошел на уступку военному командованию. Особые отделы вообще были выведены из подчинения Наркомата государственной безопасности. В наркоматах обороны и военно-морского флота были созданы Третьи управления, являвшиеся органами военной контрразведки. С переподчинением особых отделов военному ведомству правительство теряло возможность получения объективной информации о состоянии боеготовности Красной Армии и канал контроля за ходом выполнения правительственных решений, касающихся армии.

Безусловно, определенное влияние на Сталина оказывали и руководители НКВД и НКГБ СССР Л.П. Берия и В.Н. Меркулов. В результате в апреле 1941 года была введена должность заместителя начальника Третьего управления, назначаемого приказом НКГБ СССР к подотчетного наркому госбезопасности. Сотрудникам Наркомата госбезопасности предоставлялись полномочия брать для расследования любые дела из Третьего управления НКО, связанные с контрреволюционными преступлениями, и разрабатывать их самостоятельно.

Таким образом, в подчинении военного ведомства органы военной контрразведки просуществовали чуть более двух месяцев, а затем вновь была в значительной мере восстановлена их независимость, которая являлась основой для объективного информирования руководства страны и проведения оперативных мероприятий без вмешательства военного командования.

В предвоенные годы значительные силы и средства органов госбезопасности были отвлечены на борьбу с антисоветскими организациями и вредительством в СССР, что объективно ослабляло другие направления деятельности. Так, в феврале 1941 года при подготовке отчета о работе органов госбезопасности в 1939-1940 годах среди семи важнейших дел выделялось уголовное дело Угарова А.И., бывшего секретаря Московского комитета партии, якобы срывавшего производство орудий,

снарядов, а также виновного в боях в снабжении населения продуктами и промтоварами. Наряду с этим к важнейшим делам были отнесены дела о заговоре в НКВД (Стомоняков), в НКВД (Чвялев), в НКВД (Ежов), в МНР (Амор), в Кабардино-Балкарской АССР (Калмыков) и другие.

В период с осени 1939 до лета 1941 года на территории Западной Украины и Белоруссии, прибалтийских государств управления НКВД проводили оперативные мероприятия по подготовке и проведению массовых депортаций населения, а также специальных операций по разгрому сепаратистских формирований. В общей сложности арестам и депортациям подверглись более 400 тысяч человек. В определенной мере мы видим повторение тех мер, которые происходили на территории советских республик в первые годы после Октябрьской революции 1917 года и в период массовых репрессий 1937-1938 годов. Существенным отличием стало резкое сокращение применения высшей меры наказания, поскольку социально-политическая обстановка в данных регионах не рассматривалась в качестве угрожающей для СССР.

1 Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д.22. Л.71-75.

2 Архив Президента РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.343а. Л.18.

3 Там же. Л.155-160.

4 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3 ос. Оп.8. Д.6. Л.325.

В. В. КОРОВИН

(доктор юридических наук, профессор Академии ФСБ РФ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В крайне тяжелом положении органы госбезопасности оказались в начальном периоде войны. Стратегическая инициатива в вооруженной борьбе находилась на стороне Германии, вермахт наступал на всем протяжении фронта. Определенные успехи имели и специальные службы противника. Заброшенным накануне и в первые недели войны в прифронтовые области разведывательно-диверсионным группам и агентам-диверсантам удалось совершить акции на важнейших коммуникациях советских войск, нарушить нормальную работу войсковых штабов, узлов и линий связи, военных и промышленных объектов. От захваченных в плен военнослужащих Красной Армии, из документов частей и соединений командование вермахта получало информацию о дислокации советских войск, их численном составе и вооружении на фронте и в ближайшем тылу. Шпионаж, диверсии, террор, «психологическая война» являлись основными формами подрывной деятельности фашистских спецслужб. Для их осуществления в Германии, в оккупированных ею странах Западной и Восточной Европы, на захваченной советской территории была развернута широкая сеть разведывательно-диверсионных школ и курсов, где шла массовая подготовка шпионов, диверсантов и террористов, а также разного рода пропагандистов для их последующей заброски в части и соединения действующей армии, в тыловые районы страны, в партизанские отряды. В годы Великой Отечественной войны против СССР действовало свыше 130 разведывательных, диверсионных, контрразведывательных команд и групп абвера и СД. Более 60 школ вели подготовку агентурных кадров.

Сложные и ответственные задачи решали органы государственной безопасности в годы войны. ГКО, правительство, СВГК возложили на них задачи по выявлению военно-стратегических планов врага, организации решительной борьбы с его спецслужбами, ограждению частей Красной Армии, партизанских формирований, оборонных объектов от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, организации за линией фронта широкой разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы.

Политическое и военное руководство СССР особое внимание уделяло добыванию информации о готовившихся крупных наступательных операциях противника, группировках его войск на различных участках фронта, войсковых резервах. Эти задачи решали органы внешней разведки. В частности, разведчики своевременно сообщали в ГКО о стратегических наступательных операциях вермахта весной - летом 1942 года на Сталинград и Северный Кавказ, в мае-июне 1943 года - на Орловско-Курском направлении. Ценная информация поступала от внешней разведки о позиции Японии во Второй мировой войне, ее планах в отношении возможного нападения на Советский Союз. Важная информация докладывалась в ГКО и И.В. Сталину о планах США и Великобритании по открытию второго фронта в Европе.

Внешняя разведка органов госбезопасности добыла большое количество секретной научно-технической информации по таким важнейшим отраслям, как атомная энергия, радиолокация, реактивные двигатели, авиация, радио, цветные металлы и специальные сплавы, химия и другим. Бывший директор ЦРУ США Ален Даллес в

книге «Искусство разведки» отметил, что «информация, добываемая советскими разведчиками в годы Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны».

Свой вклад в общее дело победы внесла советская военная контрразведка.

На плечи ее сотрудников легла тяжелая ноша организации борьбы со шпионско-диверсионной и террористической деятельностью: фашистских спецслужб на фронте и в прифронтовой полосе. Они оберегали стратегические и оперативно-тактические планы советского командования от противника, захватывали или уничтожали его разведывательно-диверсионные группы, пресекали враждебные действия трусов и паникеров в войсках, вылавливали дезертиров и членовредителей.

Для контрразведывательного обеспечения войск к началу 1943 года была создана довольно стройная система мер, включавшая в себя агентурно-оперативные, заградительные и предупредительно-профилактические мероприятия, которая позволила в значительной степени повысить эффективность борьбы с вражескими лазутчиками.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что эффективной формой контрразведывательной работы на фронте и в прифронтовой полосе был розыск вражеских агентов, включавший в себя комплексное использование оперативных сил и средств. В розыске шпионских групп и отдельных агентов активно участвовали сотрудники радио-контрразведывательной службы. Они вели постоянное наблюдение за эфиром с целью выявления нелегально работающих радиостанций. Отечественная военная контрразведка в тесном взаимодействии с командованием фронтов осуществляла активные дезинформационные мероприятия, проводившиеся в ходе так называемых радио- и оперативных игр, а также через агентов, выведенных за линию фронта. Немало армейских чекистов погибло при выполнении оперативных и боевых заданий. Тысячи военных контрразведчиков были награждены боевыми орденами и медалями, а П.А. Жидков, Г.М. Кравцов, М.П. Крыгин и В.М. Чеботарев удостоены звания Героя Советского Союза.

Органы государственной безопасности в тыловых районах обязаны были во взаимодействии с органами внутренних дел ограждать от противника военные, промышленные и транспортные объекты, электростанции, узлы и линии связи, оказывать содействие в работе оборонных предприятий. Их сотрудники сорвали немало крупных диверсионно-разведывательных и террористических акций, в том числе операций, по выводу из строя Беломоро-Балтийского канала, железнодорожных мостов через Волгу, нефтепромыслов Баку, Майкопа и Грозного, ЛЭП Углич - Москва, угольных шахт Воркуты. В Закавказье и Средней Азии, в Коми и Калмыцкой АССР, в Вологодской, Ивановской, Калининской, Куйбышевской, Пермской, Ярославской и других областях были проведены контрразведывательные операции по розыску и ликвидации разведывательно-диверсионных групп. Удачно прошли операции на Октябрьской, Кировской, Северо-Печорской, Северной железных дорогах. Агентам-диверсантам противника за годы войны не удалось нарушить работу железнодорожного транспорта, военных и промышленных объектов, узлов и линий связи.

В ходе оперативной игры «Арийцы» весной-летом 1944 года была сорвана подготовленная «Цеппелином» операция по выброске на территорию Калмыцкой АССР кавалерийских эскадронов для проведения диверсионной и бандитской деятельности. По операции «Туман» контрразведка пресекла акцию по совершению террористического акта в отношении Сталина и других руководителей советского государства.

Подразделения центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР, прежде всего, Контрразведывательного управления, совместно с местными органами безопасности проводили активные операции по утвержденному Ставкой Верховного Главнокомандования плану дезинформации противника. Самой крупной и долговременной оперативной игрой, проверенной органами государственной безопасности в Великую Отечественную войну, явилась трехэтапная оперативная игра «Монастырь» - «Курьеры» - «Березино», которая велась с конца 1941 года до окончания войны. К концу игры в ней участвовало 32 сотрудника НКГБ СССР и 250 военнослужащих войск НКВД. Германская разведка забросила в наш тыл 25 разведчиков, 13 радиостанций, много оружия, боеприпасов, обмундирования и снаряжения, продовольствия; у разведчиков было изъято свыше двух миллионов рублей.

С помощью этой оперативной игры органы госбезопасности своевременно выявляли планы германского командования и его разведывательных служб, дезинформировали противника по вопросам политического, военного и разведывательного характера, в том числе о резервах Ставки ВГК, о работе важнейших объектов оборонной промышленности и железнодорожного транспорта, о воинских перевозках, об обстановке в тылу и т.д.

Руководили контрразведывательными аппаратами, непосредственно организовывали и осуществляли контрразведывательные операции и мероприятия профессионалы-контрразведки В.Я. Барышников, Г.Ф. Григренко, М. И. Журавлев, Е.П. Питовранов, Д.П. Тарасов, П.В. Федоров, С.М. Федосеев и многие другие.

Опыт работы органов госбезопасности в тылу страны в годы войны имеет непреходящее значение. Он помогает глубже понять и критически проанализировать позитивные и негативные стороны их деятельности в кризисной и боевой обстановке, учитывать промахи и ошибки при организации контрразведывательных операций и мероприятий в быстро менявшихся условиях, своевременно вносить коррективы в работу. Заслуживает внимания и изучения опыт борьбы с незаконными вооруженными формированиями, их стратегией и тактикой борьбы с законной властью, создания и использования работоспособного агентурного аппарата и т. д.

Трудную, полную драматизма боевую деятельность вели органы государственной безопасности в тылу врага. От действовавших за линией фронта оперативных групп поступили тысячи разведывательных сообщений о войсках противника, дислокации его штабов, численности и передвижении соединений и частей, характере оккупационного режима. Спецсообщения органов госбезопасности регулярно направлялись в ГКО, СВГК, Генеральный штаб, командующему авиацией дальнего действия, командующим фронтами.

Оперативные группы до их заброски в тыл врага проходили специальную подготовку на базе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР. В них зачислялись смелые, сообразительные, физически сильные и тренированные

бойцы, члены спортивных обществ «Динамо» и «Спартак», студенты Центрального института физкультуры. Активное участие в деятельности опер-групп принимали проживавшие в СССР политэмигранты - немцы, австрийцы, испанцы, болгары, чехи, словаки, венгры. Во время действий на оккупированной советской территории и в странах Восточной Европы они активно использовались в качестве переводчиков, а также принимали непосредственное участие в разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности.

Советские разведчики и агенты проникли в ряд абверкоманд и абвергрупп, Борисовскую, Гомельскую, Киевскую, Полтавскую, Рижскую, Смоленскую и другие разведывательно-диверсионные школы абвера и Главного управления имперской безопасности. Они выявляли планы и практические действия по организации на фронте и в советском тылу диверсий, сбору разведывательной информации, организации террористических актов, добывали сведения о системе подготовки агентуры.

Неоценимую помощь органы государственной безопасности оказали широко развернувшемуся на оккупированной территории партизанскому движению. На базы крупных партизанских соединений Ковпака, Сабурова, Наумова, Вершигоры, Бегмы и других были заброшены специальные группы, которые проводили активные мероприятия по ограждению этих формирований от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, по контрразведывательному обеспечению боевых и разведывательно-диверсионных операций партизан. 25 руководителям оперативных групп, чекистам-разведчикам было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них С.А. Ваупшасов, В.А. Карасев, И.Д. Кудря, Н.И. Кузнецов, В.А. Лягин, Д.Н. Медведев, Е. И. Мирковский, Н.М. Михайлашев, Ф.Ф. Озимитель, Н.А. Прокопюк, М.С. Прудников, С.И. Солнцев, Н.В. Троян, А.Н. Шихов. Сотни бойцов оперативных групп награждены боевыми орденами и медалями.

Вся работа по организации за линией фронта разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности осуществлялась 4-м управлением НКВД-НКГБ СССР под руководством профессионалов разведки и контрразведки П.С. Судоплатова, Н.И. Эйтингона, И. Маклярского, М.Ф. Орлова и других.

В годы Великой Отечественной войны во всем величии проявились такие высокие моральные качества чекистов, как беспредельная преданность родине и народу, верность воинскому долгу, смелость и бесстрашие в борьбе с врагом. Немало сотрудников разведки и контрразведки, других оперативных и оперативно-технических подразделений пало на полях сражений и на невидимом фронте. В длительной и упорной борьбе со спецслужбами гитлеровской Германии и ее союзников советские органы государственной безопасности нанесли им решительное поражение, накопили богатейший опыт разведывательной и контрразведывательной борьбы в самых сложных, порой драматических ситуациях. Четкая стратегия, разнообразие тактических приемов борьбы с разведорганами противника на фронте, в тылу и за линией фронта обеспечили успех органам госбезопасности.

А. Я. МАЛЫГИН

(доктор юридических наук, профессор. Юридический институт МВД РФ)

О РОЛИ НКВД В УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Оборонеспособность - весьма ёмкая, многогранная категория, охватывающая, по сути дела, все сферы жизнедеятельности общества и государства. Одним из коренных условий укрепления обороноспособности являлось налаживание учета населения, поскольку без этого невозможно было на надлежащем уровне решать задачи развития экономики, военного строительства, борьбы с преступностью, обеспечения государственной безопасности. Сложившаяся в 1920-е годы так называемая легитимационная система, при которой документами, удостоверяющими личность, признавались любые справки (сельских советов, жилищных контор), студенческие билеты и т.п., а получение удостоверений личности согласно действовавшим нормативно-правовым актам¹ было не обязательным, не только не способствовала решению названных задач, но, наоборот, весьма затрудняла их достижение.

Введение в конце 1932 года единой паспортной системы и ряд других мероприятий позволили обеспечить учет населения на достаточно высоком уровне. Выявленные в ходе осуществления паспортизации факты красноречиво свидетельствовали об остроте проблемы. Достаточно сказать, что в Магнитогорске до паспортизации числилось 250 тысяч жителей, «фактически же в момент паспортизации оказалось около 75 тысяч». На Сахалине до введения паспортов по отчетным данным проживало 120 тысяч, а по итогам паспортизации - 60 тысяч жителей. Даже на предприятиях расхождения в данных были весьма существенными. К примеру, на заводе «Большевик» по отчетности, существовавшей до введения паспортной системы, значилось 22 тысячи, фактически же работало 19 тысяч человек².

Причины подобного явления заключались в следующем. Во-первых, в ходе паспортизации широко применялись репрессии в отношении лиц, лишенных права получать паспорта, и тех, кому было отказано в прописке. Так, по состоянию на август 1934 года по РСФСР за нарушение правил паспортной системы было «осуждено внесудебным порядком» - 65661, предано суду - 3596, «административно удалено» - 175627, оштрафовано - 185080 человек³. Естественно, что граждане, проживавшие в городах, рабочих поселках, работавшие на транспорте, в совхозах и на новостройках (а именно для них в обязательном порядке вводились паспорта согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года⁴), сомневавшиеся в том, что им будут выданы паспорта, чтобы избежать наказания, покидали зоны паспортизации. Однако лишь такой вынужденной «миграцией» объяснить столь существенную разницу в учетных данных о численности жителей ряда городов и регионов, о которой сказано выше, до паспортизации и после нее невозможно, тем более что по сведениям НКВД СССР на этот период по РСФСР было отказано в выдаче паспортов 3,3 процента от числа паспортизированных⁵.

Есть все основания предполагать, что еще одной причиной столь разительных расхождений в учете населения были массовые нарушения со стороны служащих разного уровня и различной ведомственной принадлежности. С 1928 года в стране существовала карточная система и приписки (своего рода «мертвые души») могли

стать для работников жилищных, распределительных и других контор источником немалого дополнительного дохода.

Система учета населения в сельской местности была налажена также неудовлетворительно. Проведенные НКВД СССР проверки органов ЗАГС, после того как они были переданы в его ведение, вскрыли вопиющие нарушения. Многие сельские советы годами не отправляли в Центральное управление народнохозяйственного учета отчеты о естественном движении населения. Только в одном Краснинском. районе Западной области за октябрь - декабрь 1934 года выявлено 130 неотосланных актов о рождении и 60 актов о смерти; в некоторых районах Московской области не были отправлены акты за четыре года. В ряде мест жители уклонялись от регистрации актов гражданского состояния из-за того, что работники сельских советов выдавали соответствующие документы лишь при условии приобретения облигаций⁶.

Положение дел удалось исправить посредством принятия целого комплекса разнообразных мер. Можно сказать, что на протяжении 1930-х годов в сфере налаживания учета населения страны органами НКВД СССР велась планомерная, целенаправленная работа.

В частности, была осуществлена «чекизация» органов ЗАГС, что выразилось в назначении на должности начальников местных отделов ЗАГС сотрудников ГУГБ НКВД СССР⁷. Последовательно совершенствовалась паспортная система.. В 1937 году была установлена обязательная наклейка в паспорта, фотографий владельцев⁸, в 1940 году фотографии стали скреплять специальным рельефным штампом. Эти и другие аналогичные меры были направлены, прежде всего, на то, чтобы затруднить подделку документов, удостоверяющих личность, а в условиях реальной угрозы войны преследовали цель обеспечения государственной безопасности, укрепления обороноспособности. Утвержденное постановлением Совета народных комиссаров СССР от 10 сентября 1940 года новое Положение о паспортах⁹ еще более укрепило систему учета населения, поскольку паспортизация была распространена на большую, нежели это предусматривалось Положением о паспортах 1932 года, территорию страны. Кроме того, несколько усложнялась процедура получения паспорта (устанавливался перечень документов, на основании которых могли выдаваться паспорта), вводилась система отметок в паспортах (в том числе, о времени приема на работу и увольнении, специальные отметки для жителей запретных зон пограничной полосы и др.). Нацеленность названных мер очевидна.

В этом же направлении были предприняты и другие шаги. С 1939 года на НКВД СССР был возложен учет рядового и младшего начальствующего состава запаса РККА. Военно-учетные столы в составе низовых аппаратов милиции действовали на протяжении всей войны и в послевоенные годы. В октябре 1940 года на НКВД СССР была возложена чрезвычайно, ответственная задача обеспечения местной противовоздушной обороны.

В предвоенные годы проводились реформы органов и подразделений НКВД СССР, носившие военно-стратегический характер и направленные, прежде всего, на укрепление обороноспособности страны. В этой связи можно упомянуть проведенную на основании постановления СНК СССР от 2 февраля 1939 года реорганизацию Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР, в результате которой оно было разделено на шесть главных управлений НКВД СССР:

пограничных войск, войск по охране железнодорожных сооружений, войск по охране особо важных предприятий промышленности, конвойных войск, военного снабжения войск, военно-строительное управление войск. В рамках ГУЛАГ НКВД СССР были созданы лагеря специального, оборонного, промышленного, железнодорожного и шоссейного строительства, по строительству аэродромов, строительству и эксплуатации предприятий горно-металлургической, топливной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности¹⁰.

С 1939 года началась работа по организации войсковых частей противопожарной обороны НКВД СССР в наиболее крупных промышленных центрах: Москве, Ленинграде, Киеве и Баку. Общая численность их планировалась весьма внушительной - 26800 бойцов, в том числе в Москве 51 рота - 10500 военнослужащих¹¹. Намечались разнообразные меры по укреплению пожарной охраны в целом.

Большое значение для укрепления обороноспособности имело наведение порядка на транспорте: снижение аварийности, борьба с расхищением перевозимых ценностей, недопущение диверсий, пресечение попыток вражеских разведок наладить подрывную работу. Создание в 1937 году железнодорожной милиции было направлено на достижение этих целей. На нее возлагалась охрана общественного порядка, борьба с преступностью, осуществление паспортного режима и тому подобные обязанности. ГУГБ, Транспортное управление НКВД СССР сосредоточили усилия на оперативно-чекистском обслуживании путей сообщения. В 1938 году в целях своевременного выявления шпионов, террористов, диверсантов на должности начальников поездов стали назначаться штатные оперативные работники ГУГБ НКВД.

В предвоенные годы значительно активизировалась мобилизационная работа внутри системы органов НКВД. Так, в частности, осенью 1938 года во всех крупных управлениях милиции были созданы организационно-мобилизационные отделы, одной из задач которых была подготовка органов РКМ к осуществлению ими функций в условиях мобилизации и военного времени. 20 апреля 1939 года был образован Мобилизационный отдел НКВД СССР. В скором времени была организована командирская учеба, налажена военная подготовка личного состава органов НКВД.

Несмотря на односторонность поставленных перед созданными осенью 1939 года во всех управлениях и отделах НКВД СССР политическими отделами задач, политаппараты внесли существенный вклад и в воспитание патриотизма, преданности родине. Подтверждением этому могут служить многочисленные заявления сотрудников НКВД о направлении в действующую армию с началом белофинской кампании. По сообщениям с мест, в некоторых регионах в результате этого сложилась весьма острая ситуация с кадрами¹². В еще больших масштабах запись сотрудников органов НКВД добровольцами на фронт наблюдалась с началом Великой Отечественной войны.

Весомый вклад органы НКВД СССР внесли в борьбу с диверсионными и разведывательными группами противника. Их изобличение и нейтрализация осуществлялись различными методами и средствами. Во исполнение постановления СНК СССР от 24 июня 1941 года приказом НКВД СССР от 25 июня «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами в прифронтовой полосе» был организован штаб в НКВД СССР, а в НКВД-УНКВД -

оперативные группы и началось формирование истребительных батальонов. 27 июня было принято решение создать в каждом районе Москвы и Московской области по одному истребительному батальону. Приказом НКВД СССР от 9 июля 1941 года уточнялись задачи истребительных батальонов, предписывалось численность каждого довести до 500 человек. Бойцы освобождались от мобилизации, от работы на предприятиях (с сохранением зарплаты) и переводились на казарменное положение. В каждый из 35 истребительных батальонов на различные командные должности Отдел кадров НКВД выделил по 15 чекистов, освободив их от исполнения всех других обязанностей. Истребительные батальоны в кратчайшие сроки были сформированы и в других регионах. Так, в Ленинградской области в июле 1941 года действовали 168 истребительных батальонов, в Орловской - 75, в Сталинградской - 66. К концу июля в прифронтовой полосе насчитывалось свыше 1500 истребительных батальонов¹³.

К середине сентября 1941 года на территории Мурманской области действовали 2 истребительных полка, 8 истребительных батальонов, 17 истребительных групп общей численностью 6453 чел. В помощь истреббатальонам была организована широкая сеть групп содействия, формировавшихся преимущественно из оленеводов, охотников, рыбаков, путевых обходчиков, линейных надсмотрщиков и школьников. Группы использовались для наблюдения за воздухом, при облавах, прочесывании местности, при патрулировании в населенных пунктах и других операциях, проводимых органами НКВД.

Бойцам истребительных батальонов поручались весьма ответственные задания. С 9 по 13 и с 23 по 25 декабря 1941 года 235 бойцов Мурманского истребительного полка, Мончегорского, Кандалакшского, Кировского истребительных батальонов, Кольской и Мурманской истребительных рот несли охрану Кировской железной дороги от Мурманска до станции Проливы во время следования специального поезда с министром иностранных дел Великобритании Иденом¹⁴.

Деятельность органов НКВД в данной сфере не ограничивалась созданием истребительных батальонов и руководством ими. В соответствии с директивой НКВД СССР №205 1941 года в каждом населенном пункте были организованы группы охраны общественного порядка численностью не менее 12 человек. В числе других обязанностей на них были возложены: проверка документов всех посторонних, появляющихся на территории населенного пункта; сопровождение задержанных в сельсовет или ближайший орган НКВД; охрана мостов, промышленных предприятий и колхозного имущества; наблюдение за исполнением правил светомаскировки в местностях, где она устанавливалась; сообщение в ближайшую воинскую часть или сельсовет о появлении вражеских самолетов или десантов. Выполняя эти задачи, группы несли дежурства по населенным пунктам в виде постов, выставляли пикеты-заслоны на дорогах и на въездах в населенные пункты, вели наблюдение за воздухом.

Приведенными фактами, конечно же, не исчерпывается тема участия органов НКВД в укреплении обороноспособности страны накануне и в годы войны. Однако даже на их основании можно утверждать, что органы НКВД сыграли в этом значительную роль.

1 См. декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. «Об удостоверении личности» (СУ РСФСР. 1923. № 61. Ст. 575) и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1927 г. «Об удостоверениях личности» (СУ РСФСР. 1927. №75. Ст. 514).

2 ГАРФ. Ф.3316. Оп.2. Д. 650. Л.31.

3 Там же. Л.27.

4 СЗ СССР. 1932. №84. Ст.517.

5 ГАРФ. Ф.3316. Оп.2. Д.1650. Л.30.

6 ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп.3. Д.613. Л.136, 215, 219.

7 Там же. Л.137.

8 СЗ СССР. 1937. №70. Ст.328.

9 СП СССР. 1940. Ст. 591.

10 Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996. С.297,359.

11 ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп.5. Д.560. Д.30-33.

12 Там же. Оп.7. Д.690. Л.14-16, 19; Д.700. Л. 2, 6.

13 Биленко С.В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969. С. 11-12.

14 Архив УВД Мурманской области. Ф.2. Оп.2. Д.4. Л. 101-102, 106.

В.А. ЛЕБЕДЕВ

(кандидат исторических наук. Академия СВР РФ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ ПО ВСКРЫТИЮ СРОКОВ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СССР

Деятельность внешней разведки органов государственной безопасности Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны продолжает привлекать пристальное внимание отечественных специалистов-историков. Доказательством тому служит появление в последнее десятилетие значительного количества исследований по данной теме, наиболее заметны из которых 3-й и 4-й тома «Очерков истории российской внешней разведки», подготовленные ветеранами СВР. В них предпринята попытка с привлечением новых, неизвестных ранее данных объективно и всесторонне показать вклад разведчиков в достижение победы над врагом.

Важнейшей задачей разведки в предвоенный период являлось вскрытие конкретных планов и мероприятий нацистской Германии по подготовке к войне против СССР, получение точной и достоверной информации о сроках возможного нападения. Вопрос этот в силу целого ряда факторов, как объективных, так и субъективных, до сих пор остается во многом дискуссионным.

Исследования и публикации, в разной степени его затрагивающие, трактуют эту тему весьма противоречиво. Так, в 1960-е годы основная вина возлагалась на И.В. Сталина, который-де не верил неоднократным сообщениям разведки, полученным от проверенной агентуры, поскольку верил Гитлеру, с которым заключил Пакт о ненападении. В 1970-е годы знаковые ориентиры поменялись с точностью до наоборот: утверждалось, что разведка давала противоречивую, непроверенную и недостоверную информацию, что дезориентировала руководство страны, в результате чего оно не смогло правильно определить дату возможного нападения, что и привело к трагедии 1941 года. Убедительным доказательством неисчерпанности данной темы явились публикации последних лет, в которых с разной степенью компетентности излагаются иные версии, вплоть до откровенно клеветнических, например, версия о том, что Гитлер просто-напросто опередил своего восточного соседа и нанес удар первым.

Таким образом, даже значительное количество публикаций не приближает нас к ответу на вопрос, точнее на целый ряд вопросов, о том, каков был уровень информированности политического руководства страны в лице И.В. Сталина о сроках возможного нападения, какая другая информация ложилась ему на стол, насколько эффективно и результативно работали «легальные» и нелегальные резидентуры НКВД-НКГБ СССР в ведущих европейских государствах, к какого рода информации имела доступ их агентура. Будет уместно привести высказывание П.А. Судоплатова, который в своей книге «Разведка и Кремль» писал: «...Руководство страны не смогло правильно оценить полученную по разведывательным каналам информацию, но надо сначала разобраться с вопросом, что представляла собой эта информация»¹. На данный вопрос мы попытаемся ответить.

Как известно, разведывательная информация о ходе подготовки нападения Германии на СССР поступала руководству госбезопасности из следующих органов внешней разведки: «легальных» и нелегальных резидентур, замыкавшихся на 5-й

отдел НКВД (с февраля 1941 года - Первое управление НКГБ), в частности из Берлинской, Кенигсбергской, Варшавской, Братиславской «легальных» резидентур; 5-х отделов НКВД (затем первых управлений НКГБ) союзных республик, прежде всего Украинской, Белорусской, Литовской и Молдавской ССР; Управления погранвойск НКВД СССР, располагавшего на всем протяжении советско-германской границы мощным агентурным аппаратом. Кроме того, сведения поступали от агентов из числа инженерно-технических работников, находящихся на связи у сотрудников Главного технического управления НКВД СССР, а также от закордонной агентуры и агентов, работавших на Белорусской, Брестской и Львовской железных дорогах. Ими руководили сотрудники дорожно-транспортных отделов НКВД.

Что же представлял собой добывающий аппарат внешней разведки и ее центральный орган? По состоянию на февраль 1941 года за границей работало 45 «легальных» и 14 нелегальных резидентур, в которых трудилось 242 оперативных работника, на связи у которых имелось около 600 различных источников информации². Центральный аппарат насчитывал 235 чекистов-разведчиков. Разведку с мая 1939 года возглавлял комиссар госбезопасности 3 ранга П.М. Фитин, роль которого как в деятельности внешней разведки, так и в достижении победы над врагом, как представляется, до сих пор не получила достойной оценки.

Говоря о состоянии разведки в предвоенные годы, нельзя обойти молчанием обрушившиеся на нее репрессии. Ссылки на них в отечественной историографии зачастую служат предметом различных политических спекуляций. Между тем известно, что на январь 1939 года было арестовано 92 и уволено 87 сотрудников центрального аппарата, отозваны из резидентур и находились в распоряжении Центра 67 оперативных работников.

Говоря о потерях, не будем забывать, что уже в 1939-1941 годах в разведку влилось серьезное пополнение - 120 выпускников Школы особого назначения. Таким образом, было бы некоторым преувеличением утверждать о тотальном свертывании разведывательной работы за рубежом накануне войны. В последующий же период ее деятельность постепенно активизировалась. Как отмечается в документе, «в 1939 - начале 1940 года внешняя разведка восстанавливала свои агентурные позиции в ведущих странах мира»³.

Вместе с тем необходимо попытаться внести ясность в вопрос об уровне значимости разведывательных служб в глазах руководства СССР. Бытует мнение, что И.В. Сталин пренебрегал разведкой, а ее руководители не имели постоянного доступа к нему. Напротив, из воспоминаний ветеранов разведки явствует, что еще с периода своей подпольной деятельности Сталин весьма заинтересованно относился к спецслужбам, считал себя специалистом в этой области. Накануне войны он задействовал все каналы сбора информации и ревностно следил за тем, чтобы никто не был лучше, его информирован.

В предвоенный период одним из ведущих заграничных аппаратов внешней разведки органов госбезопасности являлась «легальная» резидентура в Берлине, куда стекалась важная военно-стратегическая и научно-техническая информация о ходе, масштабах, темпах подготовки Германии к нападению на Советский Союз и, главное, о его сроках. Накануне войны в ней работало от пяти до семи сотрудников, возглавляемых товарищем Захаром - Амаяком Кобуловым, бывшим заместителем наркома внутренних дел Украины. К сожалению, оперативный опыт как самого резидента, так и большинства его сотрудников был весьма невелик.

Важно отметить, что сам резидент в определенной степени чувствовал себя заложником обстоятельств и подчас весьма нелицеприятно оценивал результаты своей работы. Подчеркнем также, что и раньше положение с добыванием упреждающей информации о сроках нападения Германии на очередную страну обстояло в резидентуре весьма неблагоприятно, о чем свидетельствует следующая выдержка из оперативного письма товарища Захара в Центр от 19 июня 1940 года: «Когда утром 10 мая (1940 года. - В.Л.) передавали по радио речь Геббельса о переходе германскими войсками голландско-бельгийской границы, и я об этом передал помощнику военного атташе Бажанову, он буквально растерялся и заявил: «Черт возьми, хоть стреляйся, опять прозевали». Больше того, проездом в Берлине был секретарь постпредства СССР в Дании Корчагин. Я поговорил с ним - знали ли они об оккупации Дании? Корчагин заявил, что им абсолютно ничего не было известно. Все спокойно спали, и когда в 6 часов утра над Копенгагеном появились немецкие самолеты, германский посол позвонил в советское постпредство и предупредил, что это германские самолеты, пусть господа не боятся. Приведенные факты лишь подтверждают, насколько плохо мы работаем».

Берлинская «легальная» резидентура располагала весьма многочисленным агентурным аппаратом. По состоянию на февраль 1941 года на связи у ее сотрудников находились 18 агентов: «Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах», «Август», «Цопот», «Фильтр», «Лицеист», «Чернов», «Юн», «Экстерн», «Старик», «Лесовод», «Эразмус», «Франкфуртер», «425- й», «Хайдерсбах», «Винтерфельд». Была потеряна связь с «Ученым» и «Венерой». Продолжение работы с рядом источников, такими, как «Непельбаум», по ряду оперативных соображений признано нецелесообразным. Следует признать, что наряду с весьма ценными источниками информации в агентурном аппарате резидентуры были подставы, внедренные германскими спецслужбами. Наиболее известная подстава - «Лицеист» - была выявлена лишь после окончания войны.

На примере Берлинской «легальной» резидентуры видно, что органы внешней разведки располагали значительным добывающим аппаратом, от которого поступало большое количество самой разнообразной информации.

Что представляла собой информация, передаваемая этой агентурой? Для ответа на этот вопрос важно разобраться в том, на получение какого рода сведений ориентировал Центр оперативный состав резидентуры. Наглядное представление об этом дает одна из многочисленных ориентировок Центра товарищу Захару, датированная 10 июня 1941 года и состоявшая более чем из десятка пунктов. Вот первые шесть: общая численность взятого в германскую армию контингента и его распределение; организационно-штатная структура германских воинских соединений; общая численность танков, бронемашин, авиации; достигнутые производственные мощности в Германии по выпуску танков, броневиков, другой, техники; над какими опытными образцами танков, авиации, артиллерийского вооружения работают сейчас немцы; дислокация штабов германской армии. И только десятым, пунктом идет указание: постараться добыть сведения о планах военных операций против СССР в любой форме⁴.

В соответствии с получаемыми инструкциями разведчики и строили работу со своими источниками. Так, «Корсиканец» - старший референт отдела торговой политики Министерства хозяйства, и «Старшина» - сотрудник разведывательного отдела штаба германской авиации, не только лично добывали важную военно-

экономическую информацию, но и активно работали со своими подысточниками. В одном из инструктивных писем Центра, в частности, указывалось: «Старшина» через «Шведа» добывает данные о дислокации немецких частей в Румынии, через «Испанца» - сведения по личному составу германских ВВС. «Корсиканец» может осветить ряд вопросов по военно-химической промышленности (через «Турка»), по военно-техническим новинкам (через «Грека»), некоторые данные по военно-морскому флоту (через «Итальянца»), «Брайтенбаха» следует направить на выявление дислокации германских частей, а, также строительства укреплений на нашей границе. «Франкфуртер» также может собрать ряд сведений по военной промышленности Германии и по военно-морскому флоту»⁵.

От наиболее ценной агентуры в лице «Старшины» и «Корсиканца» регулярно, зачастую инициативно, поступали данные о сроках нападения Германии на СССР. Наглядное представление об уровне их информированности дает документ внешней разведки «Календарь сообщений «Корсиканца» и «Старшины» о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.» Документ начинается с сообщения «Корсиканца» о том, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Самая важная часть донесения - о сроках нападения - была весьма приблизительной. В октябре того же 1940 года «Корсиканец» вновь сообщил, что срок нападения - начало будущего года. В том же месяце он указывал: офицер штаба верховного командования заявил, что через шесть месяцев Германия начнет войну против СССР. «Старшина», сообщая 20 марта 1941 года о подготовке к войне с СССР, в частности, отметил, что имеющиеся данные лишь на 50 процентов подтверждают, что выступление произойдет, поскольку все это вообще может оказаться блефом. По его же данным от 14 апреля перед войной, которая может начаться после захвата Югославии и Греции, следует ожидать германского ультиматума. 24 апреля оба источника сообщили, что «акция против СССР уступила место удару на Ближнем Востоке». 30 апреля поступило сообщение, что, по данным «Корсиканца», Германия планирует решить продовольственную проблему за счет расширения хозяйственных связей с СССР с предъявлением ему требований о значительном увеличении поставок сырья. 8 мая от «Старшины» также поступала информация о том, что, хотя нападение и не снимается с повестки дня, немцы сначала выдвинут Советскому Союзу ультиматум с требованием увеличить экспорт в Германию, но ультиматуму будет предшествовать «война нервов», т.е. именно те переброски войск к границам СССР, о которых предупреждала разведка и которые сами немцы не думали скрывать. 11 мая они подтвердили, что ультиматуму будет предшествовать «война нервов» для деморализации СССР, а 14 мая последовало сообщение, что нападение на СССР отложено, 9 июня источники снова передали об ожидаемом германском ультиматуме и о том, что решение о вторжении на территорию СССР отложено до середины июня. 11 июня поступили данные, что решение о нападении принято, а 16 июня пришло многократно описанное сообщение о том, что все приготовления закончены и удар можно ожидать в любое время.

На этом сообщении остановимся чуть подробнее. Авторы-составители «Очерков истории российской внешней разведки» характеризуют его как «...отчаянное, убежденное, по-немецки твердое, посланное из Берлина утверждение: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время»⁵. Напомним, что именно это сообщение и обсуждал И.В. Сталин с начальником разведки П.М. Фитиным 17 июня 1941 года. Фитин вспоминал: «Как только ему (источнику - В. Л.) стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на

внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение». Далее он добавил: «У нас нет основания сомневаться в правдоподобности информации». Сомневаться в ее правдоподобности действительно не приходится. Участники антифашистской организации, получившей впоследствии название «Красная капелла», делали все возможное, чтобы добывать любые сведения, касающиеся нападения Германии на СССР, но сроками или сроком нападения «любое время» назвать никак нельзя. Для полноты картины добавим следующее: 11 июня 1941 года резидент внешней разведки в Хельсинки Е.Т. Синицын получил сообщение о том, что вопрос о выступлении Германии против России будет решен окончательно 24 июня. 19 июня руководителю «легальной» резидентуры в Риме Г.И. Рогачеву передали информацию, что Германия нападет на СССР примерно 20-25 июня. Б.Н. Журавлеву в Берлине на очередной встрече с «Брайтенбахом» стала известна другая дата - 22 июня. Органы военной разведки также добывали информацию о вероятных сроках начала агрессии Германии против СССР через агентуру в дипкорпусе, но и они докладывали ее в общем ключе. Так, 7 февраля 1941 года поступили сведения, что среди дипкорпуса усилились слухи о возможном вторжении Германии в Советский Союз. По одной версии, это произойдет после разгрома немцами Англии, по другой, которая считалась наиболее вероятной, Германия нападет на СССР до удара по Англии с целью обеспечить себе тыл. Последнюю точную дату начала войны получило управление НКГБ по Львовской области 22 июня 1941 года в 3 часа 10 минут от перебежчика, ефрейтора германской армии и по телефону передало информацию в НКГБ УССР, однако это уже никак не могло повлиять на развитие событий. Вплоть до нападения в информационных сводках НКГБ не содержалось однозначного вывода о непосредственной угрозе начала войны. Так, в сводке от 20 июня 1941 года отмечалось, что продолжают перебройки войск из Франции и Греции в направлении на Люблин, Брест и Восточную Пруссию. Отмечено наличие санитарных и бензозаправочных колонн, а в приграничной полосе было официально объявлено о том, что на днях будут проводиться большие маневры германской армии, в связи с чем население призывалось к соблюдению спокойствия. Таким образом, простое перечисление стекавшейся в Центр информации со всей очевидностью позволяет опровергнуть многократно тиражированную некомпетентными исследователями и прессой версию о том, что И.В. Сталин, будучи убежден, что Германия по ряду причин сейчас не нападет на СССР, если ее не спровоцировать, не желал поверить в очевидное. Закономерно возникает вопрос: что подразумевается под этим «очевидным»? Те семь или девять весьма приблизительных дат, сопровождаемых к тому же множеством оговорок? В этой связи представляется глубоко закономерной, обоснованной и объяснимой реакция Сталина, выраженная в очень грубой форме. Речь идет о его многократно цитировавшейся резолюции на спецсообщении НКГБ № 2279/М от 17 июня 1941 года: «Тов. Меркулову. Можете послать Ваш «источник» из штаба германской авиации к е... матери».

Сейчас ясно, что противоречивая, хотя исходящая из одних и тех же источников информация, отсутствие в структуре внешней разведки НКГБ самостоятельного информационно-аналитического подразделения, неумение ее руководителей распознавать дезинформационные мероприятия германских спецслужб - все это в совокупности не позволило советскому руководству объективно оценить политическую и оперативную обстановку, сложившуюся на советско-германской границе в мае-июне 1941 года. Однако попытка свести все к чрезмерной самоуверенности Сталина и игнорированию им роли разведки - проявление, безусловно, одностороннего и явно предвзятого подхода при оценке этого

исключительно сложного вопроса. Что касается внешней разведки, то в предвоенные периоды она свой долг выполнила полностью. Используя все имевшиеся в ее распоряжении средства, она своевременно и точно установила факт сосредоточения германских войск на советской границе, выявила целый ряд признаков готовящегося внезапного нападения на СССР, углубленный анализ которых - дело будущего. Однако советское руководство, зная о неизбежности войны с Германией, увязывало ее начало с непременным выдвижением ультиматума, организацией провокаций или завершением англо-германской войны, тем более что от агентуры внешней разведки в Англии и США и по дипломатическим каналам Сталин получал информацию о попытках Англии договориться с Гитлером. Поэтому, будучи уверен, что Германия не осмелится напасть на СССР, не ликвидировав угрозу со стороны Англии, Сталин окончательно перестал воспринимать предупреждения, характер которых мы только что рассмотрели. В этом, как представляется, один из ключей к трагедии 1941 года.

1 Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С.134.

2 Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т.3. С.18.

3 Секреты Гитлера на столе у Сталина: Сборник документов. М., 1995. С. 8.

4 Архив СВР РФ. АНД 21616. Т.5. Л.250.

5 Там же. Л.249.

6 Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т.4. С.26.

В.Я. КОЧИК
(Служба информации МНВК ТВ-6)

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939-1941)

Военная разведка в предвоенный период, после волны массовых репрессий, восстанавливала, по мере возможности, старые и развертывала новые агентурные сети. Ее центральный аппарат в это время дважды, менял свое название: Разведывательное управление РККА переименовывается в 5-е управление РККА, затем становится Разведывательным управлением Генерального штаба РККА. Во главе разведки в этот период стояли комдив, потом генерал-лейтенант Иван Иосифович Проскуров (апрель 1939 - июль 1940) и генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков (июль 1940 - ноябрь 1941). Среди ее сотрудников было много новичков, недавно пришедших на работу в Управление в основном после окончания военных академий. Руководителями основных подразделений были майоры и полковники, не успевшие еще привыкнуть к своим новым званиям. Оставались немногие относительно старые сотрудники военной разведки.

Приведем данные по некоторым из стран, где действовала военная разведка.

АФГАНИСТАН. Позиции советской военной разведки в Афганистане, где активно действовали спецслужбы Германии, Японии, Великобритании, Польши, Турции были довольно сильными. Военным атташе и резидентом в 1937-1939 годах под фамилией Рубенко был опытный, разведчик майор Николай Петрович Савченко. Его сменил майор Яков Васильевич Карпов (1939-1941), прошедший лишь краткую спецподготовку.

Состоявшие на связи у них источники поставляли весьма детальную и подробную информацию. Так, например, «Имам», «Мамаджан». «Этем» (военное министерство, главный штаб, армия) предоставили материалы об увольнении и призыве в афганскую армию унтер-офицеров и рядовых, наличии и некомплекте в воинских частях, февраль - март, 1939 года; дислокации частей и фамилиях командиров афганской армии, март 1939 года; боевой подготовке частей, перемещениях и назначениях в армии, список афганского летного состава, получившего подготовку в Индии, август 1939-года и др.

Не менее ценные данные поступали от «Кадыра» (пограничная охрана), «Салиха» (Министерство иностранных дел), «Ишана» (Министерство финансов), «Ислама», «Дади», «Ильяса» (другие государственные учреждения), «Насретдина» (узбекская эмиграция), а также от «Мана», «Случайного», «Дербара», «Уйгура», «Родственника», «Кира», «Фирки», «Куляха», «Эрго»¹. Что же касается деятельности афганской контрразведки, то в агентурном справочнике по состоянию на 20 декабря 1940 года отмечалось следующее: «...судя по тому, что за последние уже долгие годы, неизвестно было ни об одном каком-либо судебном процессе, связанном с поимкой какого-либо шпиона, ни об одном каком-либо дипломатическом представлении со стороны афганского МИДа какому-либо иностранному посольству по вопросу о шпионаже, несмотря на то, что иностранных шпионских организаций здесь немало, можно сказать, что афганская контрразведка работает плохо»².

БОЛГАРИЯ. Деятельностью агентуры в Юго-Восточной Европе, как отмечал в своих мемуарах бывший нацистский посол в Турции фон Папен, руководила русская

миссия в Софии. Папен считал ее лучшим центром Москвы по сбору разведывательной информации³. В 1937-1939 годах военным атташе и резидентом в этой стране был полковник Александр Иванович Бенедиктов, имевший за плечами шестилетний опыт работы за рубежом. Его преемниками стали новички в разведке: майор, потом полковник Иван Федорович Дергачев (1939-1941) и его помощник майор Леонид Андреевич Середа, исполнявший обязанности руководителя разведки в марте-июне 1941 года⁴. Им удалось создать ряд эффективных разведывательных организаций. Большой заслугой Бенедиктова Центр назвал привлечение к сотрудничеству с военной разведкой в январе 1939 года генерал-майора болгарской армии в отставке Владимира Займова («Азорский»), которому удалось создать за первые два года работы сильную организацию с источниками информации не только в Болгарии, но и в Германии, Турции, Греции, Румынии. Займов неоднократно передавал «Директору» сведения о продвижении немецких войск к границам СССР, а в начале апреля 1941 года генерал срочно вызвал своего связного на встречу и сообщил ему, что в июне Германия нападет на Советский Союз⁵. «Красный генерал» и многие его соратники были арестованы в марте 1942 года, а 1 июня того же года Владимир Займов был расстрелян. Спустя 30 лет ему присвоили звание Героя Советского Союза.

В конце 1939 года стараниями полковника Дергачева создается и впоследствии расширяется разведгруппа, во главе которой стояли писатель Крystю Белев («Август») (1939-1941) и известный адвокат Александр Пеев («Боевой») (1941-1943), Заместителем «Боевого» был генерал-майор Никифор Никифоров («Журин»), начальник военно-судебного отдела Военного министерства Болгарии, член Высшего военного совета. Членом группы был видный болгарский дипломат, посол в Албании, Египте, а потом Японии Янко Пеев, («Тан»). Многочисленные знакомства позволяли «Боевому» получать, нужные сведения также из Берлина, Бухареста и Стамбула. Среди переданной им информации особо отмечают сообщения о надвигавшейся войне, о том, что болгарская армия не будет в ней участвовать, о том, что немцы, не собираются нападать на Турцию, а японцы на СССР. В апреле 1943 года Александр Пеев и ряд его, сотрудников были арестованы и в ноябре расстреляны. А. Пеев посмертно награжден советским орденом Ленина и болгарским орденом Георгия Димитрова⁶.

В год начала Второй мировой войны сформировал и возглавил разведывательную организацию видный работник Болгарской компартии Стефан Богданов («Арбатов»), ставший сотрудником советской военной разведки в середине 1930-х годов. Организация получает название по его псевдониму - группа «Арбатов». Подразделения группы, центром которой стала София, были созданы в Варне, Русе, Тырново, Горно, Оряховице, Пловдиве и других районах страны. Ценная информация в Москву передавалась тремя рациями. Несмотря на отдельные аресты, организация «Арбатова» успешно работала до Сентябрьского восстания 1944 года, после которого Богданов возглавлял болгарскую контрразведку (1944-1947), был репрессирован по делу Трайчо Костова (1949) и реабилитирован в 1956 году⁷.

Среди ряда других болгарских групп следует отметить деятельность Каприела Каприелова (1940-1944) и Гиню Стойнова (1940-1943), награжденных орденами Ленина, Зиновия Зиновьевича Христова (1940-1944), Антона Макаровича Прудкина (1939- 1941), Пантелея Сидерова (1937-1942).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Вскоре после прибытия в Лондон в марте 1939 года группы ведущих сотрудников чехословацкой военной разведки («особая военная группа»), было возобновлено их сотрудничество с советскими коллегами, которое началось в 1936 году после подписания секретного соглашения. Встречи представителей двух разведок и обмен информацией между ними продолжались всю войну. Налаживалось взаимодействие и с сотрудниками других союзных спецслужб: с поляками (1941-1943), с англичанами и американцами (1943-1944). С советской стороны участие в этой деятельности принимали военно-воздушный атташе комбриг И.И. Черний, военный атташе полковник И.А. Складов, военный атташе при союзных правительствах в Великобритании майор, затем подполковник А.Ф. Сизов, помощник военно-воздушного атташе майор Б.Ф. Швецов и другие⁸.

В мае 1941 года к работе в Великобритании приступила нелегальная разведчица и радистка Урсула Кучинская (Гамбургер, Бер-тон, «София»), имевшая к тому времени уже десятилетний опыт службы за рубежом. Связь с Центром она поддерживала по радио и через сотрудника легальной резидентуры, секретаря военного атташе (1937-1942) полковника Семёна Давыдовича Кремера (впоследствии Героя Советского Союза). Среди тех, с кем она поддерживала контакты, был и физик Клаус Фукс, участвовавший в разработке атомной бомбы, и немцы - сотрудники американской разведки, в том числе и ее брат. Деятельность Урсулы в Англии продолжалась до 1946 года, а с 1950 года она жила и работала в ГДР, где стала известной писательницей под псевдонимом Рут Вернер⁹.

ВЕНГРИЯ. Советским военным атташе и резидентом в Венгрии в июне 1940 года был назначен полковник Николай Григорьевич Ляхтеров («Марс»), ранее год бывший заместителем начальника 1-го (агентурного) отдела Разведупра. В военной разведке он работал с февраля 1936 года после окончания Специального факультета Военной академии им. Фрунзе. Позже в Будапешт были направлены сотрудники атташе: его помощник майор А.З. Арзамасцев, секретарь капитан И.Д. Кочегаров, шофер военный инженер 3 ранга А.И. Квоков. Ляхтерovu удалось обеспечить получение и передачу в СССР важной информации, касавшейся не только Венгрии, но и других стран. Сведения к «Марсу» поступали от его коллег, работавших в Будапеште, и от агентуры («Вагнер», «Словак» и другие)¹⁰.

ГЕРМАНИЯ. В 1939 году пост военного атташе оказался вакантным, и его обязанности (и обязанности резидента) исполнял с августа помощник по авиации полковник Николай Дмитриевич Скорняков («Метеор»), выпускник Академии Генерального штаба. Новый атташе и резидент прибыл только в декабре 1940 года. Это был генерал-майор Василий Иванович Тупиков («Арнольд»), уже служивший на такой же должности в Эстонии (1934- 1937). Им помогали полковники Василий Ефимович Хлопов и Иван Григорьевич Бажанов, окончившие Академию Генерального штаба¹¹. Основной вопрос, на который им предстояло ответить, выступит ли Германия против СССР и когда это произойдет. Опираясь, в частности, на материалы, добытые журналисткой Ильзой Штёбе («Альта») и дипломатом Рудольфом фон Шелиа («Ариец»), резидент отметил 26 апреля 1941 года, что «сроки начала столкновения - возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года». 12 июня «Арнольд» докладывал: «Из 10 миллионов немецкой армии три четверти находятся восточнее меридиана Штеттин-Берлин-Вена. Немецкая пропаганда прекратила заявления о неизбежности столкновения на Востоке. Сведения о мобилизации в Румынии подтверждаются. «Ариец» называет теперь срок наступления против нас 15-20 июня». 16 июня в Центр от него поступила телеграмма: «В кругах штаба верховного командования упорно циркулирует версия

о германском выступлении против СССР 22-25 июня. Заготовлены пропагандистские материалы для русских областей»¹².

Весьма эффективную организацию, которая охватывала как Германию, так и другие страны, возглавлял в 1935-1946 годах разведчик-нелегал Ян Петрович Черняк, сотрудник военной разведки с 1930 года. «Советское командование своевременно получало от Черняка подробные данные о системах противовоздушной и противолодочной обороны Германии, боевых возможностях, огневой мощи и конструктивных особенностях германской военной техники и боеприпасов, используемых вермахтом и люфтваффе оперативно-тактических приемах... материалы, позволяющие достоверно судить о состоянии оборонных отраслей промышленности и производственных мощностях, запасах стратегического сырья и потребностях в нем, и многое другое, что позволяло провести объективную оценку военно-экономического потенциала воюющих стран»¹³.

Генерал Тупилов погиб в сентябре 1941 года в окружении. Ильзе Штёбе и Рудольф фон Шелиа были арестованы в сентябре 1942 года и в декабре казнены. Я.П. Черняк умер пять лет назад, за несколько дней до смерти ему было присвоено звание Героя Российской Федерации.

МЕКСИКА. Нелегальную резидентуру в этой стране в предвоенные годы возглавлял Алексей Павлович Коробицын («Турбан»), а находившейся у него в подчинении разведгруппой командовал Федор Иосифович Кравченко («Клейн»), Оба они выросли в Латинской Америке и только в 1920-е годы вернулись в СССР, отличились во время гражданской войны в Испании как переводчики и закрытыми постановлениями ЦИК СССР в 1937 году были награждены: Коробицын - орденом Красного Знамени, Кравченко - орденами Красного Знамени и Красной Звезды¹⁴. Созданная «Турбаном» и «Клейном» организация имела широкие возможности для освещения ситуации не только в Мексике, но также в Латинской и Северной Америке и даже в Японии. В начале Великой Отечественной войны они были отозваны в Москву, участвовали в партизанском движении, командовали отрядами в тылу врага на Украине. Ф.И. Кравченко в 1945 году было присвоено звание Героя Советского Союза, после войны он возглавлял нелегальную резидентуру во Франции (1945-1949), умер в 1988 году. А.П. Коробицын стал писателем, умер в 1966 году.

НИДЕРЛАНДЫ. Организацией «Хильда», созданной в преддверии германской агрессии, руководил нидерландский коммунист Антон Винтеринк («Тино»), он же был радистом. С конца 1940 года группа, имевшая в своем распоряжении три радиостанции, поддерживала постоянную связь с «Директором», передавая ему ценную информацию. Осенью 1942 года произошел провал, гестапо удалось схватить Винтеринка и его помощников, однако благодаря предпринятым мерам безопасности 9 из 12 членов «Хильды» остались на свободе и продолжали свою деятельность, передавая информацию в Москву с помощью двух оставшихся у них радиостанций. Антон Винтеринк был расстрелян 6 июля 1944 года¹⁵.

ПОЛЬША. Нелегальным резидентом в Польше был Никола Василев Попов («Черный»), поселившийся в Кракове еще в 1936 году под именем Стояна Влодова. Информация к резиденту поступала от сотрудников болгарского посольства в Варшаве Димитра Икономова и Трифона Пухлева, от секретаря болгарского торгпредства в Берлине Алексия Икономова, от сотрудников болгарских представительств в Вене, Праге, Будапеште, от руководителей обществ болгарских садоводов в Чехословакии, Венгрии, Австрии. В Польше его источники находились

среди преподавателей и студентов Ягеллонского университета, художников, военных, болгарских садоводов и рабочих военных заводов. Оккупация страны нарушила многие планы и связи резидентуры, но вместе с тем наладились связи с ответственными сотрудниками гитлеровской администрации и даже с гестапо. После нападения Германии на СССР связь Попова с Центром практически прервалась, поскольку в резидентуре не было ни передатчика, ни радиста, и он стал действовать в рядах польского сопротивления. В январе 1943 года «Черный» и некоторые его сотрудники были арестованы. Попов был убит гитлеровцами 23 июля 1944 года в австрийском замке Хартхайм⁶.

Разведчиком Красной Армии в районе Кельце в 1939-1941 годах был деятель Польской компартии и профсоюзов Станислав Давидович. Довольно быстро ему удалось наладить сбор информации на металлообрабатывающем заводе в Скаржиско, металлургическом заводе «Людвигув», фабрике «Гранат» в Кельцах, ремонтных мастерских немецкой армии, на станции Кельце, Ченстоховском железнодорожном узле и др. Сведения передавались в СССР сначала с помощью курьеров, а с августа 1940 года - по радио. В июне 1941 года Центр сообщил о награждении Давидовича медалью «За отвагу». В связи с отступлением Красной Армии в первый период Великой Отечественной войны радиослышимость стала уменьшаться, а затем пропала совсем. В 1941-1944 годах организация занималась актами саботажа, а с 1944 года через партизанские радиостанции отрядов Гвардии и Армии Людовой вновь наладила передачу информации¹⁷.

РУМЫНИЯ. Ценными источниками информации в стране были супруги Веякиш. Курт («АБЦ») - немецкий журналист и дипломат, атташе посольства Германии в Бухаресте. Марта («ЛЦЛ») - сотрудница того же посольства. Сведения поступали от адвоката Сокура, венгерского журналиста Немеша, врача-хирурга Самуила Шефера («Врач»), от «Грота», «Марта» и «Марата». Руководил их работой третий секретарь полпредства СССР в Румынии Григорий Михайлович Еремин («Ещенко»), окончивший Спецфакультет Военной академии им. Фрунзе в 1938 году и чуть более года возглавлявший в Разведупре отделение Румынии и Балкан. «Ещенко» сообщал о военных приготовлениях Германии к войне с СССР, которые «идут, как часовой механизм и делают вероятным начало войны еще в июне этого года...»¹⁸.

США. В 1939 году был отозван в СССР нелегальный резидент Борис Яковлевич Буков, проработавший в стране три года и имевший широкую агентурную сеть, позволявшую ему получать ценные материалы политического, экономического и научно-технического характера. В Москве он два года преподавал в разведшколе, а затем был отправлен на работу в Институт иностранных языков. Но про-, должны были работать другие нелегалы. Резидентура Артура Александровича Адамса (1938-1945) поставляла много ценной военно-технической информации, в том числе и по атомной проблеме. Резидентура Залмана Вульфовича Литвина («Муллат», 1937-1946), работавшего в Калифорнии под именем Игнатия Витчака, добывала и передавала в Центр разнообразную информацию по США и Японии¹⁹.

Хороших результатов добились разведчики и резиденты в других странах: Леопольд Захарович Треппер («Отто») в Бельгии и Франции (1938-1942); Арнольд Шнез («Гарри») во Франции, Англии, Германии, Италии, Швейцарии (1935-1942); Леонид Андреевич Михайлов (Мохов, «Рудольф») (1939-1941) и Владимир Врана (1935-1943) в Чехословакии; Генрих Фомферра и Ганс Шварц (группа «Солте») в Словакии (1940-1942); Михаил Павлович Кутузов в Турции (1939-1941); Шандор Радо («Дора») (1936-1944) и «Карел Выбирал» («Пауль») (1939-1945) в Швейцарии; Семен

Кузьмин Старостин («Кент») в Скандинавских странах (1939-1941); Александр Георгиевич Самохин («Софокл») в Югославии (1940-1941); Рихард Зорге («Рамзай») (1933-1941), Иван Васильевич Гущенко (1940-1944), Янко Леев («Тан») (1942-1943) в Японии и многие другие.

Многолетний сотрудник IV Управления Штаба РККА - Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, резидент в США, заместитель начальника Агентурного управления ГРУ, генерал-лейтенант Михаил Абрамович Мильштейн полагал, что советская военная разведка, «несмотря на понесенные потери, не только восстановила свои прежние связи, но превратилась в одну из самых сильных, если не сильнейшую военную разведку в мире», и перед войной она «своевременно и в полном объеме предоставила политическому и военному руководству страны все необходимые данные о сосредоточении немецких войск, их составе, планах и сроках возможного нападения фашистской Германии на Советский Союз». Однако «главная трудность для нашей (и не только нашей) разведки состояла не в том, чтобы добывать информацию, а в том, чтобы в нее поверило политическое и военное руководство - особенно если собранные сведения не укладывались в схему, в плену которой находилось само это руководство»²⁰.

1 РГВА. Ф. 25895. Оп.1. Д.943, 944.

2 Там же. Д.947. Л.41.

3 Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С.237.

4 РГВА. Ф.37837. Оп. 18. Д.635. Л.7.

5 Недев Н. Генерал Владимир Заимов. София, 1973. С.166-167, 178-179.

6 Его же. Тайная война. София, 1988. С.39-40, 59-62, 84-133, 220-229.

7 Ковачев К. Варненцы в помощ на съветското командване през 1939-1944 // Военноисторически сборник. София, 1983. С.143-146; Наумов Д. Конвой. София, 1992. С.3, 67-68.

8 Strankmueller E. O spolupraci ceskoslovenske a sovske vojenske rozvedky v Praze a v Londone // Slovansky prehled. Praha, 1968. №1. S.72.

9 Вернер Р. Соня рапортует. М., 1980. С.216-244.

10 РГВА. Ф.37837. Оп.18. Д.1006. Л.16-17; Сопряков В.Н. Восток - дело тонкое. М., 1999. С.148, 154-155.

11 РГВА. Ф.37837. Оп.18. Д.1006. Л.24-25.

12 1941 год: В 2-х книгах. Кн.2. М., 1998. С. 117; Крылов С. Поединок // Советская милиция. 1967. № 6. С.73.

13 Порошков Н. Ян Черняк - нелегал // Красная звезда. 1995. 16 апреля.

14 РГВА. Ф.37837. Оп.3. Д.179. Л.3, 5, 17.

15 Blank A. S., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin, 1979. S.307-310.

16 Георгиев Л. Живот под псевдоним // Отечествен фронт. 1986. 24 января, Петров Я. От Голямо Буково до Освиенцим // Черноморски фронт. Бургас. 1973. 22-25 февраля.

17 Nazarewicz R. Razem na tajnym froncie. Warszawa, 1983. С.34-35.

18 1941 год. Кн.2. С.271.

19 Карасева Н. Так и остается неизвестным //Рабочая трибуна. 1990. 7 ноября, Павлов А., Сарновский С. Возвращение Мулата // Российская газета. 1994 22 октября.

20 Мильштейн М.А. Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000. С. 58, 66.

Н.С. ПЛОТНИКОВА
(Академия ФСБ РФ)

РОЛЬ СОВЕТСКИХ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ВЫЯВЛЕНИИ АГРЕССИВНЫХ ПЛАНОВ ГЕРМАНИИ

Для того чтобы полно и объективно изучить причины неудачного для СССР начального периода Великой Отечественной войны, необходимо выяснить вопрос о просчетах в определении сроков нападения Германии. Данная проблема постоянно обсуждается в научной литературе, и главное внимание уделяется роли внешней разведки. На наш взгляд, такой подход является односторонним, поскольку не учитывает другие не менее важные источники формирования взглядов советского руководства: сообщения советских дипломатов, личные встречи высших руководителей Германии и Советского Союза, информацию по линии Коминтерна и другие источники.

Практически совсем не исследована роль контрразведывательных, оперативно-технических подразделений органов государственной безопасности, внесших значительный вклад в информирование государственно-политического руководства об агрессивных намерениях Германии. Анализ спецсообщений, адресованных И.В. Сталину в течение 1940-1941 годов показывает, что самая разнообразная информация была достаточной для того, чтобы сформировать определенную позицию о развитии взаимоотношений с Германией к концу весны 1941 года.

Контрразведывательные органы использовали различные каналы для получения разведанных о планах Германии. Одним из важнейших источников информации стали сведения, полученные в результате разработки сотрудников дипломатических представительств в СССР. Информационные материалы, хотя и являются достаточно противоречивыми, дают представление об общей тенденции внешнеполитической линии Германии и в определенной мере сроках нападения на СССР.

Типичными являлись суждения, циркулировавшие среди сотрудников дипкорпуса из различных стран, о значительной заинтересованности Германии в торгово-экономическом сотрудничестве с СССР. Представители французских дипломатических кругов отмечали, прежде всего, расширение торговых, экономических связей, которые являлись свидетельством стратегического партнерства между СССР и Германией¹.

Сотрудники ряда иностранных посольств подчеркивали, что Германия вряд ли решится начать войну с СССР, не завершив полный разгром Англии. Это было достаточно веское основание для выводов о том, что руководство нацистской Германии сделало необходимые выводы из причин поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне. Одним из важнейших факторов поражения являлась ее война на два фронта. Возможно, Сталин учитывал этот фактор и полагал, что Германия не повторит ошибок прошлого. Тем более что разговоры среди дипломатов-союзников Германии о том, что «у нас есть основной враг - это Англия, и мы должны употребить все силы на ее уничтожение», подкрепляли это мнение². Германские спецслужбы пытались дезинформировать руководство СССР, выдвигали идею об ультиматуме, который будет предъявлен советскому государству с целью получить Украину. Эти спецсообщения поступали от агента «Лицеиста» в Германии. Аналогичные сообщения отражены и в записях разговоров

дипломатов стран-союзников Третьего рейха, когда они рассуждали о том, что вопрос о войне не решен окончательно. Война будет возможна только в случае, «если они (СССР. - Н.П.) не согласятся уступить тем требованиям, которые им будут предъявлены»³. Это было косвенным свидетельством того, что до начала военных действий еще далеко.

У Сталина имелось глубокое предубеждение в отношении коварства, внешнеполитической позиции Англии в начавшейся мировой войне. Он знал о планах бомбардировок нефтяных промыслов в Грозном, которые разрабатывались англичанами в ответ на развязанную СССР финскую кампанию 1939-1940 годов. В Англии действительно были определенные, но не имевшие значительного влияния силы, заинтересованные в союзе с Германией и агрессии против СССР. Поэтому Сталин, получая и ранее объективные сообщения о положении в Германии, видел и здесь происки англичан. Так, в августе 1940 года на одном из таких спецсообщений он написал: «Этому резиденту нельзя верить на 100 процентов. Настоящее сообщение резидента подсказано ему каким-нибудь английским агентом»⁴.

Эти сомнения, возможно, подогревали сообщения о разговорах германских дипломатов в июне 1941 года о том, что «и Англия тоже будет забрасывать бомбами Россию», тем более что в мае 1941 года в Англию прилетел на своем самолете ближайший соратник Гитлера по национал-социалистической партии Гесс. Это событие было расценено как попытка сговора о сепаратном мире или даже совместных действиях против СССР. Вполне вероятно, что это была также сознательно проводимая дезинформация со стороны Германии, чтобы вбить клин в советско-английские отношения.

За несколько недель до начала Великой Отечественной войны, в мае-июне 1941 года, поступили записи разговоров, которые не оставляли никаких сомнений в агрессивности германских устремлений: «На русских произведет исключительное впечатление то, что мы их вызовем на бой, примерно недели через три», - рассуждали представители вермахта в СССР⁵. Началась срочная эвакуация сотрудников посольства с семьями и высылка в Германию тех сотрудников, которые болтали о предстоящих военных действиях⁶. Данные записи должны были заставить советское руководство принять более эффективные мероприятия для приведения частей Красной Армии в боевую готовность.

Резкая активизация деятельности националистических формирований весной 1941 года свидетельствовала о подготовке ими вооруженных выступлений, согласованных с планами военных действий Германии против СССР. В обобщающей справке от 16 апреля 1941 года нарком государственной безопасности СССР В.Н. Меркулов приводил многочисленные факты о том, что в различных областях (особенно Станиславской и Тарнопольской) арестованные руководители областных и уездных организаций ОУН показывали о своей готовности «в момент войны поднять восстание в тылу, захватить важнейшие советско-партийные учреждения и стратегические пункты»⁷. Подъем сепаратистского движения весной 1941 года также являлся тревожным фактором.

Сотрудники территориальных приграничных областных управлений НКГБ совместно с представителями разведотделов пограничных отрядов добывали стратегическую информацию о дислокации частей вермахта у границ СССР. Так, в апреле 1941 года высшему руководству страны было сообщено, что на территории Польши гражданским лицам было запрещено проезжать от Варшавы в восточном

направлении, где завершалось сосредоточение немецкой наступательной группировки⁸. Тогда же были получены достоверные данные о резком увеличении весной 1941 года количества германских войск в Финляндии.

Таким образом, контрразведывательные подразделения органов госбезопасности объективно информировали Станина и других руководителей страны о реальной опасности германского вторжения и вероятных уроках нападения.

1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 8ос Оп.1. Д.57. Л. № 170917.5.

2 Там же. Ф. 3ос. Оп.8. Д.58. Л.1991.

3 Там же. Л.1993.

4 АПРФ. Ф.3. Оп.50. Д.413. Л.149.

5 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д.58. Л. 1793.

6 Там же. Л.2015.

7 Там же. Д.56. Л.746.

8 Там же. Л.958.

В.И. ЛАЗАРЕВ

(кандидат юридических наук, доцент. Академия ФСБ РФ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Нападение Германии на СССР оказалось в значительной степени внезапным не только для партийно-политического руководства и вооруженных сил страны, но и для органов государственной безопасности. Подобно армии и флоту, органы государственной безопасности, выделенные в феврале 1941 года из состава НКВД СССР, практически находились еще в стадии реформирования. За прошедшие со времени принятия данного решения несколько месяцев руководящий и оперативный состав не успел должным образом освоить новые направления и участки работы, отработать планы мобилизационного развертывания на случай войны. В полной мере это относилось и к органам военной контрразведки, которые в соответствии с решением правительства вошли в качестве 3-х управлений в состав Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота СССР.

С началом военных действий германские спецслужбы развернули активную заброску своей агентуры и диверсионно-разведывательных групп в прифронтовую полосу. Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью противника на фронте и в ближайшем тылу в этой связи должна была стать одной из основных задач органов 3-х управлений НКО и НКВМФ. Однако как руководство, так и оперативный состав военной контрразведки не имели еще реального представления ни о спецслужбах противника, ни о тактике их действий. Поэтому первая директива, направленная центральным аппаратом военной контрразведки НКО на места 22 июня 1941 года, потребовала, прежде всего, активизировать разработку подучетного элемента, предотвращать дезертирство, измену родине, распространение антисоветских листовок, провокационных слухов и т.п.¹

Военные контрразведчики не могли предположить, что помимо собственно контрразведывательной работы им придется заниматься в первые месяцы войны решением не менее, а возможно и более серьезной задачи по наведению порядка в прифронтовой полосе. Потере ухудшения положения на фронтах актуальность этой работы все возрастала. Неустойчивость воинских частей, несанкционированное отступление с занимаемых позиций, паника среди личного состава вызвали уже 27 июня 1941 года директиву № 35523 3-го управления НКО, в которой перед органами контрразведки в войсках была поставлена задача по борьбе с дезертирством. С помощью военного командования им следовало создать на железнодорожных узлах, на дорогах в прифронтовой полосе подвижные контрольно-заградительные отряды, которые бы задерживали дезертиров и всех других подозрительных элементов, проникших через линию фронта².

Непрекращавшееся наступление немецких войск, занявших уже к началу июля 1941 года значительную часть Белоруссии, Прибалтики и Украины, отразилось на приоритетах в работе органов 3-го управления НКО СССР. В принятом 9 июля «Табеле оперативной отчетности и направлении документов органов 3-го управления НКО на военное время» приоритет был отдан сообщениям и докладным запискам о недочетах в обеспечении войск фронта и тыла всеми видами довольствия и вооружения, о недостатках в подготовке и проведении операций. Лишь на пятом месте в этом перечне проходили сообщения о проявлении вражеской деятельности в частях³.

К середине июля 1941 года партийно-политическое руководство СССР, по-видимому, в значительной мере утратило доверие и разочаровалось в действиях военного командования на фронте. Не случайно 16 июля было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в РККА». 20 июля данное решение было распространено и на военно-морской флот. Практически одновременно постановлением ГКО № 187/сс от 17 июля 1941 года органы военной контрразведки были преобразованы в особые отделы, а само 3-е управление НКО получило наименование Управление особых отделов с передачей в НКВД СССР. Примечательно также, что по вновь установленному порядку начальник особого отдела дивизии подчинялся не только вышестоящему особому отделу НКВД, но и комиссару дивизии, а оперативный уполномоченный полка - комиссару полка. Данное обстоятельство является дополнительным подтверждением тому, что, как и в годы гражданской войны, руководство страны установило политический контроль за действиями военного командования.

Главной задачей особых отделов согласно постановлению ГКО от 17 июля 1941 года стала «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе». Для ее решения особым отделам предоставлялось право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

Появившаяся на следующий день после выхода постановления ГКО директива НКВД СССР №169, которую довели до всего личного состава военной контрразведки, разъяснила, что «смысл преобразования органов 3-го управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». Руководство НКВД выражало уверенность, что работники особых отделов оправдают доверие партии и «самоотверженной работой помогут Рабоче-Крестьянской Красной Армии укрепить дисциплину в ее рядах и разгромить врагов родины»⁴.

Работа органов военной контрразведки в первые месяцы войны протекала в исключительно сложных условиях. Отступление на фронтах, продолжающийся процесс от мобилизации новых частей и соединений в тылу привели к тому, что уже в первые месяцы войны личный состав органов военной контрразведки значительно изменился. В особые отделы НКВД из территориальных и транспортных органов госбезопасности на пополнение было направлено около 20 тысяч оперативных работников, которые не имели опыта работы в армейских условиях. Данные обстоятельства явились одной из причин того, что основные результаты по разоблачению и задержанию агентуры, диверсантов и террористов спецслужб противника были достигнуты в начальный период войны, прежде всего в результате фильтрационной работы. Даже по прошествии значительного времени - в июле 1942 года, в одном из документов особого отдела НКВД Западного фронта отмечалось, что «разоблачение... проводилось в основном в результате следственной обработки лиц, в отношении которых имелись данные, вызывавшие подозрения по связям с немецкой разведкой...»

Работа особых отделов НКВД в годы войны по проверке и фильтрации военнопленных, вышедших из окружения или бежавших из плена, является объектом критики многих современных публицистов, которые рассуждают о

«преступном недоверии к собственным гражданам» и т.п. Безусловно, военному, вышедшему из окружения, было обидно встретиться с недоверием к себе со стороны работников особых отделов. Имели место и нарушения, в том числе и грубый нажим на проверяемых. Однако нельзя не учитывать остроту переживаемого страной времени. Кроме того, не учитывается, что отношение контрразведки к проверяемым было разным. Для военнослужащих, вышедших из окружения в составе подразделений, как правило, проверка была минимальной. Более серьезная работа велась по лицам, вышедшим из окружения или бежавшим из плена в одиночку, либо при сомнительных обстоятельствах.

По мере накопления опыта органами военной контрразведки совершенствовалась система мер по розыску агентуры противника, и уже к концу 1942 года основные результаты стали приносить агентурно-розыскные, чекистско-войсковые и другие оперативные мероприятия, а не фильтрационная работа.

Неблагодарной, но исключительно важной в первые годы войны была работа органов военной контрразведки по борьбе с дезертирством и членовредительством. Согласно архивным документам, только в действующей армии по линии военной контрразведки за годы войны было арестовано за данные преступления около 110 тысяч человек. Подавляющее большинство арестов приходится на начальный период войны. Книга «Сталинградская эпопея», подготовленная на основе документальных материалов Центрального архива ФСБ РФ, дает наглядное подтверждение того, какой огромный вклад внесли особые отделы НКВД в повышение устойчивости нашей обороны в самые критические дни битвы на Волге.

Следует также помнить, что военные контрразведчики не отсиживались, как это утверждают некоторые писатели и публицисты в глубоком тылу, занимаясь исключительно арестами антисоветчиков и дезертиров, но часто непосредственно участвовали в отражении атак противника, а при выходе из строя командиров брали управление боем на себя. Потери сотрудников военной контрразведки были весьма значительными. Списки погибших и пропавших без вести контрразведчиков занимают объемистый том⁵.

Определенные споры и критику публицистов и писателей вызывает и тот негласный контроль, который согласно постановлениям правительства и ГКО осуществлялся особыми отделами НКВД за действиями командования. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что в ряде случаев этот контроль в данный период был действительно необходим. В качестве примера приведем обстоятельства, связанные с провалом операции печально известной 2-й ударной армии Волховского фронта по прорыву блокады Ленинграда в начале 1942 года.

Согласно замыслам Верховного главнокомандования 2-я ударная армия должна была до 6 января 1942 года выдвинуться на огневые рубежи и 7 января начать боевые действия по прорыву обороны противника на реке Волхов. Однако особый отдел проинформировал Военный совет армии о серьезных недочетах в подготовке к операции, о необеспеченности бригад и дивизий питанием, горючим, боеприпасами, связью и т.п. Тем не менее, командующий армией генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, зная о том, что сообщения особого отдела соответствуют действительности, заверил командование фронта о готовности армии к наступлению.

7 января части и соединения, не управляемые штабом армии, не имея между собой связи и не зная противника, начали разрозненное наступление. В 14 часов начальник особого отдела НКВД армии майор госбезопасности А.Г. Шашков доложил начальнику особого отдела фронта дивизионному комиссару Д.И. Мельникову, что части несут большие потери, командарм бездействует, а начальник штаба армии намерен застрелиться. По информации Мельникова командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков, члены военного совета А.И. Запорожец и Л.З. Мехлис немедленно выехали на КП армии и, убедившись в правдивости сообщения начальника особого отдела, приостановили наступление. В результате первого неорганизованного боя, не принесшего никаких результатов, 2-я ударная армия потеряла 2118 бойцов. Нет никаких сомнений, что без вмешательства особого отдела потери армии были бы неизмеримо большими. С санкции И.В. Сталина Соколов был снят с должности командующего 2-й ударной армией.

Совокупность приведенных выше фактов свидетельствует о том, что на начальном этапе войны особые отделы являлись не просто органами контрразведки, но стали и одним из важнейших инструментов по стабилизации положения на фронтах и именно в этом своем качестве внесли серьезный вклад в то, что к концу 1942 года обозначился перелом в войне в пользу советских войск.

1 ЦАФСБ РФ. Ф.66. Оп.2. Д.5. Л.300-301.

2 Там же. Л.319-322.

3 Там же. Л.336-337.

4 Там же. Оп.1. Д.132. Л.1.

5 Книга памяти сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1995. 543с.

В.И. АСТРАХАН

(кандидат исторических наук. Музей ФАПСИ РФ)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ СВЯЗЬ НКВД СССР КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

На рубеже 1920-1930-х годов была создана и начала функционировать система правительственной междугородной высокочастотной связи СССР (ВЧ-связи). По мере расширения и материально-технического совершенствования ее сети, ВЧ-связь превратилась в общегосударственную систему специальной электросвязи страны, обслуживающую высшее партийно-государственное руководство, а также целый ряд органов исполнительной власти в центре и на местах. Принадлежность центральных подразделений правительственной связи к органам государственной безопасности и внутренних дел (оперативные отделы ОГПУ и ГУГБ НКВД, а затем 2-й спецотдел и Особое техническое бюро НКВД) была обусловлена, прежде всего, важностью решаемых ими задач, а также режимом строжайшей секретности, в котором проводились все организационные и технические мероприятия по развитию сети ВЧ-связи.

В организационно-техническом отношении система правительственной междугородной связи опиралась на сеть периферийных станций (ВЧ-станций), включенных в штат соответствующих подразделений и органов НКВД (станционный компонент), и постоянные воздушные линии Наркомата связи (линейный компонент). Целенаправленная деятельность СНК и НКВД СССР позволила к концу 1930-х годов вывести систему правительственной междугородной связи на достаточно высокий технический уровень, достижению которого во многом способствовало насыщение станционных сооружений (ВЧ-станций и трансляционных пунктов) вновь разработанной и поставленной на серийное производство отечественной аппаратурой связи (засекречивающей, каналообразующей, коммутационной). В частности, внедрение на сети ВЧ-связи аппаратуры засекречивания различных типов стало одним из важнейших факторов, обусловивших присвоение этой связи статуса правительственной.

Вместе с тем в предвоенный период наметился целый ряд требующих разрешения проблем, обусловленных, во-первых, организационно-техническими параметрами сети ВЧ-связи (радиальный принцип построения, опора на постоянные воздушные линии, отсутствие резервных линий и станций) и, во-вторых, неполной скоординированностью действий по развитию сети (ведомственная разобщенность в руководстве станционными и линейными сооружениями, отсутствие единой научно-производственной базы). Эти недостатки предопределили большой объем работы по организации функционирования сети правительственной ВЧ-связи в условиях военного времени.

Оказалось, что система правительственной междугородной связи, довольно устойчиво функционировавшая в предвоенные годы, к использованию в условиях затяжной войны на собственной территории была подготовлена весьма слабо. Несмотря на опыт организации связи в высшем звене военного управления, приобретенный в ходе советско-финляндской войны, а также в период операций Красной Армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, к началу Великой Отечественной войны так и не был решен целый ряд важнейших проблем, обусловленных следующими факторами: высокой уязвимостью воздушных линий связи для воздействия авиации, артиллерии и диверсионных групп противника;

отсутствием стратегических запасов линейного и станционного оборудования, имущества связи; ведомственной разобщенностью в руководстве военной и гражданской связью; отсутствием разработок и производственной базы для выпуска полевых вариантов аппаратуры ВЧ-те-лефонирования и засекречивания; крайней недостаточностью мобилизационных ресурсов и отсутствием единой базы подготовки специалистов для правительственной ВЧ-связи; отсутствием специальных войск (частей, подразделений) для организации линейной службы (строительство, восстановление, эксплуатация, охрана линий) ВЧ-связи в военное время. Все эти факторы отрицательно сказались на управлении вооруженными силами на первом этапе Великой Отечественной войны.

Принципы организации правительственной связи, сложившиеся к началу войны, претерпели существенные изменения уже в ходе ее первого периода. Широкомасштабные боевые действия на собственной территории, не предусмотренные разработанной до нападения Германии военной доктриной, предопределили принципиально новые пути организационного и технического развития существующих систем связи. Характерной особенностью процесса реорганизации системы правительственной связи стало ее разделение на стационарную и полевую составляющие (правительственная полевая связь была предназначена для реализации коммуникативной функции управления вооруженными силами в звене Ставка-фронт-армия). Наряду с учреждением центральных структур НКВД, ответственных за организацию полевой ВЧ-связи, в частности, образованного 2 октября 1941 года Отдела правительственной связи (ОПС) НКВД СССР, военно-политическим руководством предпринимались определенные шаги в интересах создания и материально-технического укрепления органов управления правительственной связью на действующих фронтах. Летом-осенью 1941 года были сформированы передвижные группы и бригады правительственной связи при штабах фронтов и отдельных армий, а с начала 1942 года стали действовать отделы правительственной связи фронтов. На основании опыта уже первых месяцев войны была разработана нормативная база функционирования этих органов, определены первоначальные принципы их взаимодействия с родственными подразделениями наркоматов обороны и связи, а также организованы разработка и выпуск специальной аппаратуры, обеспечивавшей достаточно высокое качество и конфиденциальность связи.

В ходе операций первого периода войны органы и подразделения ОПС НКВД в меру имеющихся сил и средств выполняли возложенные на них задачи, постоянно совершенствуя основные принципы обеспечения засекреченной телефонной связи Ставки ВГК. Вместе с тем начальный период войны выявил недостатки в организации правительственной связи на фронтах, основными из которых являлись: неуккомплектованность личным составом и техникой и недостаточное количество линейно-эксплуатационных подразделений, находящихся в оперативном подчинении ОПС НКВД (в первый период войны в оперативное подчинение ОПС были переданы 30 отдельных рот связи НКО для организации эксплуатационного обслуживания линий, используемых для организации ВЧ-связи в звене Ставка-фронт), отсутствие единого руководства линейной службой правительственной полевой связи, подчиненность ее основных подразделений трем различным ведомствам (НКО, НКС, НКВД); применение устаревших принципов организации линейной службы (использование в основном постоянных воздушных линий связи и стационарных объектов НКС).

Эти и другие недостатки не позволяли имеющимися силами и средствами обеспечить штабы фронтов надежной и оперативной ВЧ-связью, поэтому на основе анализа деятельности линейной службы полевой правительственной связи в 1941-1942 годах был сделан вывод о необходимости создания собственного, в рамках НКВД, ведомства для строительства, восстановления, эксплуатации и охраны линий правительственной ВЧ-связи в звене Ставка-фронт-армия. В соответствии с постановлением ГКО от 30 января 1943 года было начато формирование первых 18-ти частей войск связи НКВД, на первом этапе организационно замыкавшихся на Главное управление внутренних войск НКВД. Образованное 10 июня 1943 года самостоятельное Управление войск правительственной ВЧ-связи НКВД СССР (УВПС) имело в своем распоряжении необходимое количество отдельных рот, сводимых в отдельные полки и батальоны правительственной связи (ОППС и ОБПС), которые к середине 1943 года были приданы штабам всех фронтов действующей армии. Взаимодействуя с фронтовыми ОПС, вновь сформированные части приняли на себя функции строительства, восстановления, эксплуатации и охраны линий засекреченной высокочастотной телефонной связи от штабов фронтов до Ставки ВГК и штабов подчиненных армий. Таким образом, учреждением войск правительственной связи (ВПС) было завершено организационное оформление системы правительственной полевой связи, или системы ВЧ-связи Ставки ВГК.

Процесс совершенствования теории и практики организации правительственной полевой связи во втором периоде Великой Отечественной войны развивался по следующим основным направлениям: установление деловых взаимоотношений и четкого взаимодействия органов управления связью НКВД, НКО и ИКС в оперативно-стратегическом звене; непрерывное организационно-штатное совершенствование органов и войск правительственной связи; разграничение функций и установление четкого взаимодействия станционной и линейной служб правительственной связи, совершенствование принципов строительства функционирования полевой сети правительственной связи в ходе проводимых фронтами операций, разработка основ планирования правительственной связи в ходе подготовки и проведения оборонительных, контрнаступательных и наступательных операций; выработка стройной системы постановки задач и руководства органами и войсками правительственной связи в процессе служебно-боевой деятельности; совершенствование нормативной базы организации линейно-эксплуатационной службы; аналитическая обработка результатов функционирования станционной и линейной служб правительственной связи и разработка предложений по их дальнейшему боевому применению. Разработка принципов взаимодействия станционной и линейной служб полевой правительственной связи способствовала установлению четкого порядка взаимоотношений и подчиненности командования частей войск и руководства фронтовых отделов.

К исходу второго периода войны система правительственной связи Верховного Главнокомандования, располагая собственными станционной (ОПС НКВД) и линейной (УВПС НКВД) службами и тем самым сложившись организационно, фактически соответствовала возросшим потребностям военного руководства. Вместе с тем опыт боевого применения оперативных органов и войск правительственной связи продемонстрировал необходимость их дальнейшего организационного и материально-технического совершенствования.

В ходе завершающего периода Великой Отечественной войны оперативные органы и войска правительственной связи в полном объеме использовали накопленный опыт создания и функционирования сетей телефонной ВЧ-связи, в боевых условиях обеспечив Ставку ВГК надежным средством управления высшими объединениями Красной Армии.

Статус правительственной полевой связи как системы специальной электросвязи Верховного Главнокомандования был подтвержден в «Положении об оперативных органах и войсках правительственной связи» от 15 декабря 1943 года. Цель оптимизации взаимодействия органов и войск, а также развития их организационно-штатной структуры преследовал ряд постановлений ГКО и приказов НКВД СССР, вышедших на рубеже 1943-1944 годов. В частности, введение в декабре 1943 года в штат ВПС отдельных батальонов, закрепляемых за штабами армий, во многом способствовало повышению надежности и качества ВЧ-связи в звене фронт-армия. Поэтапное формирование десятков таких батальонов позволило обеспечивать живучесть фронтовых сетей правительственной связи в самых сложных условиях боевой обстановки.

Большое значение для совершенствования материально-технической базы станционной и линейной служб ВЧ-связи имело постановление ГКО от 31 января 1944 года «Об укомплектовании войск правительственной связи НКВД и поставке оборудования, аппаратуры, автотранспорта и материалов для фронтовых и вновь организуемых станций правительственной ВЧ-связи НКВД в освобождаемых от немецких захватчиков городах». Результатом реализации постановления стало существенное улучшение материально-технической оснащенности и укомплектованности личным составом оперативных органов и войск правительственной связи.

Ввиду увеличения размаха и темпов планируемых Ставкой ВГК наступательных операций претерпели изменения и способы организации правительственной полевой связи. Создание в отдельных полках оперативно-технических частей стало новым шагом к более оптимальному использованию сил и средств линейной службы полевой правительственной связи и обеспечению ее тесного взаимодействия со станционной службой.

Уровень и важность задач, решаемых фронтовыми отделами и частями ВПС в стратегических операциях последнего периода войны, определялись директивой Ставки ВГК, запрещавшей командующими высшими объединениями вооруженных сил перемещаться на новые пункты управления до организации на них ВЧ-связи. Это накладывало на руководство ОПС и УВПС НКВД обязанность всеобъемлющего учета особенностей территорий, на которых разворачивались широкомасштабные боевые действия. Поскольку любая из проводимых войсками РККА операций имела такие особенности, деятельность станционной и линейной служб правительственной полевой связи приобретала все более плановый характер. Предвидение в вопросах организации связи становилось важнейшим условием успеха. Так, например, недостаточный учет местных условий привел к резкому ухудшению качества и потере непрерывности связи, предоставляемой штабу Ленинградского фронта в ходе его зимнего наступления. Напротив, в Белорусской операции, несмотря на сложнейшие географические условия, части и подразделения ВПС обеспечили достаточно высокий уровень функционирования полевой сети.

Подтверждением роли и значения системы правительственной связи как важнейшего инструмента скрытого управления вооруженными силами стали первые награды и почетные наименования частей ВПС, а также благодарности личному составу фронтовых ОПС, объявляемые в приказах Верховного Главнокомандующего. Если в 1943 году аппарат ВЧ на командном пункте армии был еще «новинкой» (по выражению Д.Д. Лелюшенко), то к середине завершающего периода войны штабы фронтов и армий не мыслили даже планирования наступательных операций без наличия телефонной правительственной связи.

С начала 1945 года, по мере перенесения боевых действий за пределы территории СССР и обусловленного этим обстоятельством резкого увеличения объема строительных и ремонтно-восстановительных работ на линиях правительственной связи, возникла потребность в дальнейшем совершенствовании организационно-штатной структуры ВПС. Поэтапное увеличение численности войск позволило дополнительно сформировать целый ряд частей, необходимых действующим фронтам для проведения завершающих наступательных операций. Изменение состава самих фронтов повлекло за собой создание первых соединений ВПС - отдельных бригад правительственной связи (ОБрПС), качественный и количественный потенциал которых соответствовал возросшим потребностям стратегического руководства. Использование трех из вновь сформированных бригад в Берлинской операции продемонстрировало принципиально новый уровень организации линейной службы полевой правительственной связи штабам высокоманевренных объединений РККА.

Таким образом, в ходе завершающего периода Великой Отечественной войны оперативные органы и войска правительственной связи, постоянно совершенствуя организационно-штатную структуру и принципы боевой деятельности, в полной мере реализовали возложенную на них функцию основного средства непосредственного руководства вооруженными силами со стороны Верховного Главнокомандования в условиях подготовки и ведения широкомасштабных военных действий.

Объем и темпы строительства фронтовых сетей правительственной связи в наступательных операциях соответствовали, в основном, потребностям стратегического управления, что следует, в частности, из оценки, данной оперативным органам и войскам правительственной связи К.К. Рокоссовским: «Специальная ВЧ-связь всегда своевременно и точно обеспечивала командованию войск фронта надежно действующую систему связи с командующими и штабами армий и ко всем остальным оперативным направлениям. Все это, безусловно, весьма положительно сказалось на надежности управления командующим наступающими войсками фронта».

В целом система правительственной связи выросла в мощную организационно-техническую инфраструктуру, обеспечивавшую функционирование уникальной сети засекреченной связи страны.

А.М. ПЛЕХАНОВ

(доктор исторических наук, профессор. Академия ФСБ РФ)

ОПЕРАТИВНЫЕ ЗАСЛОНЫ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ И ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ ВОЙСК НКВД В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Всякая война несет в себе героическое и трагическое. О героическом всё же написано значительно больше. И правильно. Хотя бы потому, что молодое поколение необходимо, прежде всего, воспитывать на примерах жертвенности, мужественности и патриотизма. Но для нас, историков, важнее всего задача максимального приближения к правде, к внимательному обобщению всех явлений и событий прошлого, иначе выводы и рекомендации исследователей будут односторонними, не научными.

Остановимся лишь на одной, трагической странице первых месяцев войны: на чрезвычайных мерах, которые предпринимались оперативными заслонами и заградительными отрядами по предотвращению паники в войсках, восстановлению боеспособности частей и подразделений Красной Армии.

К началу Великой Отечественной войны обеспечением безопасности государства занимались четыре самостоятельные структуры: НКВД СССР, НКГБ СССР, 3-е управление НКО и 3-е управление НКВМФ. Война потребовала большей централизации сил и средств ведомств безопасности, что являлось важнейшей причиной объединения НКВД и НКГБ в один наркомат - НКВД (в его состав вошли и войска НКВД со своим Особым отделом); Третьи управления НКО и НКФ были преобразованы в особые отделы этих наркоматов НКО и НКФ. Это произошло 20 июля 1941 года и стало одной из мер по перестройке работы государственного аппарата в условиях войны.

В исторической литературе чаще всего называют две даты создания заградительных отрядов: во время битвы под Москвой или в дни Сталинградского сражения (знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!»). Об оперативных заслонах Особого отдела НКВД вообще не упоминается.

Обратимся к «Справке», направленной заместителем начальника управления Особого отдела НКВД СССР, комиссаром государственной безопасности 3 ранга Соломоном Рафаиловичем Мильштейном в октябре 1941 года (число не указано) на имя наркома внутренних дел Л.П. Берии¹.

В документе говорится, что «с начала войны по 10 октября сего года особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249969 человек и загради тельными отрядами войск НКВД по охране тыла - 407395 военнослужащих.

Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. В числе арестованных особыми отделами: шпионов - 1505, диверсантов - 308, изменников - 2621, трусов и панике ров - 2643, дезертиров - 8772, распространителей провокационных слухов - 3987, самострельщиков - 1671, других - 4371 всего 25878».

Сделаем первый вывод: заградительные отряды были созданы не позднее 20 июля 1941 года. Но есть все основания полагать, что они существовали и ранее, до создания новой структуры Наркомата внутренних дел. Помимо заградотрядов на фронте действовали заслоны особых отделов НКВД, выполнявшие аналогичные задачи. Каковы были их права?

Трудно говорить о квалификации состава преступления конкретного человека в условиях всеобщей - неразберихи, деморализации и потери управления соединениями и частями. Часто это был суд скорый, но не правый. Хорошо известный нам Илья Григорьевич Старинов рассказывал, что случайно спасся от расстрела в первые дни войны. Его группа минировала и взрывала мосты за отходящей армией и была разоружена заградотрядом войск НКВД. Их всех признали за немецких диверсантов, заставили снять ремни, сапоги, построили в одну шеренгу, выделенным красноармейцам дали команду «приготовиться к расстрелу фашистов». Но в это время проезжал работник особого отдела, узнал Старикова, расстрел не состоялся.

Как же происходила процедура установления виновности красноармейца или командира? Пишут, что сотрудники особых отделов готовили документы, по которым решение выносили трибуналы. Но это по законам элементарной логики, однако, в условиях крайних мер борьбы с реальным противником они не учитываются ни одной из противоборствующих сторон. Обратимся к названному документу: «По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов (подчеркнуто нами. - А.П.) расстреляно 10201 человек, из них расстреляно перед строем 3321 человек».

Делаем второй вывод: право расстрела принадлежало не только военным трибуналам, но и командирам заслонов особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД. Разница лишь в том, что одни выносили постановления, а другие - приговоры. К тому же возобновилась практика времен Гражданской войны; расстрелы перед строем - мера крайняя, служившая устрашению. У красноармейца и командира был выбор: или бесславно погибнуть, будучи расстрелянным своими за проявленную трусость, или идти вперед и сражаться, надеясь остаться живыми.

Существует еще одна неверная точка зрения о том, что заградительные отряды были созданы на всех фронтах только в 1942 году. «Справка» не подтверждает этого. Из нее видно, что к 20 июля 1941 года заградотряды и оперативные заслоны существовали на Северном, Северо-Западном, Карельском, Ленинградском, Западном, Брянском, Центральном, Юго-Западном, Южном фронтах и даже в Резервной армии.

По вполне понятным причинам наибольшую активность они проявили на Западном фронте: арестовано 4013 человек, из них расстреляно 2136, расстреляно перед строем 556. В то же время на Южном фронте соответственно: 3599, 919, 191; на Северо-Западном - 3440, 1600, 730; на Юго-Западном - 3249, 868, 280; на Северном - 1683, 933, 280; на Ленинградском - 1044, 854, 430; на Карельском - 468, 263, 132, на Брянском - 799, 389, 107; на Центральном - 686, 346, 234; в Резервной армии - 2516, 894, 157 человек.

«Справка» С.Р. Мильштейна дает ответы лишь на некоторые вопросы, часть же из них до сих пор нуждается в уточнении или дополнительном изучении. Когда и решением какого высшего государственного органа власти были созданы

заградительные отряды войск НКВД и оперативные заслоны особых отделов НКВД? Кем и когда было определено их правовое положение? Какова их роль в ходе войны и какова дальнейшая судьба?

1 РГАНИ. Ф.89. Оп.18. Д.8. Л.1-3.

В.Е. АЛЕКСЕЕВ
(Академия ФСБ РФ)

О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ УНКВД ПРИ ОБОРОНЕ МОСКВЫ

В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 года «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» с 25 июня по 28 июня во всех районах Москвы и Московской области были сформированы 87 истребительных батальонов общей численностью 28 500 человек с подчинением штабу по борьбе с десантами и диверсантами противника УНКВД по Московской области (в дальнейшем 4-й отдел управления). Личный состав был вооружен винтовками Мосина и Маузера, ручными пулеметами, гранатами, бутылками с горючей смесью, противогазами, лыжами, шестью тысячами револьверов и пистолетов¹.

Численность и состав истребительных батальонов постоянно менялся. 16 октября 23 городских и 8 пригородных батальонов с личным составом 13961 человек были переданы в МВО, где из них сформировали пять полков, впоследствии преобразованных в 4-ю и 5-ю Московские мотострелковые дивизии. Как отмечал в докладной записке в Наркомат внутренних дел начальник УНКВД по Московской области старший майор госбезопасности М. И. Журавлев, в истребительных батальонах не хватало патронов для винтовок Маузера, теплого обмундирования и продуктов. В день на бойца выделялось 8 рублей 30 копеек (это стоимость обеда в рабочей столовой). Полностью был обмундирован лишь батальон Железнодорожного района благодаря располагавшейся в нем швейной фабрике, производившей обмундирование². Переподчинение истребительных батальонов армии позволило устранить недостатки в снабжении и сформировать из них строевые части.

С появлением противника в районах Московской области 350 бойцов, командиров и политработников истребительных батальонов были переданы в партизанские отряды, а оставшийся личный состав в большинстве своем участвовал в боях совместно с частями Красной Армии. Активное участие в боях на подступах к столице приняли Волоколамский, Истринский, Каширский, Ступинский, Серпуховский, Угодско-Заводской, Наро-Фоминский, Клинский, Коммунистический, Боровский, Зарайский, Коломенский, Подольский, Кунцевский истребительные батальоны и мотополк УНКВД по Московской области. Их личный состав почти полностью был передан в РККА. В районах, освобожденных от оккупантов, вновь были сформированы 18 истребительных взводов. Численность имевшихся истребительных батальонов и взводов составила 9021 человек.

Боевая подготовка рядового и младшего начсостава батальонов первого формирования проводилась по разработанной 4-м отделом УНКВД программе согласно объему подготовки бойцов Красной Армии и предусматривала ежедневную восьмичасовую учебную нагрузку. Учитывая, что командно-начальствующий состав в основном прибыл из запаса, были разработаны программы специальных сборов. В сентябре 1941 года были проведены 15-суточные сборы начальников штабов батальонов и командиров рот, на которых прошли переподготовку 120 человек. На трех снайперских сборах продолжительностью по 21 дню было подготовлено 500 снайперов. Было также подготовлено по 54 начальника химслужбы батальонов, службы связи и инженерной службы. Обучение прошли 100 инструкторов

рукопашного боя. Из лучших бойцов истребительных батальонов была укомплектована школа подрывников-диверсантов в Вешняках, подготовку в которой прошли 410 человек. 1500 бойцов-истребителей танков из лучших гранатометчиков прошли однодневные инструктивные сборы на Кузьминском хিমполигоне. В августе в Мытищах был проведен однодневный сбор 150 человек командного состава по ознакомлению с зажигательными средствами для борьбы против танков, в ноябре - однодневный сбор комсостава на Кузьминском химполигоне для ознакомления с новыми видами огневых средств. 4-м отделом УНКВД по Московской области было проведено три показательных занятия по теме: «Методы борьбы со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами и другими врагами народа в условиях Великой Отечественной войны»³. Систематически проводились политические занятия и политинформации.

Бойцы истребительных батальонов. НКВД помимо повседневной учебы несли службу по охране мостов, аэродромов, узлов связи, выполняли охранение на подступах к предприятиям и объектам особо важного значения, патрулировали в населенных пунктах и районных центрах, наблюдали за линиями связи, а также выполняли задачи в соответствии с приказом НКВД СССР в секторах по охране тыла Московской зоны. Они активно проводили розыск и вылавливание диверсантов, шпионов и летчиков-парашютистов, прочесывая большие площади лесных массивов. По неполным данным, ими было задержано подозрительных лиц и нарушителей режима военного времени 3650 человек, из коих осуждено 629 человек, а большинство направлены в райвоенкоматы и на сборные пункты воинских частей. Бойцы принимали участие в тушении пожаров, возникавших при налетах вражеской авиации, и ликвидации последствий от этих налетов. Для успешного несения службы и лучшего контролирования местности в каждом районе Московской области, во всех крупных населенных пунктах из местного актива были созданы группы содействия от 3 до 7 человек каждая.

Из личного состава истребительных батальонов, оперативно-чекистского и милицейского составов районных отделов НКВД Москвы и области и частично из рабочих городских предприятий с ноября 1941 года стали организовывать истребительно-диверсионные группы для внезапных действий в тылу противника, уничтожения его живой силы, порчи линий связи, мостов и минирования дорог. Численный состав групп определялся от 15 до 100 человек в зависимости от поставленных задач, в большинстве же группы насчитывали 20-25 человек. В период обороны Москвы намечалось перебросить в тыл противника 6500 человек, фактически было подготовлено и переброшено к линии фронта 7540 человек, действовало в тылу противника 5429 человек, остальные по разным причинам не смогли перейти линию фронта⁴. На заключительном этапе Московской битвы, по состоянию на 25 января 1942 года, действовали в тылу противника 370 человек, объединенных в 16 истребительных, групп.

За проявленную доблесть и мужество при выполнении боевых заданий в тылу врага 103 человека были награждены орденами и медалями. Всего было награждено 113 бойцов истребительных батальонов НКВД⁵.

1 АУФСБ по Москве и Московской области. Ф.1. Оп.1. Д.2. Т.2. Л.134-135.

2 ЦАОДМ. Ф.5196. Д.1500. Л.120-128.

3 Московские новости. 1995. №32.

4 Москва военная: 1941-1945. М., 1995. С.287-292.

5 Там же. С.293.

А.И. ЦВЕТКОВ

(доктор военных наук, профессор-Академия ФСБ РФ)

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Существенный вклад в организацию и ведение партизанской борьбы на оккупированной территории в годы войны внесли органы безопасности. Из 2222 оперативных групп и отрядов, направленных органами безопасности в годы войны в тыл врага, около 600 превратились в крупные партизанские формирования. В числе их партизанские соединения и отряды, которыми командовали сотрудники органов госбезопасности Герои Советского Союза Ваупшасов С.А., Заслонов К.С., Карасев В.А., Лягин В.А., Медведев Д.Н., Мирковский Е.И., Молодцов В.А., Наумов М.И., Орловский К.П., Прокопюк Н.А., Прудников М.С., Шихов А.Н. и другие. Только на базе ОМСБОН НКВД–НКГБ СССР для партизанских отрядов и оперативных групп, забрасываемых в тыл врага, было подготовлено 803 радиста, 534 инструктора-подрывника, 5255 рядовых подрывников, около 4 тысяч других специалистов. Более 800 сотрудников органов безопасности в годы войны были направлены в партизанские соединения и отряды для ведения контрразведывательной работы. Ими было разоблачено несколько сот вражеских шпионов и террористов¹.

Согласно существовавшим перед войной взглядам, организация партизанской борьбы против агрессоров была прерогативой высших и местных партийных и советских органов. Кроме того, в определенной степени эти функции возлагались на военное командование и органы госбезопасности. Поэтому в начальный период войны этой работой занимались ЦК ВКП(б), ЦК компартий республик, обкомы партии, органы советской власти, военные советы фронтов и армий, органы безопасности республик и областей. По мере увеличения масштабов партизанской борьбы потребовалась централизация руководства движением. С этой целью, после долгих, но небезуспешных поисков оптимальных форм руководства 30 мая 1942 года постановлением ЦК ВКП(б) и ГКО был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке ВГК и образованы Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский, Карело-Финский штабы партизанского движения, а несколько позже - Южный, Белорусский, Эстонский, Литовский, Латвийский; Крымский, Ставропольский и Воронежский. Начали действовать представительства Центрального и республиканских штабов при военных советах фронтов и армий. В 1947 году в НКВД СССР было создано специальное оперативное подразделение по руководству силами, направляемыми в тыл немецких войск, - 4-е управление (начальник - генерал-лейтенант Судоплатов П.А.), которое взаимодействовало с Центральным и республиканскими штабами партизанского движения.

Централизация руководства партизанской борьбой позволила четко определить роль местных партийных и советских органов, военного командования и органов безопасности. В частности, органы безопасности стали строить свою работу в строгом соответствии с планами Ставки ВГК и теми задачами, которые возлагались на органы НКВД.

Следует отметить, что до второй половины 1930-х годов в нашей стране партийными и советскими органами при участии органов госбезопасности проводилась работа по развертыванию партизанской борьбы в случае агрессии. Готовились кадры специалистов партизанской борьбы, в том числе из оперативных работников органов безопасности; в приграничных районах закладывались скрытые

базы материальных средств для партизан; определялся состав партизанских отрядов, способных приступить к активным действиям с началом войны; разрабатывались инструкции и пособия по тактике партизанских действий; проектировались, испытывались и производились специальные технические средства для применения в тылу противника; на учениях проверялись способы и формы партизанской борьбы. В Красной Армии и органах безопасности для проведения этой работы были созданы специальные подразделения. В последующем, однако, эта работа была свернута, поскольку возобладавшая доктрина не признавала возможность ведения войны на территории СССР и не учитывалась возможность использования советских людей в партизанской борьбе за пределами нашей страны. Между тем такой опыт уже был приобретен в период войны в Испании в 1936-1939 годы. Советские добровольцы были советниками и инструкторами в штабах и учебных центрах партизанских сил республиканской Испании, принимали участие в боевых операциях в тылу противника. Большую пользу испанским патриотам в организации партизанского движения оказали добровольцы из числа сотрудников органов безопасности, в том числе С. А. Ваупшасов, К.П. Орловский, Н.А. Прокопюк, А.М. Рабцевич, И.Г. Старинов, Г.С. Сыроежкин. Ошибочная предвоенная теория, массовые репрессии против специалистов по партизанской борьбе и свертывание их подготовки отрицательно сказались на результативности партизанского движения в первые месяцы войны².

Возникшие в начале войны партизанские формирования горели желанием громить врага, но не имели для этого ни опыта, ни достаточной подготовки. Вследствие этого партизаны либо несли крупные неоправданные потери, либо были просто не способны организованно вести вооруженную борьбу с оккупантами. Партизанская борьба срочно нуждалась в опытных, хорошо подготовленных кадрах руководителей. Закономерен вопрос: почему партийное и советское руководство обратили свое внимание к органам госбезопасности? Как представляется, что таких причин было несколько. Во-первых, органы безопасности на протяжении всей истории своего существования, по сути, вели непримиримую борьбу с иностранными спецслужбами и организациями, а также экстремистскими элементами внутри страны. Во-вторых, сотрудники органов безопасности обладали рядом профессиональных и личных качеств, необходимых в партизанской борьбе: законопослушность, бдительность, конспирированность, хорошая военная и физическая подготовка, умение работать с людьми, выдержка, самообладание и т.д. В-третьих, сотрудники органов безопасности хорошо знали местность, где им предстояло действовать, а также местных жителей, среди которых было немало их добровольных помощников.

Сотрудники органов госбезопасности включались в партизанскую борьбу в различных условиях. В первые дни и недели войны те из них, кто оказался на оккупированной территории, создавали партизанские группы и отряды по своей инициативе или вступали в местные партизанские формирования. В прифронтовых районах они помогали партийным и советским органам в формировании партизанских отрядов и групп, их обучении и оснащении, организации связи, в подготовке кадров, переброске через линию фронта, закладке скрытых баз с запасами материальных средств в районах намечаемых действий, в создании конспиративной сети подполья в населенных пунктах и т. д. С этой целью в соответствии с решением ГКО 25 августа 1941 года были созданы специальные отделы в республиканских и областных органах НКВД для организации и руководства партизанскими отрядами и оперативными группами, а 18 января 1942

года в центральном аппарате НКВД СССР, как уже отмечалось, было создано 4-е управление, которое, координировало работу этих отделов.

Всего в годы Великой Отечественной войны партизанскими отрядами и соединениями, руководимыми чекистами, было уничтожено 229 тысяч гитлеровцев, подорвано 2852 вражеских эшелона, выведено из строя 1326 железнодорожных и шоссейных мостов, нанесен другой материальный ущерб захватчикам³.

Деятельность партизанских формирований, руководимых сотрудниками, органов безопасности в годы войны, была весьма многогранной. Они вели активную разведку и контрразведку, совершали диверсии, проводили политическую работу среди населения, выполняли иные специальные задания. Отметим, что результаты деятельности партизанских формирований могли быть более значительными, если бы курирующий органы безопасности член политбюро ЦК ВКП(б) Л.П. Берия не препятствовал проведению в жизнь ряда решений Центрального и республиканских штабов партизанского движения, не противопоставлял его руководству НКВД.

Рассмотренные вопросы об участии органов безопасности в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, органы безопасности не только помогали государственным и местным органам власти в становлении и организации партизанского движения, но и сами принимали непосредственное участие в нем, были определенной цементирующей силой этого движения. Во-вторых, опыт Великой Отечественной войны показал значение заблаговременной подготовки оперативного состава и его помощников к обеспечению безопасности партизанских формирований, а при необходимости - и к руководству ими. В-третьих, чекистский опыт может быть с успехом использован в новых исторических условиях, когда этот вопрос из чисто теоретического при возникновении реальной военной угрозы против нашего Отечества может быть поставлен в повестку дня практической деятельности органов безопасности.

1 Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941-1945). Документы и материалы, М., 1975. С.518.

2 Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941-1945). М., 1986. С.36-38.

3 Сборник Главного управления внутренних войск, внутренней и конвойной охраны МООВ СССР. 1967. №9. С.121.

А.Ю. ПОПОВ
(Академия ФСБ РФ)

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из сторон деятельности органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны было участие в партизанском движении, развернувшемся на временно оккупированных территориях СССР. Чекисты приложили весь накопленный опыт для помощи партизанским отрядам, в том числе в становлении и совершенствовании партизанской разведки.

Разведывательная деятельность партизан состояла из целенаправленного и своевременного сбора, обработки и передачи информации военного, политического и экономического характера. Разведорганы партизанских сил включали в себя разведаппарат, войсковую и агентурную разведку, связных, технические средства связи. Главным в системе разведывательной деятельности партизан было первичное получение сведений о противнике путем ведения непрерывной, массовой, всесторонней войсковой и агентурной разведки. Войсковую разведку проводили разведподразделения (отделения, взвода, роты и даже отряды), предназначенные для получения данных о враге путем захвата пленных, различных документов, образцов военной техники, а также путем наблюдения и опроса местного населения. Агентурную разведку осуществляла агентура партизанских отрядов, которая внедрялась в различные организации и учреждения противника, воинские формирования, на предприятия и транспорт. Как правило, данные - войсковой и агентурной разведки дополняли друг друга и позволяли перепроверять их. Связные, средства радио- и авиасвязи позволяли передавать полученные сведения и получать новые задачи.

Партизанам и их разведке приходилось ежедневно бороться с различными разведывательными, контрразведывательными и карательными органами противника, которые были многочисленны, хорошо оснащены и укомплектованы, имели большой опыт, опирались на развитую сеть гарнизонов, применяли любые, зачастую бесчеловечные средства для достижения своей цели, поэтому противостоять им могли профессионалы - сотрудники органов государственной безопасности.

Центральным органом разведки партизанских сил в годы Великой Отечественной войны был разведывательный отдел Центрального штаба партизанского движения (РО ЦШПД), оказывавший всестороннюю помощь разведотделам республиканских и областных штабов партизанского движения (РО ШПД)¹. Сотрудники отдела по мере возможности проводили работу по обобщению опыта ведения партизанской разведки, выясняли ее сильные и слабые стороны, методы борьбы вражеской контрразведки и давали рекомендации по улучшению деятельности партизанских разведорганов. С этой целью они проводили беседы с партизанами, обрабатывали материалы боевых операций партизанских бригад и отрядов, анализировали отчеты соединившихся с Красной Армией партизанских формирований. Главным разведывательно-информационным документом ШПД являлись разведывательные сводки с отражением всех поступивших важных и проверенных сведений.

Основа организации разведки была заложена в приказах Верховного Главнокомандующего от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения» и 19 апреля 1943 года «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах».

Одной из острых проблем организации разведки был вопрос укомплектования кадрами разведаппаратов. Так, только РО Белорусского ШПД определял в 1943 году общую потребность в руководящих кадрах разведчиков в 2 тысячи человек. Это означало, что в каждой партизанской бригаде и отряде должны быть начальник оперативной разведки, командир войсковой разведки, руководитель особого отдела².

Как правило, в партизанском формировании организовывал разведку и руководил ею заместитель командира по разведке. На эту должность рекомендовалось назначать людей, имеющих опыт работы, и предпочтение отдавалось офицерам ГРУ и органов госбезопасности. Для осуществления постоянного руководства и направления разведдеятельности при заместителе командира по разведке создавался рабочий аппарат от двух до семи человек, в зависимости от величины отряда³. Если на начальном этапе нередко указывалось на отсутствие единого руководства и стихийность в руководстве разведкой, на забвении ее основного принципа - непрерывности, на пренебрежительное отношение к организации наблюдения за противником, то с введением в каждой партизанской бригаде должности заместителя командира по разведке, созданием разведывательных, отделений при штабах бригад был положен конец существовавшей неразберихе в организации и руководстве партизанской разведкой⁴.

Одним из важных направлений в организации разведки партизан явилось распространение системы планирования, что позволило разведорганам проводить работу более целеустремленно. План разведки РО ШПД включал в себя следующие задачи: непрерывно вести разведку основных железнодорожных и шоссейных коммуникаций с целью установления наличия войск противника, их силы, состава и нумерации, количества и характера перевозок, местонахождения важных военных объектов; осуществлять подготовку необходимого количества разведчиков для вновь формируемых партизанских отрядов и групп; создавать новые резидентуры⁵.

Необходимым условием успешной разведывательной деятельности партизан было наличие развитой и устойчивой системы связи, которая должна была обеспечить быструю и полную доставку полученной и обработанной информации. Для передачи разведывательных данных партизан широко использовались радиосвязь и авиация.

По данным ЦШПД, только в партизанских формированиях Белоруссии к 1 января 1944 года действовало 123 радиостанции. Однако интересы получения максимального количества сведений для нужд войск диктовали необходимость резкого увеличения их числа. К июню 1944 года количество радиостанций возросло до 188⁶.

Значительную часть добытых документов врага, отчетов и донесений сотрудников партизанского разведаппарата, десятки наиболее ценных пленных отправляли на Большую землю с аэродромов, расположенных в партизанских зонах. Широко использовались площадки для выброски грузов и людей, на которые высаживались подготовленные разведчики и разведгруппы, доставлялись инструкции и письменные задания.

В войсковую разведку, как правило, подбирались лица смелые, решительные, хорошо знавшие местность и имевшие в зоне действия партизанского формирования родственные или дружеские связи с местным населением. В зависимости от объектов боевого воздействия партизан менялись и задачи войсковой разведки. При подготовке разгрома немецкого гарнизона готовились данные об его численности, составе, вооружении, системе охраны и обороны, связи и транспортных коммуникациях и т.д. При планировании диверсий на железных и автогужевого дорогах войсковая разведка выясняла систему обороны намеченного объекта, места и способы патрулирования, график передвижения эшелонов, автоколонн, обозов, пеших колонн, наилучшие места подхода и отхода диверсионных групп. При блокировании партизанской зоны войсковая разведка давала сведения о силе карателей и вела постоянный контроль дорог и деревень с целью выяснения подхода подкреплений и концентрация врага на том или ином участке, минировала дороги, нападала на штабы. С укрупнением партизанских соединений: ведение войсковой разведки значительно улучшилось. Каждая бригада имела определенные полосы и ответственные направления для ведения разведки и развединформация представлялась гораздо организованней⁷.

Но одна войсковая разведка не могла обеспечить выполнения всего комплекса задач, стоявших перед партизанами. Агентурная разведка была: более сложной и трудной, так как партизанской агентуре приходилось почти всегда работать на контролируемой гитлеровцами территории, часто под личиной изменника и предателя родины, быть объектом охоты разведывательных, контрразведывательных и карательных служб. Именно органы государственной безопасности в полной мере помогли партизанским формированиям специалистами, имеющими опыт секретной работы. Учитывая трудности, связанные с активным контрразведывательным противодействием, незначительной подготовкой своих разведчиков, разнообразием поставленных задач, этот вид разведки мог успешно функционировать лишь при наличии широкой агентурной сети на временно оккупированных территориях.

Обычно агентура была объединена в резидентуры. Только резидент знал всех агентов, что повышало степень безопасности работы. Если это диктовали обстоятельства, агенты работали в одиночку, переправляя данные при помощи заранее обусловленных тайников или через связных, встречавшихся с ними в строго определенное; время и в условленном месте. Сложно говорить об их профессионализме. Разведчиков готовили при спецшколах ШПД всего 10 дней по 10-часовой учебной программе. Доходило даже до того, что резидентом в одном из партизанских отрядов Кличевского района БССР являлся несовершеннолетний подросток Ким Кломбоцкий. Агентами были в основном женщины и подростки. Завербованным из числа лиц, находящихся на службе у оккупантов, выдавались удостоверения, в которых указывалось, что это лицо выполняло задания партизан. Этим, по мнению руководства ШПД, у агентов появлялась уверенность в том, что после изгнания гитлеровцев они и их семьи не будут репрессированы⁸.

Важным звеном разведки партизанских формирований являлись связные. Курьеров-связников готовили при спецшколах ШПД. Система обучения строилась на принципе личного показа и повторения, подготовка была приближена к действительности, занятия проводились на местности, половина учебного времени - ночью⁹.

Если связники не могли в силу обстоятельств получить информацию от агентов на встречах, то осуществлялась безличная связь, при помощи почтовых ящиков. На

связников возлагалась доставка агитационной литературы и взрывчатки для диверсий.

Противнику не удалось изучить партизанские разведывательные приемы. Как видно из трофейного документа «Особые распоряжения по борьбе с партизанским движением и шпионажем», подготовленного разведотделом армейской группы 12 июля 1942 года, немцы не располагали какими-либо документами и стройными представлениями, а пользовались в основном допросами провалившихся разведчиков либо откровенных предателей¹⁰.

Следует отметить, что деятельность органов государственной безопасности в партизанских отрядах не ограничивалась только разведкой противника. Во многом благодаря работе оперативных сотрудников НКВД и НКГБ СССР, осуществлявших также и контрразведывательные функции, партизанские отряды смогли выжить. Партизанские отряды и бригады, где сражались чекисты, отличались высокой боеспособностью, дисциплиной и, как правило, малыми потерями личного состава.

1 РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.791. Л.3.

2 НАРБ. Ф.3500. Оп.3. Д.115. Л.176.

3 УДААБО. Ф.1650. Оп.1. Д.68. Л.39.

4 Там же. Л.12. Д.82. Л. 24, 42.

5 Там же. Л.11.

6 РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.790. Л.128.

7 УДААБО. Ф.1650. Оп.1. Д.82. Л.44.

8 РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.853. Л.26; НАРБ. Ф.4. Оп. 33а. Д.466. Л.111; Ф.3500. Оп.12. Д.10. Л.291.

9 УДААБО. Ф.1650. Оп.100. Л.12.

10 РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.325. Л.15.

М.А. ХАЙРОВ
(кандидат исторических наук, доцент)
Академия ФПС РФ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДКИ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для разведывательных отделов и отделений пограничных войск на западной границе Великая Отечественная война, по существу, была вторым этапом борьбы с нацистской Германией. Первым этапом можно считать предвоенные годы, когда Германия вышла на нашу границу и развернула широкомасштабную подготовку к войне против СССР. Анализ добытой информации из различных источников, в том числе и показаний задержанной агентуры противника, позволил пограничникам сделать именно такой вывод. Так, если Белорусским и Украинским погранокругами в 1940 году из числа задержанных нарушителей границы было разоблачено 259 агентов немецкой разведки, то за шесть неполных месяцев 1941 года - 219, агентов венгерской разведки соответственно за этот период - 32 и 92, агентов румынской разведки в первую половину 1941 года - 28 человек. Всего на границе с названными государствами за шесть месяцев 1941 года было разоблачено 339 агентов против 450 за весь 1940 год.

По результатам анализа показаний задержанных и разоблаченных в 1940 году агентов, главным образом, засланных абвером, Главное управление пограничных войск составило схему, имевшую цель обратить внимание командования пограничных округов на те объекты, которые особенно интересовали вражескую разведку. На схеме ясно и четко вырисовывались три направления сосредоточения ее основных усилий: Ленинградское, Минское и Киевское. При этом на Минском направлении из 232 агентов немецкой разведки действовало 119 агентов, на Киевском - 87 и Ленинградском - 26. Эти данные наглядно раскрывали замыслы германского командования по агентурно-разведывательному обеспечению стратегического плана нападения на СССР под кодовым, названием «Барбаросса».

Архивные документы свидетельствуют, что ГУПВ уделяло большое внимание добыванию данных о сосредоточении германских войск вблизи нашей границы и выявлению их намерений. Так начальник управления в директиве № 19/3601 от 24 мая 1941 года на имя начальников пограничных войск западных округов указывал, что «сосредоточение войск и работы по строительству военных сооружений в пограничной полосе сопредельных с нами государств требует от нас знания во всех деталях складывающейся в связи с этим обстановки. В данный момент разведка должна быть организована таким образом, чтобы всякое явление, даже кажущееся на первый взгляд малозначительным, было своевременно зафиксировано и находилось бы под непрерывным нашим наблюдением». В директиве определялись объекты, на которых должно быть сосредоточено основное внимание разведки погранвойск, и устанавливался комплекс мероприятий в целях повышения эффективности пограничной разведки¹.

Накануне войны через агентурные возможности разведка пограничных войск добыла значительную по ценности и объему информации, которая в той или иной степени свидетельствовала о подготовке нападения, в частности о планах и устремлениях немецких спецслужб, о готовящихся и совершенных забросках агентов и диверсантов на советскую территорию, о переброске и сосредоточении войск противника в приграничных районах и т.д. Так закордонные источники 23-го и 79-го

пограничных отрядов в конце мая 1941 года передали информацию, что война Румынии против СССР должна начаться в июне, что военное командование этой страны отдало приказ о разминировании мостов через пограничную реку Прут. 10 июня агент 79-го погранотряда сообщил, что Германия ведет усиленную подготовку к войне с СССР, которая должна развернуться в последних числах июня. Другой агент в 1 час 30 минут 22 июня, рискуя жизнью, прибыл на внеплановую встречу с офицерами-разведчиками 17-го пограничного отряда и передал, что наступление немцев на СССР начнется в 04.00. Час стал ему известен от солдат 602-го арtpолка, которым был зачитан приказ Гитлера. Аналогичные сведения поступали и от других источников. Вся добытая информация немедленно передавалась в ГУПВ.

В условиях начавшейся войны СНК СССР 24 июня 1941 года принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». На следующий день во исполнение данного постановления был издан приказ НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В НКВД СССР был создан штаб под руководством генерал-майора Г.А. Петрова - начальника управления ГУПВ, а на местах сформированы истребительные батальоны. В приказе говорилось: «Начальниками истребительных батальонов назначить надежных и боевых оперативных работников НКВД, преимущественно из пограничных и внутренних войск и оперативных работников милиции». В директиве СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года требовалось «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...»². Наиболее подготовленными для решения поставленных задач оказались пограничные войска и их разведывательные отделы и отделения. Многие офицеры-разведчики пограничных войск были назначены в этот период в создаваемые штабы по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями противника, возглавляли оперативные группы и истребительные батальоны.

В начальный период войны пограничники активно использовались для ведения разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. Когда пограничные части после тяжелых боев отошли от линии границы на рубеж обороны войск прикрытия и поступили в оперативное подчинение командования Красной Армии, отдельные командиры дивизий, и корпусов, в чьих полосах обороны они оказались, стали создавать из военнoслужаших погранвойск специальные разведывательно-диверсионные группы (РДГ) и засылать их в тыл наступавшего противника. Группы пограничников ночами проникали во вражеский тыл, наблюдением, прослушиванием и опросами местных жителей добывали разведданные, устраивали засады, совершали диверсии. Например, при обороне 45-й стрелковой дивизией и 98-м пограничным отрядом рубежа Заполье - Куты в тыл 17-го армейского корпуса вермахта в ночь на 24 июня 1941 года было выслано восемь РДГ в составе 4-10 пограничников каждая. Эти группы вскрыли перегруппировку войск противника с левого на правый фланг обороны дивизии и в течение ночи, совершили ряд диверсий на дорогах с целью помешать противнику своевременно закончить перегруппировку сил.

Заброска в тыл наступавших войск противника РДГ из состава пограничников имела место и со стороны других командиров как на Западном, так и на Юго-Западном фронтах. Успех их действий обеспечивался не только спецподготовкой личного состава, но и тем, что они в первые дни боев действовали на хорошо знакомой

местности и использовали достоверную информацию от членов бригад содействия и местного населения, а в ряде случаев и заблаговременно созданной в пограничных районах агентурно-осведомительной сети.

Наряду с войсковыми группами практиковалось использование в тылу противника агентурно-боевых групп (АБГ), которые были созданы и подготовлены еще в условиях мирного времени. Особенно широко эта форма борьбы применялась на Южном фронте. Здесь уже в первые дни войны в тыл румынских войск было выслано более 20 таких групп.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 года на пограничные войска была возложена задача по охране тыла действующей Красной Армии и сформированы управления охраны тыла Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Пограничные части переформировывались в пограничные полки. В управлениях были созданы разведывательные отделы, в пограничных полках - разведывательные отделения, в батальонах - группы разведчиков. Вводилась должность заместителей по разведке начальника войск по охране тыла, командира полка и командира батальона. Общее количество разведчиков в пограничном полку постепенно было доведено до 25 человек. В задачу разведотделений входили: организация агентурно-оперативной работы по охране тыла, борьба с агентурой вражеских спецслужб, ведение зафронтной разведки.

Общие результаты оперативно-служебной деятельности пограничных частей по охране тыла действующей Красной Армии за 1941 год по далеко не полным данным характеризуются следующими показателями. Среди задержанных 685 629 было выявлено шпионов, диверсантов, агентов противника и террористов 1001, ставленников и пособников врага - 1019, дезертиров - 29064, бандитов - 56, мародеров - 492, уклонившихся от службы в Красной армии - 19817, бежавших с оборонных работ - 4260.

В это время руководство деятельностью начальников войск охраны тыла фронтов возлагалось на ГУПВ НКВД СССР, однако 28 апреля 1942 года приказом НКВД №00852 эти функции были переданы Главному управлению внутренних войск НКВД СССР. Офицеры пограничных войск принимали участие в формировании партизанских сил. Многие из них, в том числе и офицеры-разведчики, были включены в состав оперативных, диверсионных групп органов госбезопасности. 21 июля 1942 года начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко обратился в НКВД с просьбой о выделении 39 командиров из числа начальствующего состава войск НКВД для руководства партизанскими отрядами. На должность старшего помощника начальника разведки Белорусского ШПД был направлен старший оперуполномоченный разведотдела ГУПВ майор М.И. Протопопов. Начальников Украинского ШПД стал бывший пограничник, прошедший путь от начальника заставы на Дальнем Востоке до начальника Молдавского погранотряда, нарком внутренних дел УССР генерал Т.А. Строкач. Начальником Латвийского ШПД был назначен бывший пограничник полковник А.К. Спрогис, заместителем начальника Брянского ШПД - генерал А.П. Горшков, служивший до войны в погранвойсках. Во многих партизанских формированиях пограничники возглавляли разведывательную работу, являлись заместителями командиров отрядов и соединений по разведке, осуществляли формирование и подготовку разведывательно-боевых групп из партизан. После перенесения боевых действий на территории сопредельных государств наша пограничная полоса являлась

ближайшим тылом действующей армии, куда гитлеровская разведка продолжала активно забрасывать шпионов и диверсантов. Сложность оперативной обстановки определялась и наличием в пограничных районах оставленной врагом агентуры. Особую опасность представляла разветвленная, хорошо замаскированная сеть подпольных сепаратистских организаций. В этих условиях перед пограничными войсками встали две основные задачи. Во-первых, требовалось организовать надежную охрану границы. Во-вторых, необходимо было организовать выявление и ликвидацию в пределах пограничных районов оставленной немцами агентуры и диверсионно-террористических банд. В освобожденных районах западного участка границы развернулась борьба с бандитизмом. Достаточно сказать, что по состоянию на 3 сентября 1944 года разведка погранвойск выявила по Украинскому округу 69 банд (9894 участника), по Прикарпатскому округу - 8 банд (2915 участников). С момента освобождения советской территории до 15 сентября 1944 года на участках пограничных отрядов Украинского, и Прибалтийского округов было проведено 73 операции по ликвидации выявленных банд, в результате которых было убито 31 и задержано 4637 бандитов, захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Литовским погранокругом было проведено 65 таких операций, ликвидировано 15 вооруженных банд. Во всех случаях войсковым действиям предшествовали агентурно-оперативные мероприятия разведывательных отделов и отделений погранвойск и органов госбезопасности. Отметим, что успешное решение задачи борьбы с бандитизмом имело не только военное, но и важное политическое значение.

В целях усиления эффективной борьбы с бандформированиями, действовавшими как в советских, так и в приграничных районах сопредельных государств, нарком внутренних дел СССР директивой №00233 от 6 ноября 1944 года разрешил проведение оперативной работы на территории соседних стран, где находились войска Красной Армии. Офицеры-разведчики не только разрабатывали, но и сами участвовали в специальных боевых операциях по очистке пограничных районов от вооруженных сепаратистских организаций и агентов гитлеровской разведки. Сущность решаемых разведкой пограничных войск задач заключалась в поиске и глубокой агентурной разработке подпольной организации (банды), аресте, уничтожении или захвате ее участников оперативно-войсковой группой.

Значительный вклад в достижение Победы внесли разведывательные отделы и отделения пограничных войск на южной, восточной и дальневосточной границах. Их задачами являлись: добывание данных о подрывной деятельности против СССР разведывательных и контрразведывательных органов сопредельных государств; выявление и участие в ликвидации агентуры противника, вооруженных групп, проникших на советскую территорию и подготавливаемых к заброске; наблюдение за местными жителями, оказавшимися в поле зрения в связи с розыском дезертиров и государственных преступников; проведение фильтрационной работы в отношении лиц, задержанных в пограничной зоне. Так, дальневосточные пограничники с июня 1941 по май 1945 года из числа задержанных нарушителей границы разоблачили более 1000 агентов японских спецслужб, около 2400 бандитов и контрабандистов. Кроме того, разведка в ходе допросов агентуры и членов ДРГ, задержанных в первый военный год, получала информацию, анализ которой позволял делать обоснованные выводы о возможных направлениях наступательных операций японских войск в случае вступления этой страны в войну с Советским Союзом.

2 Документы и материалы об участии внутренних войск в охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1985. С.3-4,9.

О.Б. МОЗОХИН

(кандидат юридических наук. Академия ФСБ РФ)

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ НКВД СССР В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В предвоенные годы были предприняты меры на свертывание крупномасштабных репрессий. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» предлагалось прекратить производство массовых операций по арестам и выселению. Аресты было предложено производить в строго индивидуальном порядке, по предварительному согласованию с прокуратурой. Считались утратившими силу приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР по спецоперациям. Все дела должны были направляться через прокурора на рассмотрение суда в соответствии с законами о подсудности. На Особое совещание при НКВД СССР (ОСО) разрешалось направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда в деле имелись обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд. Дела об иностранных подданных могли направляться на ОСО лишь в исключительных случаях, чем подтверждалось лояльное отношение к иностранцам. Возвращались на доследование и подлежали рассмотрению в установленном порядке также те следственные дела, которые уже были рассмотрены на ОСО или на тройках при НКВД, УНКВД и УРКМ, но по которым приговор еще не был приведен в исполнение. Осужденные, отбывшие наказание и получившие дополнительные меры наказания, если решения об этих мерах им до 17 ноября 1939 года не были объявлены, подлежали освобождению. Отменялась практика продления наказания находящимся в ссылке и лагерях¹.

Санкции на аресты могли давать прокуроры административно-территориальных единиц от района до края. По делам о преступлениях на железнодорожном и водном транспорте санкции на аресты могли давать участковые прокуроры, по делам, подсудным военным трибуналам, - прокуроры военных округов. Санкции на аресты, производимые НКВД союзных республик непосредственно, могли давать прокуроры республик, санкции на аресты, производимые НКВД СССР, - прокурор Союза ССР².

Приказ НКВД СССР № 00116 от 4 февраля 1939 года установил порядок рассмотрения жалоб осужденных бывшими тройками НКВД, УНКВД и УРКМ. Постановления об отмене решений бывших троек утверждались наркомом и начальниками управлений или их заместителями и направлялись вместе с заявлением, материалами расследования, архивными делами и справкой тюрьмы о месте нахождения осужденного³» 8 мая 1939 г. (приказ НКВД СССР №00497) было принято решение при рассмотрении жалобы осужденного тройкой, который проходил по групповому делу, разрешать вопрос о проверке дела и по отношению к другим лицам⁴. Для рассмотрения заявлений и жалоб при секретариате ОСО временно было создано специальное отделение со штатом 15 человек⁵.

В тех случаях, когда расследованием жалоб, заявлений и протестов прокуроров устанавливалось, что тройками было вынесено наказание явно несоответствующее по своей тяжести содеянному преступлению и степени социальной опасности осужденного, наркомы союзных и автономных республик, начальники УНКВД краев и областей могли входить с ходатайством в ОСО о снижении установленных бывшими тройками сроков наказания до 3-5 лет или замены заключения в ИТЛ ссылкой, высылкой или снижении наказания до фактически отбытого срока, с освобождением заключенных из-под стражи с оставлением, в необходимых случаях, за ними

судимости⁶. Заявления и жалобы, поступившие после рассмотрения дела по ранее поступившим заявлениям, при отсутствии в них новых данных, дающих основание к пересмотру решения, приобщались к архивно-следственному делу без вынесения постановления. В связи с этим в делах хранится значительное количество нерассмотренных жалоб и заявлений осужденных и их родственников. Ходатайства же о помиловании осужденных тройками предлагалось направлять непосредственно на рассмотрение в президиумы Верховных Советов соответствующих союзных республик⁷.

17 февраля 1939 года было дано разъяснение о порядке освобождения из ИТЛ и колоний трудпоселенцев, которые отбыли срок наказания, и кулаков, семьи которых были высланы в трудпоселки. Данная категория лиц по отбытии срока наказания в лагерях и колониях должна была направляться обратно в трудпоселки⁸. Были утверждены новые списки местностей, в которых запрещалось проживать лицам, высланным постановлением ОСО⁹.

После принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года было подтверждено право органов НКВД СССР вести следствие с применением мер физического воздействия: «ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных, и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением»¹⁰. Таким образом, контролирующие органы госбезопасности - партноменклатура - вновь могли требовать от НКВД «выбивание» нужных показаний от арестованных.

В связи с реорганизацией НКВД СССР 8 апреля 1941 года было приказано прием и рассмотрение заявлений о снятии судимости с лиц, судимых бывшей коллегией ОГПУ, ОСО НКВД и тройками, возложить в республиканских, краевых и областных центрах на 1-е спецотделы НКВД-УНКВД, а в районах - на городские и районные отделы (отделения) НКВД¹¹. С присоединением западных областей, в первую очередь это касалось Украины, всех совершеннолетних членов семей осужденных оуновцев, а также активных повстанцев как арестованных, так и убитых при столкновениях, предлагалось ссылать в отдаленные районы Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей, а их имущество конфисковывать¹².

С началом Великой Отечественной войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года (п.3-з) военные власти стали иметь право на территориях, объявленных на военном положении, принимать решение о выселении лиц, признанных социально опасными. Выселение этой категории лиц возлагалось на органы НКГБ-НКВД.

28 июня 1941 года проведение следствия по всем делам об изменниках родины, бежавших или перелетевших за границу, кроме военнослужащих, было возложено на органы НКГБ. Надзор за следствием возлагался на прокуроров военных округов. Ведение следствия о членах семей военнослужащих, совершивших или покушавшихся на это преступление, возлагалось на третьи управления НКО, НКВМФ и третьи отделы НКВД. По окончании следствия дела должны были направляться, при квалификации по ч.1 ст.58-1, в военные трибуналы, а по ч.2 той же статьи УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик, - в ОСО при НКВД СССР¹³. В тот же день был установлен новый порядок выполнения ранее

объявленной инструкции о ссылке в отдаленные северные районы СССР членов семей изменников родины¹⁴.

В связи с паническими настроениями, связанными с наступлением немецкой армии, ГКО своим постановлением от 17 июля 1941 года о преобразовании органов третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР предоставил последним право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте. Эта внесудебная мера сыграла положительную роль в стабилизации обстановки на фронте в этот драматический период.

Приказом НКВД СССР №001613 от 21 ноября 1941 года было объявлено постановление ГКО, в соответствии с которым ОСО предоставлялось право с участием Прокурора СССР по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления выносить меры наказания вплоть до расстрела. Решение ОСО считалось окончательным и обжалованию в кассационном порядке не подлежало¹⁵. 16 декабря этот приказ был распространен на оперативно-чекистские отделы лагерей, которые должны были завершённые дела представить ОСО после утверждения НКВД-УНКВД и прокурора республики, края, области. 17 декабря действие приказа было распространено и на органы Третьего управления НКВМФ.

14 марта 1943 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об организации тройки в составе секретаря ЦК КП(б) Узбекистана, наркома внутренних дел и прокурора республики для решительного пресечения и разбазаривания социалистической собственности и усиления репрессий против расхитителей. Ей предоставлялось право приговорить к расстрелу во внесудебном порядке 50 человек с конфискацией личного имущества и с последующим объявлением приговоров тройки в печати от имени прокуратуры¹⁶. 25 мая того же года постановлением политбюро ЦК была создана тройка ив Киргизии с правом применения высшей меры наказания в отношении 150 человек. По-видимому, она была последней, так как постановлений политбюро о создании троек в последующие годы не обнаружено¹⁷.

15 февраля 1944 года последовало разъяснение, что решения бывших троек НКВД-УНКВД в части применения к осуждённым дополнительной меры наказания в виде поражения в правах не имеют законной юридической силы, поэтому в справках об освобождении, выдаваемых лицам, отбывшим срок заключения по приговорам бывших троек, эту меру наказания было предложено не указывать¹⁸.

После окончания Великой Отечественной войны 18 сентября 1945 года в совместной директиве НКВД и НКГБ СССР предлагалось тщательно просмотреть все законченные следственные дела и те из них, которые могли быть рассмотрены в судебном порядке, передать в соответствующие суды. До особого указания на рассмотрение ОСО при НКВД СССР разрешалось направлять только те следственные дела, которые нельзя было по оперативным или иным причинам передать в суд¹⁹. 27 февраля 1946 года на основании решения Особого совещания при НКВД СССР от 15 февраля 1946 года было предложено освободить из-под стражи всех лиц, осужденных ОСО к заключению в ИТЛ до окончания войны, разрешив им свободное проживание на территории СССР, кроме режимных местностей²⁰.

Всего Особым совещанием при НКВД СССР было рассмотрено в 1939 году - 13021 дело, в 1940 году - 42912 дел, в 1941 году - 14266 дел, в 1942 году - 77547 дел, в 1943 году - 25131 дело, в 1944 году - 10 600 дел (сведения неполные), в 1945 году - 20587 дел. К высшей мере наказания по делам, ведшимся органами НКВД, было приговорено в 1939 году 2601 человек, в 1940 году - 1863 человека, в 1941 году - 23 786 человек, в 1942 году - 26510 человек, в 1943 году - 12589 человек, в 1944 году - 3110 человек, в 1945 году - 2308 человек²¹. Анализируя указанные данные, необходимо учитывать, что органы НКВД СССР расследовали дела и общеуголовного характера, которых в годы Великой Отечественной войны было значительно больше, чем политических.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.66. Оп.1. Д.438. Л.280-284

² Там же. Л.319-320.

³ Там же. Д.469. Л.38.

⁴ Там же. Д.498. Л.207.

⁵ Там же. Л.225.

⁶ Там же. Д.488. Л.235-237.

⁷ Там же. Д. 520. Л.40-46.

⁸ Там же. Л.47.

⁹ Там же. Д.508. Л.147-185.

¹⁰ Там же. Д.7. Л.1-2.

¹¹ Там же. Д.578. Л.3-4.

¹² Там же Д.828. Л.230-232.

¹³ Там же. Д.579, Л.294-297.

¹⁴ Там же. Л.298.

¹⁵ Там же. Д.592. Л.109-110.

¹⁶ АПРФ. Ф.3. Оп.58. Д.212. Л.210.

¹⁷ Там же. Л.215.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф.66. Оп.1. Д.828. Л.77-78.

¹⁹ Там же. Д.847. Л.345.

²⁰ Там же. Д.982. Л.52.

²¹ Там же. Ф. 8ос.

Б.Н. КОВАЛЕВ

(кандидат исторических наук, доцент. Новгородский государственный университет)

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ (1941-1944 гг.)

Нацистские органы пропаганды являлись, одними из самых эффективных в мире. Сотрудники Министерства пропаганды до 1939 года оттачивали свое мастерство на жителях Третьего рейха и во многом благодаря их усилиям Германия к началу Второй мировой войны имела весьма консолидированное общество. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживавшим на оккупированных территориях.

Весной-летом 1941 года германская военная машина стала активно перестраиваться для войны против СССР. Пропагандисты в своей работе пользовались большой свободой и могли оперативно реагировать на любые действия противника. Так, согласно инструкции Геббельса от 5 июня 1941 года, пропаганда на Россию должны была заключаться в следующем: «... никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля - крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий...» При этом делалось уточнение: «Под большевизмом мы понимаем как членов партии большевиков... так и наиболее опасную для нас силу - русскую тайную полицию НКВД. Лишить ее какой-либо поддержки и сочувствия в обществе - наша задача и прямая обязанность»¹.

В июне 1941 года Геббельс писал в своем дневнике: «Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого - троцкистская, второго - сепаратистская и третьего - националистически русская. Все три - резко против сталинского режима... Около 50 млн. листовок для Красной Армии уже отпечатано, разослано и будет разбросано нашей авиацией... Нас упрекают в Москве в том, что мы будто бы снова хотим ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро»². Первая радиостанция называлась «Старая гвардия Ленина». В ее передачах приводились выдержки из знаменитого ленинского «Письма к съезду», осуждавшие Сталина. Что касается советских спецслужб, то некоторые из выступавших, представлявшие себя как «оставшиеся на Западе из-за безумных чисток 1937-38 гг. чекисты», говорили о том, что «если вначале они защищали трудящихся, то теперь НКВД выполняет заказ англо-американских жидовствующих капиталистов»³. В работе этих радиопередатчиков принимали участие известные в СССР люди. Среди них были Эрнст Торглер (в прошлом один из руководящих деятелей Коммунистической партии Германии, председатель ее фракции в рейхстаге. Он был ложно обвинен нацистами в поджоге рейхстага 27 февраля 1933 года, но на Лейпцигском процессе вел линию исключительно своей личной, а не политической защиты. После оправдания Имперским судом стал активно сотрудничать с гитлеровцами) и Карл Альбрехт (бывший коммунист, в начале 1930-х годов возглавлял Наркомат лесной промышленности СССР, был репрессирован, смог перебраться в Германию в конце 1939 года, автор книги «В подвалах ГПУ»). Последний подробно рассказывал «о всех кругах ада, которые он прошел в

застенках НКВД», при этом он акцентировал внимание слушателей на том, что его соседями по нарам часто были сами старые чекисты, еще знавшие Ленина и Дзержинского, или «следователи, которые только вчера допрашивали людей, с которыми сегодня они оказались в одной камере»⁴. Поскольку радиоприемники у большинства советских граждан были изъяты в первые дни войны, можно предположить, что эти передачи были направлены на адресного слушателя. К ним сотрудники ведомства Геббельса относили сотрудников органов госбезопасности и партийно-советскую верхушку. Предполагалось, что пропаганда, ведущаяся от лица антисталинской оппозиции, вызовет новый вал репрессий в Советском Союзе, в том числе и в органах государственной безопасности. Также не исключалась возможность спровоцирования в советском тылу антиправительственных выступлений. Но основной поток информационного воздействия шел на слушателей, находившихся на оккупированных территориях. В первые месяцы войны советская сторона не смогла организовать сколь-либо существенного противодействия пропаганде противника.

Деятельность нацистских пропагандистских служб шла по нескольким направлениям: через печать (газеты и листовки); аудиовыступления (передачи проводного радио, налаженные во многих населенных пунктах уже через несколько недель оккупации, и через репродукторы и рупоры); активные акции (экскурсии для населения в тюрьмы и торжественные похороны «жертв НКВД»); передвижные выставки «Кровавые злодеяния ЧК-ГПУ-НКВД» (обычно для нее использовался специально оформленный автобус, который в воскресные дни парковался на базарных площадях областных и районных центров), кино (все художественные фильмы в обязательном порядке начинались просмотром немецкой хроники о положении в Германии, на Восточном фронте и «освобожденных» областях); театральные и художественные постановки (ярко выраженной антисоветской и античекистской направленностью, отличалась пьесы «Волк» и «Голубое небо», написанные в Смоленске журналистом коллаборационистской газеты «Новый путь» С.С. Широковым); адресно-тематические, для определенных категорий населения (занятия для функционеров коллаборационистской администрации, учителей школ, полицейских, карателей и пр.).

Наибольшее распространение получила печатная пропаганда. При составлении листовок и прокламаций за основу брался конкретный материал, который мог быть известен местным жителям и из других источников информации. Это могла быть партизанская акция, связанная с реквизициями, с человеческими жертвами, или участие в движении советского сопротивления работника НКВД. Последние представлялись как сила, которая стремится «заставить простых русских граждан участвовать в бессмысленной партизанщине». Также всячески подчеркивалось, что сотрудники НКВД «вяжут всех так называемых "партизан" кровью своих же односельчан»⁵.

Сотрудники органов государственной безопасности противопоставлялись всему остальному населению СССР. Так, в листовке «Большевистская действительность» говорилось о том, что до начала войны «партийный актив и работники НКВД никаких лишений не чувствовали, получая все из закрытых распределителей. В противоположность рядовому служащему, крестьянину и рабочему, обнищавшему и полуголодному, они одевались хорошо и жили сытно»⁶.

В первые месяцы оккупации газеты среди населения распространялись бесплатно. Тематика номеров утверждалась Министерством пропаганды. Массовые тиражи

позволяли распространять их практически во всех населенных пунктах. Именно через периодическую печать осуществлялась основная часть античекистских акций.

Большинство статей в газетах и листовках изображали всю историю советских органов безопасности как цепь преступлений. Так, в статье «Московские палачи», помещенной в орловской коллаборационистской газете «Речь» 22 ноября 1942 года, говорилось о том, что «с момента возникновения ВЧК в лоно ее стекались все преступные элементы большевистской революции. Все это были люди, примкнувшие к большевизму исключительно в силу своих преступных наклонностей. Под личиной священных революционных идей трусам и палачам предоставлена была возможность безнаказанно пытаться и убивать. Число жертв ВЧК достигло многих миллионов». Причина образования ВЧК объяснялась так: «в силу того, что и в среде самих самых отъявленных преступников проявляется стремление к известной организованности, у собравшейся своры растлителей, убийц и осквернителей даже появилась потребность в организации, узаконяющей их преступную деятельность».

Давая убийственные характеристики Дзержинскому («Личность его представляет как бы ступень, отделяющую преступника от психически больного. Подлинная находка для такого жидовского ученого, как Фрейд») и Менжинскому (слабохарактерный, болезненный субъект), немецкая пропаганда основной удар все же наносила по Ягоде: «Куда больше подходящим руководителем ГПУ с точки зрения большевиков был жид Ершиль Ягода. По приказу Сталина провел ликвидацию "кулаков", ссылая их массами в лагеря. Это был единственный слой населения, который еще мог проявить серьезную оппозицию. В конце концов Ягода прибрал к рукам такую власть, что само ГПУ грозило стать государством в государстве. Ягоду арестовали, и после фиктивного процесса в марте 1938 года он был устранен выстрелом в затылок». Что касается Ежова, то он описывался как «человек, рабски исполнявший все приказания Сталина и Кагановича. Этот насквозь пропитанный злобой палач отличался невероятной жестокостью. Первый и до сих пор единственный руководитель ГПУ, не являвшийся жидом и всё же женатый на жидовке». Ежову пришлось тоже исчезнуть и уступить место старому школьному товарищу Сталина чекисту еврею Берии, тесно связанному с мировым кагалом. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Оксан пошел еще дальше. В своей брошюре «Евреи и большевики», которая была выпущена ко дню рождения Адольфа Гитлера 20 апреля 1942 года, он утверждал, что «так называемое ГПУ-НКВД на самом деле является марионеткой в руках мировой закулисы - еврейского заговора; цель которого - порабощение народов Европы»⁷.

Одним из направлений нацистской пропаганды было использование советских литературных произведений или советских литературных штампов. Когда говорилось об арестах и репрессиях против неповинных граждан, всячески подчеркивалось, что совершались и совершаются они «карающим мечом пролетарской революции - НКВД»⁸.

Серию статей, рассказывающих о различных аспектах работы советских органов госбезопасности, написал заместитель главного редактора газеты «За Родину» Б.А. Филистинский. Этот автор, в 1941-1942 годах возглавлявший в Новгороде так называемое «русское гестапо» и лично повинный в гибели нескольких сот мирных граждан и пленных красноармейцев, в 1943-1944 годах преуспел на журналистском поприще. (После войны работал на радиостанции «Голос Америки», являлся профессором Вашингтонского университета, скончался в 1991 году. - Б.К.). Его

публикаций были характерны немецкой пропагандистской манерой подачи материала. Он использовал как собственные воспоминания (с 1936 по февраль 1941 года находился в местах заключения), так и материалы, которые ему предоставлялись германскими пропагандистскими службами. Так, в статье «Театр в "вольном" чекистском городе Чибью» говорилось о великолепном театре, который был создан из заключённых для чекистов и членов их семей. Упор в рассказе делался на то, что артисты и артистки были обязаны выполнять все сексуальные прихоти своих хозяев и хозяек. Тех, кто уклонялся, физически уничтожали. В статье «Герои Соловков» с подзаголовком «Воспоминания бывшего лагерника» (Сам он никогда на Соловках не был. - Б.К.) рассказывалось о том, что в начале 1930-х годов чекист Петерсон создал из уголовников банду, которая грабила и убивала. Часть похищенного он присваивал, а часть пряталась в условленном месте, что позволяло ему быстро находить «преступников» и получать за это различные награды.

Кроме «общих» материалов, которые показывали жестокость, корысть, антинародную сущность ВЧК-ГПУ-НКВД, некоторые статьи адресовались конкретному читателю. Так, для крестьян Филистинский писал о том, что в 1930-е годы «вчерашний поощряемый земледelec или скотовод был объявлен "кулаком" и ограблен, его самого и всю его семью угнали на север гнить в лагерях НКВД. Генеральная линия партии вела Русь дальше и дальше от обмана к обману, через холод, займы и лагеря - на убой в войне за мировое господство интернационального кагала», интеллигенцию убеждал в том, что «все, что было сделано хорошего в так называемой "советской культуре", было плодом работы "недобитых", застрявших в зубах чекистской машины интеллигентов вместе с талантливыми представителями даровитого русского народа»⁹.

Особое место в нацистской пропаганде занимали так называемые «ленинцы», т.е. люди, принявшие идеи Октябрьской революции, но считавшие, что массовые чистки были ошибочными. В очерке «Повесть непогашенной луны» говорилось о том, что НКВД как оружие в руках Сталина повинно в гибели Фрунзе и Бориса Пильняка - талантливого писателя, не побоявшегося в «Повести непогашенной луны» написать об этом¹⁰. Все эти публикации преследовали одну цель - не допустить развертывания советского вооруженного и пассивного сопротивления нацистскому режиму в западных областях России.

К концу 1942 года советской пропаганде удалось наладить контрпропагандистскую работу. Большой резонанс среди населения вызвали листовки, подписанные иерархами Русской Православной Церкви, известными деятелями культуры, находившимися до войны в определенной оппозиции советской власти, подтверждавшие тезис о том, что эта война является Отечественной для всех русских людей. Немецкая контрпропаганда строилась на утверждении о том, что все эти писатели, поэты и священники являются простыми заложниками в руках НКВД. Так, в статье «Как напечатали Анну Ахматову» утверждалось: «под угрозой гибели сына в когтях НКВД Ахматова снова пишет надутые, фальшивые агитки... Чего не сделаешь для спасения своих детей! Скверно, но понятно»¹¹.

Некоторые пропагандистские документы оформлялись нацистами в виде трофейных документов НКВД, причем имели место как фальшивки, так и подлинные документы. Так, широко распространялось «Дело №18», построенное на трофейных докладных записках и спецсообщениях по особому отделу НКВД 4-го стрелкового корпуса Красной Армии и оформленное как подлинный документ. Во введении рассказывалось, как оно оказалось в руках нацистских пропагандистов: «Дребезжали

стекла от грохота орудий. Чекисты с посеревшими лицами, трясущимися руками вытаскивали из шкафов кипы дел, тащили во двор, где среди грязи полыхал костер... Чекисты бежали. Папка осталась. На ней следы шипов от сапога немецкого солдата. Должно быть, он ногой гасил тлеющую бумагу».

«Дело №18» рассматривалось как «капля, но в этой капле отражается весь злобный мир большевизма с его террором, слежкой, доносами и предательством». О месте органов безопасности нацисты писали: «За советскую родину идут бесславно умирать гонимые под огонь немецких пулеметов толпы красноармейцев. Они знают, что где-то там, в тылу, притаились с пулеметами чекисты из "заградительных отрядов", что в Красной Армии есть уполномоченные НКВД и это, пожалуй, все, что им известно о кровавой сталинской охранке... Но они не знают, какой густой чекистской паутиной опутан каждый из них...» Чекистская же сеть нужна для того, чтобы вылавливать красноармейцев и командиров, которые после этого исчезают из части, «пропадают в тюрьмах, концлагерях либо в ямах, наспех вырытых на месте торопливого расстрела».

У многих людей, оказавшихся "на оккупированных территориях, родственники и знакомые служили в Красной Армии. Им необходимо было внушить мысль, что красноармейцы продолжают вооруженную борьбу с вермахтом только потому, что они оболванены советской пропагандой и за каждым их шагом и словом следят сотни и тысячи доносчиков. Что касается штатных сотрудников НКВД, то их задача «не только руководить сворой доносчиков, но и следить за следящими, доносить на доносчиков, предавать предателей». На вершине же этой лестницы, согласно немецкой пропаганде, стояли «жирные и звероподобные майоры, и капитаны госбезопасности иудейского происхождения»¹².

Из нацистской печатной пропаганды видно, что в качестве примера абсолютного зла она рассматривала верхушку большевистской партии, евреев и сотрудников органов государственной безопасности - все эти силы патологически ненавидят русский народ и являются абсолютно чужеродной силой для России: «Каждый, опутанный тенетами доносов, погубленный русский человек - это возможность чекисту получить награду, повышение в чине, быть отмеченным в приказе. На муках сосланных в концлагеря, на крови расстрелянных зиждется шкурное благополучие и карьера любого чекиста»¹³.

Одной из форм печатной пропаганды была публикация выдержек из советских газет, иногда и из довоенных, с соответствующим комментарием. Так, информация о награждении ряда сотрудников органов, безопасности орденами СССР завершалась следующими словами: «Социалистический рай» Сталина - это единственное в мире государство, где доносчики, тюремщики, шпики и палачи перед лицом всего народа украшаются наивысшими наградами и орденами за свои «мокрые» дела. С каждого «ордена Ленина», повешенного на грудь лейтенанта госбезопасности, сочится кровь расстрелянных рабочих и крестьян»¹⁴.

При подборе лексического ряда для своих материалов сотрудники пропагандистских служб рейха стремились выбрать слова, которые могли бы вызвать подсознательную негативную реакцию у русского населения. Очень часто это были слова и штампы советской довоенной пропаганды. Так, серия статей, опубликованная в 1942-1943 годах в ряде коллаборационистских изданий, получила название «В кольце шпиков». При этом использовалась терминология, которая

активно использовалась в советских фильмах о Ленине, НКВД очень часто именовался «сталинская охранка».

К антисоветской борьбе в довоенные годы у нацистов в их пропаганде было двойное отношение. С одной стороны, усиленно прославлялись люди, павшие «в борьбе с проклятым жидобольшевизмом», с другой, утверждалось, что «из кровавой истории ОГПУ мы хорошо знаем, что организаторами и, вероятно, вдохновителями многих антисоветских групп и заговоров чаще всего бывали сами, чекисты».

Практически все газеты и листовки заканчивались выводом о том, что благодаря немецкому солдату рушатся застенки «Всесоюзной тюрьмы народов», кончается власть шпиков и агентов НКВД, которые почти четверть века держали вас днем и ночью в страхе»¹⁵.

Кроме газетных публикаций, на оккупированной территории России распространялось огромное количество книг о советских органах безопасности, как «научные исследования», так и воспоминания бывших узников ГУЛАГа. В 1942 году берлинское издательство Бера опубликовало на нескольких языках, в том числе и на русском, книгу, ужаснувшую всех дикими подробностями, в которых рассказывалось о трудовых лагерях системы ГПУ-НКВД. Эта книга была написана Кайтаном Ключом и называлась «Самое величайшее рабство в мировой истории». Тираж этого произведения достиг нескольких миллионов экземпляров. Как вспоминали участники советского сопротивления, большой популярностью литература такого рода пользовалась в немецкой контрразведке и являлась необходимой составляющей обработки задержанных с целью сотрудничества их с немецкими спецслужбами¹⁶.

При работе с сотрудниками коллаборационистской администрации и участниками вооруженных формирований рассматриваемому сюжету уделялось особое внимание. В тематике еженедельных лекций для солдат РОА обязательно присутствовали такие, как «Один год в застенках НКВД», «Создание ЧК - результат жидомасонского заговора»¹⁷. На курсах учителей читались лекции «Поэты - жертвы большевизма».

Ограниченное количество кинотеатров и передвижных киноустановок не позволяло охватить кинопропагандой все население оккупированных районов. Однако в крупных населенных пунктах регулярно демонстрировались для русского населения выпуски DW - германского еженедельного кинообозрения. В кинохрониках были показаны «камеры пыток» ГПУ и места массовых казней латышских и украинских националистов¹⁸. Специально для жителей России был снят фильм «Наши друзья». В нем прославлялся «порядок», созданный немцами на оккупированной территории, всех «честных русских патриотов» призывали к активной борьбе против советских партизан¹⁹.

В Смоленском и Борисовском драматических театрах были поставлены пьесы «Волк» и «Синее небо» упоминавшегося С.С. Широкова. Если в первой постановке отрицательная роль чекиста-партизана, уничтожающего хлеб, выращенный русскими крестьянами, была эпизодической, то вторая целиком имела античекистскую направленность. На протяжении всего представления главный герой Степанов «проклинал НКВД и их работников, называя их извергами, испоганившими четыре хорошие русские буквы. Он говорил, что не хочет такой Родины, где свирепствует НКВД». Пьеса завершалась приходом немецких войск и словами

героя: «Наконец взойшло русское небо над моей многострадальной родиной, наконец, я вижу синее небо, которое так долго ждал»²⁰.

Особо можно отметить акции, где нацисты апеллировали к международному общественному мнению и привлекали к сотрудничеству граждан нейтральных стран. Например, весьма активно освещались события, связанные с Катынским делом. Члены международной комиссии в мае 1943 года ознакомились с «...преступлениями цепного пса жидобольшевистского режима НКВД»²¹. «Останки 12 тысяч польских офицеров, попавших в плен к советским войскам в 1939 году и позднее расстрелянных войсками НКВД», демонстрировались в кинохронике, этому трагическому событию посвящались книги и международные конференции. Широко распространялась книга «Массовые казни в Катынском лесу: документальный отчет». Ударное значение в этой книге имел протокол, подписанный экспертами из двенадцати европейских стран, посетивших в конце апреля 1943 года место, где производились расстрелы. Их доклад дал обоснованность немецких обвинений в адрес органов НКВД. Нацисты со злорадством повествовали о евреях, сотрудниках НКВД, которые «приканчивали польских патриотов своим излюбленным приемом - выстрелом в затылок»²².

На протяжении всей войны нацисты критиковали союз СССР с Великобританией и США. Критиковались и спецслужбы стран-союзниц. Так, в материале «Английское ГПУ» говорилось: «Подобно советской системе, английская имеет нечто вроде собственного ГПУ. Разница заключается лишь в том, что английское ГПУ, именуемое Сикрет Сервис, не служит внутригосударственного потребления, но систематически работает вне пределов Британских островов всякий раз, как появляется опасность разрушения устоев Британской империи». Далее шло перечисление многочисленных преступлений против национально-освободительного движения в британских колониях этой «верной подруги НКВД» и делался вывод: «Все эти инциденты доказывают, что между гнилой английской плутократией и кровавыми диктаторами, засевшими в Кремле, существует несомненное внутреннее сходство. Не будь ГПУ, Ленину и Сталину не удалось бы так долго удержаться у власти в «советском раю». И лондонские империалисты держали в подчинении свои народы во всех частях света главным образом при помощи Сикрет Сервис»²³.

Гласная работа немецких служб шла в тесной связи с негласной. Создавая на оккупированной территории России агентурную сеть, немцы ставили перед ней задачу как активной борьбы с советским; сопротивлением, так и распространение компрометирующих слухов о формах, методах и задачах деятельности советских спецслужб.

В целом немецкая пропаганда была направлена на формирование в обществе представления о советских органах государственной безопасности как о некой силе, оторванной от своего народа, привилегированной и пользующейся благами жизни за счет всего остального населения. Постоянно подчеркивалось, что руководство ВЧК-ОГПУ-НКВД всегда состояло из инородцев, в первую очередь из евреев, и те задачи, которые они решали, являлись воплощением в жизнь планов мирового еврейства, что полностью противоречило национальным интересам России и русского народа.

Тысячи чекистов погибли, выполняя задания командования на оккупированной врагом территории. Причиной провала многих из них были доносы местных жителей. После освобождения Красной Армией этих районов некоторые из предателей были арестованы. На допросах они показали, что причиной их действий было не только

желание выслужиться перед захватчиками, получить от них награду, но и воздействие немецких средств массовой пропаганды.

1 Цит. по: Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. М., 1994, С.13, 255.

2 Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха»против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С.290.

3 Архив управления ФСБ РФ по Псковской области. Д.41586. Л.32.

4 Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 311. Л. 12-13.

5 За Родину! Псков! 1942. 21 марта.

6 Архив управления ФСБ РФ по Новгородской области. Д.4327, Л.89.

7 Государственный архив Орловской области. Ф.3681. Оп.1. Д.2. Л.7.

8 АУФСБНО. Д.4327. Л.91.

9 За Родину. 1942. 16 мая. 1943. 12 ноября, 11 декабря.

10 ГАОО. Ф.2608. Оп.1. Д.32. Л.99.

11 АУФСБНО. Д. И-54. Л.78.

12 Государственный архив Новгородской области. Ф.807. Оп.1. Д.5. Л.1-4, 7.

13 АУФСБНО. Д. И-54. Л.54.

14 Там же. Л.47.

15 Речь. 1942 25 марта; За Родину. 1942, 2 сентября.

16 Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области. Ф.1667. Оп.2, Д.416. Л.30.

17 АУФСБПО. Д.41586. Л.62.

18 Герценштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С.432.

19 Архив управления ФСБ РФ по Смоленской области. Д.3792. Д.10.

20 Там же. Л.49.

21 Речь. 1943. 2 июня.

22 Герценштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. С. 445.

23 Речь. 1942. 5 апреля.

В.В. ЮШКЕВИЧ
(УФСБ РФ по Новгородской области)

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ: ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И МОТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА С НАЦИСТСКИМ ОККУПАЦИОННЫМ РЕЖИМОМ

Вопросы социального состава изменников родины, мотивация и причины их перехода на сторону врага до сих пор являются малоисследованными. Вместе с тем материалы государственных и ведомственных архивов Северо-Запада Российской Федерации дают богатый материал для работы в этом направлении, что обусловлено несколькими обстоятельствами: во-первых, длительностью оккупационного периода в этом регионе (уже в июле 1941 года немецкие войска заняли Псков и только в июле 1944 года город был освобожден); во-вторых, относительно стабильной линией фронта, что способствовало более активной и разноплановой работе оккупантов с местным населением и, в связи с этим, в-третьих, длительной и кропотливой работой территориальных органов безопасности Северо-Запада по розыску государственных преступников в послевоенный период (так, например, каратель В.В. Вечер был разыскан сотрудниками УКГБ СССР по Новгородской области в 1981 году).

Основываясь на гитлеровской идее блицкрига, на начальных этапах войны немцы не предполагали активного использования населения СССР в военных и иных целях. Исключение составляли лишь жители Прибалтики (латыши, эстонцы) и финны, из числа которых изначально формировались карательные отряды на оккупированной территории современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей¹. Срыв плана молниеносной войны заставил оккупантов пересмотреть свои взгляды на этот вопрос. По мере затягивания боевых действий задачи, возлагавшиеся на изменников, все более расширялись и приняли достаточно разнообразный характер. В конечном итоге коллаборационистов стали массово использовать для решения военных, карательных, полицейских, агентурных, пропагандистских, административных и хозяйственных задач.

При этом, очевидно, что всю массу советских граждан, так или иначе сотрудничавших с врагом, можно условно разделить на две большие группы.

В первую из них входили так называемые пассивные пособники (или пособники по принуждению). Речь идет, например, о женщинах, вынужденных в суровых условиях оккупации наниматься на работу в немецкие администрации на подсобные работы, поскольку это был единственный способ прокормить своих детей. В сельской местности наиболее уважаемые граждане иногда добровольно соглашались на должности старост, надеясь, что эти полномочия хоть как-то помогут защитить односельчан от насильственных реквизиций и иного произвола оккупантов. В других случаях под страхом расстрела на должности старост назначали бывших председателей колхозов. Они должны были обеспечить такой же сбор сельскохозяйственных продуктов, как и в довоенном 1940 году.

Во вторую группу входили активные пособники - каратели, полицейские, «власовцы», пропагандисты, агентура немецких спецслужб и прочие, на чьей совести было физическое уничтожение мирного населения, активная борьба с партизанами и антифашистским подпольем, пропагандистские мероприятия, разграбление и вывоз культурных ценностей.

Данный подход к лицам, сотрудничавшим с нацистским оккупационным режимом, был предложен еще в августе 1942 года начальником Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитиным в «Указании о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупированной территории», где он отметил, что не все лица, служащие захватчикам, являются потенциальными врагами советской власти².

Работе с активными пособниками немцы уделяли особое внимание. При этом основной упор они делали на определенные социальные группы. В первую очередь их интересовали различные категории репрессированных: так называемые «бывшие» (служившие царскому режиму, дворяне); крестьяне, раскулаченные в период коллективизации; духовенство, военнослужащие, пострадавшие в период чисток РККА; представители репрессированных наций и народностей.

Ставка на репрессированных подтверждается, например, тем фактом, что все поступавшие на курсы пропагандистов РОА в Дабендорфе под Берлином заполняли анкеты с вопросом: были ли они обижены советской властью и, если обижены, то как? На этот вопрос утвердительно отвечало 60 процентов опрошенных, хотя к этой цифре - необходимо относиться весьма осторожно, поскольку отвечающие были, безусловно, заинтересованы в положительном ответе для достижения большего доверия со стороны немецкой администрации.

Кроме того, при подборе кадров немцы уделяли большое внимание национальному составу изменников. Так, для назначения на должность начальника полиции в г.Старая Русса подыскивался не только человек надежный политически, но и желательно нерусский, например эстонец или латыш. В конечном итоге им оказался эстонец Александр Карлович Кютт (характерно, что при трудоустройстве Кютт должен был не только написать автобиографию с указанием национальности, но и заполнить анкету, заверенную двумя поручителями, пострадавшими от советской власти)³.

Разделение по национальному признаку осуществлялось и среди военнопленных. Осенью 1941 года в лагерях под Ленинградом в разных бараках содержались русские, украинцы, кавказцы и прибалты. При этом самыми привилегированными были кавказцы и прибалты, а последние весной 1942 года вообще были распущены по домам или использовались в качестве карателей⁴. Оправдывая подобное «доверие», только в деревнях Черная и Жестяная Горка Батецкого района нынешней Новгородской области один из отрядов, составленный преимущественно из этнических латышей и русских, проживавших до войны в Латвии, уничтожил около 2600 человек мирного населения и военнопленных. После войны некоторые из членов отряда Цирулис, Петрис и другие осели в Германии, Канаде, Соединенных Штатах Америки.

Справедливости ради необходимо отметить, что немцы вряд ли смогли бы найти прочную опору в национальном элементе, если бы не сталинская довоенная национальная политика. В предвоенные годы репрессии в отношении эстонцев, финнов и латышей, компактно проживавших на территории Северо-Запада, носили массовый характер.

Еще одной категорией, которую немцы активно использовали для пополнения числа предателей, были военнопленные. Именно они - уже умевшие держать в руках оружие - должны были составить наиболее боеспособные единицы: на фронте -

прежде всего РОА генерала Власова, а в тылу - карательные, истребительные и полицейские формирования. Однако категория военнопленных давала гитлеровцам существенный процент «брака». Многие военнослужащие, соглашаясь на сотрудничество, использовали его как единственный шанс остаться в живых и при первой же возможности пытались перейти назад к своим.

Например, за первые два месяца деятельности пропагандистских школ в марте - апреле 1943 года гестапо было арестовано 90 человек из 450 за попытки создания в школах подпольных большевистских организаций, а когда после этого руководство курсов ужесточило требования к поступающим, то оно не смогло обеспечить требуемый выпуск: несмотря на расширение сети школ в августе 1943 года удостоверение пропагандистов получили вместо 1500 запланированных всего 300 человек. В Уторгошском районе Новгородской области был зафиксирован факт, когда почти весь состав русских полицейских в количестве 20 человек в конце 1943 года перешел на сторону партизан⁵. Вероятно, именно поэтому немцы до конца не доверяли таким формированиям, и даже РОА стали использовать по-настоящему лишь в 1945 году, когда войска Красной Армии уже находились под Берлином.

При таких условиях оккупанты могли безоговорочно доверять лишь карателям, то есть лицам, не только перешедшим на сторону врага, но и совершившим, кровавые преступления против мирного населения (так, во время одной из массовых расправ - над жителями деревень Быково и Починок - военнослужащими 667-го карательного батальона «Шелонь» было расстреляно 253 человека).

Наконец, нельзя не отметить и еще одну категорию, которая также оказалась востребованной немцами - это коллаборационисты из числа мирного населения (зачастую использовалась городская и сельская интеллигенция, давшая согласие занять должности вновь создаваемых органов управления).

Если выделение основных категорий коллаборационистов сравнительно легко поддается анализу и изучению, то выявление истинных мотивов, побудивших человека к предательству, представляет определенную сложность, поскольку это связано с комплексом психологических, идеологических, нравственных и других субъективных составляющих каждой личности.

Архивные материалы предоставляют множество диаметрально противоположных примеров поведения людей, оказавшихся в схожих условиях. С наступлением оккупации большинство медперсонала Колмовской психиатрической больницы под Новгородом осталось верной клятве Гиппократов, в то время как врач той же больницы И.М. Андриевский пошел в услужение к немцам и лично участвовал в физическом уничтожении больных⁶. Работники Новгородского музея под бомбежкой спасали музейные ценности, а Б.А. Филистинский (человек с двумя высшими образованиями, литератор и интеллектуал, как он любил представляться) работал на немецкую контрразведку и занимался сбором и вывозом произведений искусства⁷.

Тысячи красноармейцев 2-ой ударной армии, оказавшись в окружении в районе Мясного Бора, сражались до последнего и гибли, а командарм генерал А.А. Власов добровольно перешел на сторону врага, став своеобразным символом предательства и главным орудием немецкой пропагандистской машины.

Вероятно, в поисках ответа на вопрос о подлинных мотивах перехода на сторону врага необходимо выделять объективные и субъективные стороны, способствовавшие появлению изменников. К объективным условиям можно отнести: панические настроения среди населения и солдат РККА в начальный период войны, обусловленные быстрым наступлением немецких войск; активную и грамотную геббельсовскую пропаганду при отсутствии альтернативных источников информации на оккупированной территории (не зная реальной ситуации на фронтах, многие полагали, что советская власть низвергнута навсегда); условия содержания пленных, при которых переход на службу к немцам был единственным способом сохранения жизни, репрессивную политику советского государства, породившую слой недовольных и обиженных; наличие незначительного числа действительных идеологических противников сталинизма.

Однако ни одна из этих перечисленных причин, по сути, не является оправданием предательства ни с юридической, ни с моральной точки зрения. Так или иначе, все перешедшие на сторону врага покупали свою свободу путем непосредственного или опосредованного претворения в жизнь гитлеровской установки на физическое уничтожение неарийских народов.

Субъективная сторона предательства базируется на личностных характеристиках коллаборационистов. По упоминавшемуся карательному батальону «Шелонь» в разное время органами госбезопасности было разыскано и привлечено к уголовной ответственности более 100 человек. У всех у них была разная довоенная судьба, все они оказались в батальоне по разным обстоятельствам. Если говорить о командире отряда Александре Ивановиче Риссе, то по материалам розыскного дела может возникнуть вывод о его обиде на советскую власть. Немец по национальности и офицер Красной Армии, он был арестован в 1938 году по подозрению в принадлежности к немецким разведывательным органам, но освобожден из-под стражи за недоказанность в 1940-м. Однако когда человек в начале войны направляется на фронт, где добровольно переходит на сторону врага, а затем методично занимается расстрелами и истязаниями исключительно мирных жителей, награждается двумя железными крестами, медалями и дослуживается до чина майора, то возникает большой вопрос в отношении такой своеобразной мести сталинскому режиму. Или же другой каратель - Григорий Гурвич (он же Гуревич), еврей по национальности, сумел выдать себя за украинца - по свидетельствам очевидцев, был настолько жесток и непредсказуем, что своими поступками вызывал страх даже у сослуживцев. Среди карателей было много и русских, даже жителей районов дислокации «Шелони», но личностные характеристики проявились у всех одинаково. Всем им были присущи трусость, стяжательство, бытовое пьянство, садистские наклонности. По материалам допросов, практически ни у кого не просматривалась идеологическая мотивация. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данный объект исследования должен заинтересовать не только историков и юристов, но и криминологов, поскольку представляется, что ответ на главный вопрос: ПОЧЕМУ? - лежит преимущественно в морально-нравственной сфере.

1 ГАНПИНО. Ф.260. Оп.1. Д.193. Л.85.

2 Там же. Д.138. Л.65.

3 Архив УФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/6995. Т.1. Л.23.

4 Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.46436. Л.15.

5 Там же. Д.19344, Л.204.

6 Там же. Материалы к литерному делу №118 «Чекисты на защите Ленинграда». Л.180.

7 АУФСБНО. Д.54.

Ю.Н. ТИХОНОВ

(кандидат исторических наук. Липецкий государственный педагогический университет)

СОТРУДНИЧЕСТВО СПЕЦСЛУЖБ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АФГАНИСТАНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

После нападения Германии на СССР Афганистан из-за своего геостратегического положения превратился в арену ожесточенной «тайной войны» между разведками ведущих мировых держав. Эта страна, как и Швейцария в Европе, веками была центром шпионажа на Среднем Востоке. Традиционно главным противником России в регионе являлась Великобритания, но к 1941 году ситуация коренным образом изменилась: главную угрозу для безопасности южных рубежей СССР таила подрывная деятельность японской разведки и абвера в Афганистане¹. В 1930-е годы благодаря осуществленным советской разведкой контрмерам активность Японии среди басмачества Северного Афганистана резко снизилась, а германская разведка даже не рискнула создать там разветвленную шпионско-диверсионную сеть. До поражения вермахта под Москвой руководство абвера считало нецелесообразным проводить какие-либо операции в Туркестане, так как в Берлине слепо верили в успех блицкрига. В связи с этим в 1941 году главной целью для спецслужб стран «оси» и их агентуры в Афганистане стала Британская Индия, а не СССР.

Интеллидженс сервис смогла своевременно раскрыть намерения Германии в отношении Индии, что позволило британской стороне заранее принять меры для нейтрализации агентуры стран «оси» в Афганистане. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что, фактически, нацистское руководство в общих чертах повторило «план Нидермайера», разработанный еще в годы Первой мировой войны, вновь стремясь поднять антибританское восстание приграничных пуштунских племен, чтобы сковать английскую армию в Индии².

Всевозрастающая активность агентуры стран «оси» в Индии встревожила британских разведчиков, которые понимали, что Германия и ее союзники с минимальными затратами могли спровоцировать вооруженное восстание пуштунов Северо-Западной Индии. С 1936 года 40-тысячное английское объединение при поддержке десятков танков и самолетов не могло подавить восстание горцев Северного Вазиристана под предводительством Факира из Ипи. В июне 1941 года, несмотря на все усилия Индийской политической разведки, МИ-2, МИ-6, а также ряда особых «индийских» спецслужб, Англия не смогла помешать установлению сотрудничества между дипломатическими представительствами Германии и Италии в Кабуле и Факиром³. Лидер вазиров стал получать финансовую помощь от обоих государств. Одним словом, в одиночку пресечь подрывную деятельность абвера в Афганистане Англия не могла.

Резидент британской разведки в Кабуле военный атташе подполковник А. Ланкастер, как свидетельствуют архивные документы, задолго до 22 июня 1941 года осознал, что в интересах Великобритании и Интеллидженс сервис было любой ценой заручиться поддержкой СССР в Афганистане. Только этим можно объяснить тот факт, что не раз в беседах с сотрудниками советского посольства английский разведчик давал правдивую информацию о деятельности немцев против Индии или предупреждал об антисоветских планах Японии в Синьцзяне. Видимо, не случайно он также не стремился проводить активной деятельности среди басмачества

Северного Афганистана и не совершал поездок в район советско-афганской границы⁴.

К моменту нападения Германии на нашу страну британский посланник в Кабуле У.Фрэзер-Тайтлер, который лично руководил многими операциями английской разведки в Афганистане, был убежденным сторонником установления сотрудничества между Лондоном и Москвой. В связи с этим уже 23 июня 1941 года по его заданию дипломатическое представительство СССР в Кабуле посетил первый секретарь британского посольства Флетчер и предложил объединить усилия «по выдворению немцев из Афганистана»⁵. 28 июня советская сторона уведомила Фрэзер-Тайтлера, что «его предложения об организации совместных действий английской миссии и нашего посольства по выдворению немцев из Афганистана нами принимаются»⁶. 1 июля состоялась первая встреча между послом К. Михайловым и его британским коллегой. Постепенно между миссиями СССР и Великобритании налажился обмен развединформацией о деятельности агентуры стран «оси» в Афганистане.

Окончательное решение о сотрудничестве между советской и английской разведками по ликвидации фашистской агентуры на Среднем Востоке было принято в Москве на самом высоком уровне. 8 июля 1941 года на первой встрече с послом Р. Криппсом И.В. Сталин «поставил вопрос о большом скоплении немцев как в Иране, так и Афганистане, которые будут вредить и Англии, и СССР»⁷. При этом Сталин сослался на одно из донесений из Кабула, в котором приводились слова британского посланника о том, что «необходимо выбросить немцев из Афганистана». В ответ английский посол пообещал запросить Лондон «о принятии мер в Иране и если имеется опасность, то и в Афганистане».

События на индо-афганской границе, где были перехвачены агенты абвера, заставили Лондон не только согласиться на все предложения Сталина, но и настойчиво добиваться от советского правительства подписания соглашения о сотрудничестве спецслужб обоих государств⁸. 20 июля 1941 года Криппс встретился с В.М. Молотовым и вручил ему памятную записку, в которой указывалось, что английское правительство «приветствует предложение, сделанное г-ном Сталиным относительно совместных действий по оказанию нажима на оба правительства (Ирана и Афганистана. - Ю. Т.)»⁹. В это же время посол Великобритании обсудил со Сталиным проблему сотрудничества разведок двух стран и получил его принципиальное согласие на приезд в Москву представителя Интеллидженс сервис, который должен был заключить соглашение с советской разведкой о сотрудничестве¹⁰. 1 августа 1941 года Криппс сообщил Молотову, что «он пригласил в Москву одного из старших офицеров разведки, который прибудет 3 или 4 августа». В целях сохранения секретности было условлено, что при телефонных переговорах представитель британской разведки будет именоваться «специальным другом посла»¹¹. Понимая, что события на индо-афганской границе ускорили прибытие в Москву «специального друга», Молотов 5 августа передал Криппсу перехваченные советской разведкой письма резидента СД в Кабуле Брикманна, касающиеся деятельности германской агентуры в зоне пуштунских племен.

Тревожная обстановка в Афганистане заставила советское руководство направить в Кабул разведчиков, имевших опыт работы в Афганистане. В конце июля - начале августа 1941 года по прямому указанию Сталина в Кабул прибыл новый резидент советской разведки полковник М.А. Аллахвердов («Заман»), который в 1934-1936 успешно работал в этой стране¹². Новым представителем «Востокинторга» был

назначен разведчик Безруков. Прибытие столь опытных разведчиков уже через месяц позволило советской резидентуре поставить под контроль деятельность фашистской агентуры в Афганистане. Аллахвердов перевербовал резидента абвера в Индии Бхагат Рама Тальзара, который предложил свои услуги советской разведке. Своему новому агенту Аллахвердов дал псевдоним «Ром» и одновременно начал обстоятельную проверку ценного «источника».

Благодаря профессионализму Аллахвердова достигнутый успех позволил внешней разведке занять лидирующее положение среди других советских спецслужб, действовавших в Кабуле. Под контроль Первого управления НКВД СССР перешли коминтерновские структуры в Афганистане. Военная разведка сосредоточила свое внимание на работе в приграничных районах. Координация совместной деятельности разведок Советского Союза и Англии в Афганистане осуществлялась через представительство Интеллидженс сервис в Москве и дипломатические миссии двух стран в Кабуле.

На связи с советской стороной в афганской столице были военный атташе Ланкастер и первый советник британской дипломатической миссии Коннор-Грин. Чаще всего они сообщали свою информацию устно послу К. Михайлову. Следует отметить, что в 1941-1942 годах внешняя разведка получала от англичан часто устаревшие данные по Афганистану. По этому поводу в одной из служебных записок В.Н. Меркулов писал: «...Все эти сведения, за небольшим исключением, соответствуют действительности и своевременно были нам известны. Некоторые факты имеют трех - четырехлетнюю давность и ряд существенных неточностей, за которыми, по нашему мнению, скрываются какие-то интересы англичан. Однако прямой дезинформации в этих сведениях мы не находим. Поэтому дальнейшее получение подобной информации от англичан в Кабуле считаем целесообразным...»¹³.

Сотрудничество между спецслужбами СССР и Великобритании в Афганистане не ограничивалось только обменом развединформацией. Но обе стороны стремились действовать, не раскрывая своих агентурных сетей. Поэтому Афганистан был разделен на сферы ответственности: советская разведка проводила контроперации против абвера в Северном Афганистане, Интеллидженс сервис - в зоне пуштунских племен. Данная практика позволила союзникам по антигитлеровской коалиции избежать лишних трений и обеспечить безопасность своих границ.

В совместной деятельности советской и английской разведок в Афганистане против агентуры стран «оси» можно выделить три периода.

Сентябрь - ноябрь 1941 года. На этом этапе главной задачей для спецслужб СССР и Англии было обеспечить депортацию из Афганистана большей части германских и итальянских агентов, действовавших под прикрытием иностранных специалистов. Москва и Лондон, располагая неопровержимыми доказательствами враждебной деятельности фашистской агентуры, смогли заставить афганское правительство выслать из страны всех подданных Германии и Италии, не имевших дипломатического статуса. В результате у Германии из нескольких разведгрупп в Афганистане осталась только одна, руководимая резидентом внешнеполитической разведки торговым атташе Расмусом.

Декабрь 1941 - январь 1943 года. Главной целью абвера в Афганистане являлась организация шпионско-диверсионной деятельности против Британской Индии, а с

начала 1942 года - и против СССР. В зоне пуштунских племен германская разведка делала ставку на Факира. К нему в Вазиристан планировалось перебросить крупные партии вооружения и диверсионные отряды, обученные действиям в горах, (операция «Тигр»). Одновременно Расмус пытался при содействии Бхагат Рама создать в Индии подпольную антибританскую организацию, которая смогла бы организовать подрывные акции в тылу английских войск.

Советской и британской разведками эти планы были своевременно раскрыты. В мае 1942 года Интеллидженс сервис раскрыла каналы связи между фашистскими дипломатическими миссиями в Кабуле. Обладая неопровержимыми доказательствами, англичане заставили афганское правительство провести массовые аресты лиц, сотрудничавших с Германией и Италией. С помощью Бхагат Рама внешняя разведка СССР поставила под контроль деятельность Расмуса и резидента абвера Витцеля. Для большей эффективности этот двойной агент в июне 1942 года был передан на связь Индийской политической разведке. Аллахвердов смог перевербовать резидента германской разведки в басмаческих кругах Махмуд-бека. Ланкастер и его коллеги считали, что советскому разведчику удалось даже подкупить бывшего бухарского эмира Алим-хана. В свою очередь, с англичанами сотрудничал один из сыновей экс-монарха. В связи с этим все планы абвера развернуть в Туркестане и зоне пуштунских племен повстанческое движение были обречены на провал¹⁴.

Февраль 1943 - май 1945 года. В начале 1943 года Берлин предпринимает последнюю авантюру в Афганистане: на весну - лето планировалось при содействии окружения бухарского эмира и организации «Фаал» вооружить около 30 тысяч басмачей и осуществить их вторжение на территорию СССР. Одновременно предполагалось поднять новое восстание под руководством Факира из Ипи. Убедившись, что часть среднеазиатских эмигрантов сотрудничает с Германией не только против Советского Союза, но и Британской Индии, Англия весной 1943 года решила одним ударом пресечь деятельность, разведок стран «оси» в Афганистане. Чтобы доказать правительству СССР необходимость совместного демарша, британское посольство в Кабуле по указанию из Лондона передала советской стороне фотокопии писем руководителя «Фаал» М. Тирази. Москва 19 мая 1943 года дала свое согласие на совместные действия¹⁵. В мае - июне в результате совместного демарша Великобритании и СССР афганский премьер-министр Хашим-хан был вынужден выслать из страны Витцеля, радиста германского посольства Доха и четырех японских «агрономов»¹⁶. В начале июня Берлин официально уведомил Кабул, что немецкая миссия прекратит разведдеятельность против Советского Союза и Британской Индии.

Несмотря на это, Расмус пытался продолжить работу с Бхагат Рамом, которого он перед своим бегством из Афганистана передал на связь японской разведке; последняя попыталась с помощью его организации осуществить заброску в Белуджистан нескольких диверсионных групп. Все эти попытки были обречены на провал, так как Бхагат Рам заранее передавал Индийской политической разведке координаты их высадки. К чести японцев, они сразу же заподозрили германского резидента в Индии в двойной игре и прекратили с ним связь. Но в абвере Бхагат Рам до конца войны считался самым ценным агентом. Его донесения о ситуации в Индии, отредактированные Аллахвердовым, не вызывали подозрений в Берлине.

Одной из последних совместных акций английской разведки и внешней разведки СССР была работа с итальянским посланником Кварони, который после выхода

Италии из войны стал ценным источником информации о деятельности стран «оси» в Афганистане. После капитуляции Германии перед правительствами Англии, США и СССР встал вопрос о дальнейшей судьбе членов немецкой посольства в Кабуле. Сотрудники Индийской политической разведки настаивали, чтобы все они были вывезены для допроса в Индию, советской же разведке удалось настоять на своем, и в августе 1945 года Пильгер и его подчиненные оказались во Владимирском центре. К этому времени в Москве было принято решение о прекращении сотрудничества внешней разведки с Интеллидженс сервис в Афганистане, хотя британской стороне хотелось сохранить контакты со спецслужбами своего союзника.

Взаимодействие разведок в Афганистане в годы оправдало себя и позволило полностью ликвидировать подрывную деятельность вражеских разведслужб в этой стране. Однако следует отметить, что британские спецслужбы в 1941-1942 годах не раз принимали шаги, значительно осложнявшие работу российских разведчиков, которые были вынуждены были проявить большой профессионализм и дипломатично пресекать все попытки англичан поставить их под свой контроль.

1 Итальянская разведка накануне и в годы Второй Мировой войны сосредоточила свои усилия на создании шпионско-диверсионной сети в Британской Индии. Рим отверг все предложения Берлина присоединиться к проведению подрывных акций против СССР с территории Афганистана.

2 Автору известны только два региона, где между спецслужбами Германии и Японии осуществлялось сотрудничество в проведении подрывных операций с опорой на различные вооруженные формирования из местных горцев: зона пуштунских племен на индо-афганской границе и Чечня.

3 Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1981. P.244.

4 Архив СВР РФ. Д.1225. Л.5.

5 АВП РФ. Ф.071. 1941. Оп.23. П.196. Д.5. Л.120.

6 Там же. Л.118.

7 Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны. М., 1983. Т.1. С.72.

8 Тихонов Ю.Н. Крах операции «Пожиратель огня» // Новости разведки и контрразведки. 1997. №20.

9 АВП РФ. Ф.06. 1941. Оп.3. П.8. Д.81. Л.64.

10 Там же. Д.82. Л.1.

11 Очерки истории советской внешней разведки. Т.4. С.386.

12 Ветераны внешней разведки России. М., 1995. С.10-12.

13 АВП РФ. Ф.071. 1942. Оп.24. П.200. Д.8. Л.2.

14 О деятельности абвера против Британской Индии см. подробнее: Архив СВР. Д.2437.

15 АВП РФ. Ф.06. 1943. Оп.5. П.20. Д.115. Л.8.

16 Английская разведка хотела продлить пребывание Расмуса в Кабуле «из-за ровных рабочих отношений, установившихся между ним и Бхагат Рамом» // Оп. ат.: Hauner M. P.525.

О.М. ХЛОБУСТОВ
(Академия ФСБ РФ)

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

В истории Великой Отечественной войны, еще немало страниц, неизвестных не только широкой общественности, но и специалистам. Одна из них касается вклада оперативно-чекистских групп НКГБ СССР в реализацию планов командования Красной Армии. Рассмотрим его на примере обеспечения подготовки операции «Багратион», проводившейся войсками 1-го Белорусского фронта под командованием К.К. Рокоссовского. Вспоминая о подготовке операции по освобождению Белоруссии, он писал: «Партизаны получили от нас конкретные задания, где и когда ударить по коммуникациям и базам немецко-фашистских войск. Они взрывали поезда на железнодорожных магистралях Бобруйск-Осиповичи-Минск, Барановичи-Лунинец и других. Все их удары наносились в тесном взаимодействии с планом и были подчинены интересам предстоящей операции»¹. Так писал Маршал Советского Союза, ибо тогда писать, всю правду, в том числе и о вкладе органов НКВД-НКГБ в победу, было не принято.

Начало этой неизвестной страницы истории было положено 24 декабря 1943 года письмом командования Белорусского фронта в НКГБ СССР: «Учитывая успешную работу в тылу спецотрядов вашего наркомата, действовавших под командованием тт. Каминского, Матвеева, Шихова и оказавших существенную помощь фронту в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника, мы просим оказать дальнейшую помощь Белорусскому фронту посылкой ваших диверсионных отрядов для воздействия на перевозки и разрушения основных железнодорожных коммуникаций в тылу противника. В интересах фронта наиболее актуальной задачей является вывод из строя железнодорожных линий противника: станций Старушки, Лунинец, Пинск, Бобруйск, Минск-Бобруйск, а также получение разведданных о мероприятиях и действиях противника на этих участках. В связи с намеченной вами выброской спецотрядов для действий в тылу врага на участке Белорусского фронта мы просим учесть наши пожелания в этом отношении и ориентировать часть ваших отрядов в самое ближайшее время на диверсионно-разведывательную работу в районах указанных выше железнодорожных линий противника. Ваш представитель, ознакомленный с обстановкой на фронте, доложит о существующем положении на месте. Как и прежде, нами будет оказана необходимая помощь для переброски отрядов, связи с нами и успешного выполнения поставленных им задач»².

Во исполнение просьбы командования фронтом уже 3 января 1944 года в тыл противника были направлены разведывательные группы 4-го управления НКГБ СССР под командованием старших лейтенантов А.Н. Шихова, Д.П. Распопова и Д.Н. Кузнецова. Одновременно с этим задание усилить разведывательную работу было передано и другим чекистским группам, действовавшим в указанных районах.

О просьбе был информирован НКГБ Белоруссии, и 7 января 1944 года Рокоссовскому было направлено следующее сообщение: «Из тыла противника получены следующие военно-разведывательные данные: Здания и территория Быховского аэродрома, ацетоновый завод и мосты через Днепр противником заминированы и подготовлены к взрыву... На участке фронта между Быховым и Новым Быховым действуют 640-я и 395-я пехотные дивизии противника. Кроме того, сюда подтянуты крупные силы мотопехоты и танковых частей. Командует

группировкой генерал Прахель. Ранее действовавшая в этой районе 263-я пехотная дивизия переброшена на Рогачев...»³.

Всего же на начало 1944 года в тылу противника, действовали 66 оперативных групп только НКГБ Белорусской ССР, насчитывавших 1341 бойца, по состоянию на 1 мая - 120 опергрупп, насчитывавших 1700 человек⁴. В частности, в Логошинском районе Брестской области действовала оперативная группа «Храбрецы» под руководством А.М. Рабцевича, комиссаром которой был немецкий антифашист Карл Линке. Ею были вскрыты такого рода факты, о которых сообщалось в СНК БССР: «По сообщению руководителя агентурно-диверсионной группы "Храбрецы" капитана государственной безопасности т. Рабцевича, в связи с приближением линии фронта немцы принимают меры к сокрытию следов своих преступлений. В частности, в 5 километрах севернее г. Пинска у д.Галево разрываются девять массовых могил, в которых похоронено свыше 30 тысяч военнопленных и мирного населения еврейской и белорусской национальности, расстрелянных немцами в 1941-1942 гг. Извлеченные из могил трупы обливаются горючим и сжигаются»⁵.

24 мая НКГБ БССР сообщал командующему войсками 1-го Белорусского фронта: «От оперативных групп, действующих в тылу противника в Минской области, получены данные о том, что в г.Минске и его окрестностях немцы возводят оборонительные сооружения. В районе... идут параллельно сплошные три траншеи шириной 1 метр, глубиной 1,5 метра, одна от другой 300 метров, пересекающие Логойский тракт, Заславльское шоссе. Вдоль траншей подготавливаются места для установки орудий. Между Слепянкой и Городском поселком установлено 12 зенитных орудий... Севернее 3-й инфекционной больницы установлено 12 зениток...»⁶. С момента вступления подготовки операции «Багратион» в заключительную стадию такого рода разведывательная информация направлялась командующему 1-м Белорусским фронтом регулярно.

Одновременно чекистскими группами проводилась работа по разложению националистических формирований Белорусской краевой обороны, менее известной, чем ее южная сестра - Украинская повстанческая армия (УПА), с помощью которых оккупанты стремились создать видимость «борьбы населения» оккупированных территорий против «нашествия москалей». Опергруппой «Активные» из состава Грузинского добровольческого легиона, дислоцировавшегося в г. Борисове было выведено к партизанам около. 40 человек с оружием, после чего немцами «легион» был разоружен, а «добровольцы» возвращены в лагерь военнопленных. 23 марта 1944 года под влиянием разведчика «Ичиана» (уроженца Туркмении Агы Бердыева) на сторону одной из оперативных групп, действовавшей в районе г.Бараковичи, перешли 49 солдат и офицеров Ост-мусульманского полка СС, предназначенного для борьбы с партизанами. Несколько позже «Ичиану» удалось склонить к переходу на сторону партизан еще более 70 военнослужащих этого полка. «В результате перехода к партизанам большой группы солдат и офицеров, - сообщало 4-е управление НКГБ БССР, - в полку началось разложение, 250 человек были направлены в концлагеря и несколько человек расстреляно за связь с партизанами». Деятельность оперативно-чекистских групп НКГБ по разложению формирований Русской освободительной армии была настолько эффективна, говорилось в одной из докладных записок, что «солдаты РОА переходили к партизанам целыми подразделениями. Так, например, из восточного запасного полка РОА в г. Бобруйске оперработник НКГБ БССР Костюкович вывел к партизанам 487 солдат и офицеров. Всего из частей РОА и полицейских гарнизонов нашими

опергруппами было выведено к партизанам 3223 солдата и офицера с полным вооружением»⁷.

20 июня, практически накануне начала наступательной операции «Багратион», командованию 1-го Белорусского фронта были переданы дополнительные разведданные о количестве самолетов на Лидском аэродроме, воинских эшелонах на линии Барановичи - Минск⁸. Разведдонесения НКГБ продолжали поступать и в ходе операции по освобождению Белоруссии.

В представлении к награждению одного из руководителей спецгрупп НКГБ СССР Алексея Никитича Шихова отмечалось: «В дни Великой Отечественной войны Шихов А.Н. 17 ноября 1941 г. добровольно вступил в войска особой группы НКВД СССР (впоследствии реорганизованной в 4-е управление НКГБ. - О.Х.). В составе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР, а затем отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР участвовал в действующей армии с 10 октября 1941 г. в обороне г. Москвы. Командуя отделением, а затем взводом, т. Шихов нередко под огнем противника проводил минирование шоссейной дороги Дмитров - Москва и зоны канала Волга-Москва, а также сооружение заграждений на ближних и дальних подступах к столице. В 1943 г. Шихов, командуя спецотрядом, действовавшим с 29 мая по 25 сентября 1943 г. в тылу врага на направлении Центрального фронта в Гомельском районе БССР, проявил себя умелым, мужественным и бесстрашным командиром. За это время диверсионные группы отряда под его руководством подорвали на железнодорожных линиях Гомель-Макошино и Гомель-Брянск 13 воинских эшелонов с живой силой, боеприпасами, продовольствием и военной техникой противника. При этом было уничтожено и повреждено 13 паровозов и 173 вагона... Отряд потерял из своего состава 7 человек убитыми.

В результате успешных диверсионных действий на коммуникациях противника в районе Гомельского железнодорожного узла движение воинских эшелонов в сторону фронта на линиях Гомель-Брянск и Гомель-Макошино было нарушено в течение трех с половиной месяцев. Будучи вторично послан в тыл врага на направление 1-го Белорусского фронта в Полесскую и Барановичскую области БССР, т. Шихов, командуя спецотрядом, за время с 17 января по 1 июля 1944 г. со своими диверсионными группами подорвал на железнодорожных линиях Минск-Барановичи и Барановичи-Лунинец 42 воинских эшелона с живой силой, боевой техникой, продовольствием и горючим и один бронепоезд противника... За это же время отряд выдержал 11 боевых столкновений с противником, уничтожив в боях 74 солдата и офицера противника и потеряв со своей стороны только 2 человека. Кроме того, отрядом т. Шихова проведена большая разведывательная работа по установлению численности, концентрации, оснащения и передвижений войск противника и передаче этих данных в центр и командованию 1-го Белорусского фронта. За отличные боевые действия на фронте и в тылу врага и проявленные при этом доблесть, мужество и героизм достоин представления к званию Героя Советского Союза. Командир отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР полковник Орлов М.Ф.»

Заключение вышестоящего начальника:

«Ходатайствую о присвоении т. Шихову А.И. звания Героя Советского Союза. Начальник Четвертого управления НКГБ СССР генерал-лейтенант П.А. Судоплатов»⁹.

Звание Героя Советского Союза А.Н. Шихову было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года. Этим же указом звание героев было присвоено еще шести командирам оперативно-разведывательных групп 4-го управления НКГБ, в том числе и действовавшим в полосе наступления 1-го Белорусского фронта Станиславу Алексеевичу Ваупшасову и Евгению Ивановичу Мирковскому.

После освобождения Белоруссии оперативно-чекистские группы получили новые задачи в интересах командования фронтом, о чем свидетельствует телеграмма наркома госбезопасности СССР Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому от 25 октября 1944 года: «В соответствии с Вашей просьбой нами сформированы и направляются в тыл противника в указанные Вами районы оперативные группы под командованием майора госбезопасности Викторова, старшего лейтенанта Шихова, гвардии старшего лейтенанта Семченка общим количеством 115 человек. Одновременно даны указания об усилении диверсионно-разведывательной работы оперативным группам НКГБ Украинской ССР, действующим на территории Польши в указанных Вами районах»¹⁰.

1 Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1988. С.255.

2 Фронт без линии фронта. М., 1970. Прил., Л.6.

3 Архив КГБ Республики Беларусь. Д.236. Т.1. Л.15-18.

4 Там же. Д.87. Т.1. Л.303-320 и др.

5 Там же. Ф.3. Оп.3. Д.6. Л.213.

6 Там же. Д.236. Т.1. Л.190-191.

7 Там же. Д.233. Т.1. Л.1-24.

8 ЦА ФСБ РФ. Ф. 12ос. Оп.6. Д.3. Л.219-220.

9 Там же. Ф.4. Оп.2. Д.2092. Л.61-62.

10 Там же. Ф. 12 ос. Оп.6. Д.10. Л.142.

С.Г. БАНДУРИН
(Академия ФПС РФ)

ОПЕРАТИВНО-ВОЙСКОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК В ХОДЕ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ В 1945 г.

Разведывательное и контрразведывательное обеспечение общевойсковых и десантных операций в ходе подготовки и ведения советско-японской войны осуществлялось органами безопасности армии, флота, пограничных войск, оперативными и оперативно-техническими подразделениями. Координацию их деятельности (за исключением КРО «Смерш») осуществлял уполномоченный по Дальнему Востоку генерал-полковник С.А. Гоглидзе, который с небольшим аппаратом сотрудников находился в Хабаровске¹. Группировка пограничных войск включала в себя пограничные отряды, части и подразделения морских и речных кораблей, авиации, боевого и тылового обеспечения и выполняла задачи в качестве специальных оперативных сил, вела боевые действия самостоятельно и в боевых порядках соединений и частей армии. Эти задачи погранвойска выполняли в три этапа: в период подготовки военных действий, в ходе наступательных операций, после их завершения.

В период подготовки наступления основными задачами пограничных войск являлись: борьба с агентурой и войсковыми группами японской разведки, недопущение их проникновения в оперативный и стратегический тыл и обеспечение тем самым скрытности перегруппировки, сосредоточения и развертывания советских войск, а также внезапности их перехода в наступление; ведение войсковой и агентурной разведки в интересах военного командования и органов госбезопасности; обеспечение пропуска через государственную границу оперативного состава разведывательных органов армии, флота и органов безопасности; обеспечение работы рекогносцировочных групп войсковых соединений и частей, оборона отдельных участков самостоятельно или во взаимодействии с армейскими частями. В качестве первоочередных задач пограничных войск в ходе наступательных операций следует считать: ликвидацию погранполицейских постов и мелких гарнизонов противника; пропуск соединений и частей Красной Армии через государственную границу; захват и уничтожение разведывательных и контрразведывательных пунктов противника; выделение проводников для передовых армейских частей, охрана тыла действующей армии, обеспечение флангов ударных группировок войск и прикрытие промежутков; охрана государственной границы. После завершения активных военных действий задачи пограничных войск сводились к следующему: охрана границы; несение комендантской службы на сопредельной территории; создание оперативных позиций в ближайшем закордоне; содействие органам безопасности в их деятельности на сопредельной территории.

С начала 1943 года при некоторых маневренных группах пограничных отрядов существовали нештатные парашютные взводы, предназначенные для оперативного использования в борьбе с бандитами и нарушителями границы. Накануне войны с Японией на базе некоторых из них были сформированы роты особого назначения, по существу являвшиеся прообразом современных аэромобильных подразделений погранвойск. Так, в соответствии с приказом НКВД СССР от 18 мая 1945 года во всех пограничных округах советско-маньчжурской границы за счет общей численности начали формироваться отдельные роты особого назначения, которые должны были располагаться недалеко от мест дислокации отдельных авиационных

полков и эскадрилий; личный состав этих рот должен был иметь парашютную подготовку². Отдельные роты особого назначения были единственными подразделениями погранвойск, которые были сформированы до начала боевых действий с Японией и расформированы после окончания войны в ноябре - декабре 1945 года, а весь личный состав отправлен к прежним местам службы³.

Например, 22 мая 1945 года начальнику погранвойск Забайкальского округа из ГУПВ НКВД СССР по ВЧ-связи поступило разъяснение, что 180-я отдельная рота особого назначения после ее формирования будет находиться в оперативном подчинении у начальника УНКВД по Читинской области комиссара госбезопасности Портнова, во всех остальных отношениях будет подчиняться начальнику войск, который и несет за роту полную ответственность; предписывалось отбор сержантов и солдат производить персонально по ранее утвержденным спискам. Отбор ПО человек был осуществлен еще в 1943 году из числа военнослужащих, призванных из запаса и состоявших на учете УНКВД по Читинской области. Возраст отобранных был от 18 до 50 лет, национальный состав - русские, украинцы, татары, удмурты, буряты. 83 человека являлись беспартийными. Остальные бойцы подбирались из числа пограничников. По состоянию на 25 июля рота была укомплектована личным составом на 70 процентов. 10 августа, на второй день войны, рота воинским эшелоном убыла из Читы на станцию Даурия. С 17 августа по декабрь 1945 года личный состав группами по 10-55 человек убывал в оперативные командировки в Маньчжурию. Так, группа пограничников под командованием помощника начальника штаба роты младшего лейтенанта Г.И. Пендюха находилась в распоряжении заместителя начальника УНКГБ по Читинской области под полковника Григорьева⁴. Примеров успешных оперативно-войсковых действий пограничников, действовавших самостоятельно или совместно с сотрудниками органов госбезопасности, немало. 11 августа оперативно-разведывательная группа 75-го Буреинского погранотряда того же округа в составе восьми пограничников, агентов разведгруппы «Дин» и «Шуи» во главе с капитаном Сенаторовым произвела изъятие подучетных лиц в поселке Шакшаун, которые отсутствовали в момент ликвидации малого погранполицейского отряда: японского агента китайца Чжу Ши Дэ, трех фигурантов агентурного дела «Курсанты» русских Судакова, Козуренко и Бондаренко, а также четырех полицейских-китайцев. Установка и задержание были проведены при помощи закордонного агента «Лин»⁵. На территории Маньчжурии в зоне ответственности войск Приморского пограничного округа для ведения агентурно-оперативной работы было создано 23 оперативных группы. Они находились при штабах охраны войскового тыла и комендатурах населенных пунктов, создавали агентурную сеть и проводили идеологическую обработку населения или, используя современную терминологию, проводили психологические операции. Оперативные мероприятия согласовывались с УНКГБ, УНКВД, КРО «Смерш»⁶. При ликвидации банды орочон численностью около 300 человек, действовавшей против 78-го Кумарского погранотряда Хабаровского округа, начальник отряда спланировал использование находившихся под стражей 15 полицейских в качестве проводников и 10 человек для проникновения к орочоновцам и разложения банды изнутри. Благодаря умело разработанной и мастерски проведенной оперативной комбинации бандформирование было разложено, часть наиболее фанатично настроенных бандитов ликвидирована, причем без потерь с нашей стороны⁷. В зоне ответственности 59-го Посъетского погранотряда Приморского округа от агента «Активный» поступила информация, что в район Вамбабодзы прибыла группа японских диверсантов. 30 августа пограничники задержали одного из этой группы - корейца Ю Ира и склонили его к сотрудничеству. 3 сентября Ю Ир привел всю группу из 9 человек в комендатуру Тумындызы⁸.

Было бы ошибочно считать, что совместные действия пограничных войск и органов государственной безопасности ограничивались рамками наступательных и десантных операций. И до, и после войны с Японией пограничники тесно увязывали свои действия с чекистами. Например, в январе 1944 года для повышения плотности войсковой охраны тыловых участков пограничных отрядов Хабаровского пограничного округа КРО «Смерш» Дальневосточного фронта выделил несколько своих войсковых подразделений с общим количеством личного состава 635 человек. Эти подразделения поступали в оперативное подчинение к начальникам пограничных отрядов, а служба организовывалась в соответствии с тактикой подразделений погранвойск. Подобная практика существовала на участках Хабаровского и Приморского пограничных округов до начала военных действий с Японией⁹. В ноябре - декабре 1945 года на территории Маньчжурии ОКР «Смерш» 36-й армии произвел аресты 472 человек из числа русских эмигрантов - агентов, полицейских и служащих отряда «Асано». При подготовке операции была учтена оперативная информация, имевшаяся в 5-м (разведывательном) отделении 53-го Даурского погранотряда Забайкальского округа¹⁰.

Выполняя задачи в интересах обеспечения государственной безопасности, пограничники, безусловно, приоритет отдавали агентурно-оперативным методам. Опыт войны убедительно показал, что без надежного разведывательного и контрразведывательного обеспечения войсковых действий они были обречены на провал. Так, при ликвидации японских погранполицейских постов на участке 57-го Иманского отряда Приморского погранокруга из-за неполных данных о численности противника и характере инженерных сооружений пограничники вынуждены были отойти с потерями, не выполнив задачу; объекты после их подавления артиллерийско-минометным огнем ликвидировали подразделения Красной Армии. Поэтому работа штабов и разведорганов пограничных войск в ходе войны нацеливалась на детальный сбор, изучение и анализ данных о противнике. Показательно в этом отношении указание начальника разведывательного отдела Хабаровского пограничного округа начальникам отрядов от 21 августа 1945 года, в котором особо подчеркивалось, что следует «прекратить проводить операции по ликвидации бандгрупп и бандформирований без использования сил агентуры и методов агентурно-оперативных мероприятий» и предписывалось войсковую силу применять только в крайнем случае после тактического окружения банд, проведенного на основе точных данных, добытых оперативным путем. Руководство такими операциями должны были осуществлять лично начальники пограничных отрядов или опытные офицеры-разведчики¹¹.

По своей значимости и масштабам фильтрационная работа явилась вторым, после агентурно-оперативной работы, направлением деятельности разведывательных органов пограничных войск. Архивные документы свидетельствуют о том, что фильтрация местного населения в массовом порядке не проводилась, хотя «некоторых пограничных отрядах ей уделялось значительное внимание. Но все же в большинстве случаев этот метод себя не оправдал. Фильтрации подвергались лишь лица, в отношении которых имелись компрометирующие материалы, поэтому предпочтение отдавалось агентурно-оперативным комбинациям. Соотношение агентурно-оперативной и фильтрационной работы видно из следующих примеров.

В 57-м Иманском пограничном отряде Приморского погранокруга из профильтрованных 174 жителей г. Хутоу было выявлено и арестовано по обвинению в принадлежности к спецорганам Японии 44 человека, а в результате проведения

оперативно-чекистской комбинации в г. Хулинь было изъято 34 японских агента и выведено из нелегального положения 50 полицейских. Всего за время военных действий пограничниками отряда был арестован 151 человек, из которых 137 были переданы в ОКР «Смерш» и в оперативную группу УНКГБ Приморского края, остальные помещены в лагерь военнопленных. В 69-м Камень-Рыболовском пограничном отряде из 278 профильтрованных 116 человек было передано органам военной контрразведки. По агентурным данным были проведены четыре войсковые операции. Было завербовано 203 агента, из них для временного использования - 52 и для дальнейшей работы - 151 человек. Наиболее активно оперативно-войсковые действия проводились пограничниками Приморского округа. Они ликвидировали 33 японских объекта на сопредельной территории и 51 банду; уничтожили 1227, взяли в плен - 840 и склонили к капитуляции и разоружению 6006 человек; интернировали 776 японских граждан; задержали в процессе фильтрации по тем или иным компрометирующим материалам 989 человек; уничтожили все наблюдательные пункты и вышки в пограничной полосе Маньчжурии¹².

Таким образом, оперативно-войсковые действия пограничных войск в большинстве случаев носили успешный характер. Этот опыт может быть использован как при подготовке и проведении наступательных, контрнаступательных и десантных операций, так и в локальных и региональных конфликтах и войнах различной степени интенсивности.

1 ЦА МО РФ. Ф.234. Оп.3213. Д.166. Л.18-23.

2 ЦА ФПС РФ. Ф.220. Оп.1. Д.203. Л.4.

3 Там же. Ф.87. Оп.1. Д.872. Л.177-178.

4 Там же. Л. 2-6,109,113, 119, 121,257.

5 Там же: Ф.220. Оп.1. Д.1125. Л.238.

6 Там же. Ф.231. Оп.1. Д.1017. Л.212.

7 Там же. Ф.220. Оп.1. Д.1128. Л.75.

8 Там же. Ф.231. Оп.1. Д.1010. Л.143.

9 Там же. Ф.220. Оп.1. Д.34. Л.171.

10 Там же. Ф.87. Оп.1. Д.510. Л.86-87.

11 Там же. Ф.220. Оп.1. Д.1128. Л.74; Ф.231. Оп.1. Д.1010. Л.25-53.

12 Там же. Л. 52,101-102, 203.

Ю.Ф. ОВЧЕНКО

(кандидат исторических наук. Институт социальной, экономической и информационной безопасности, Москва)

ОПЕРАЦИЯ «МОТРЯ»: БОРЬБА С ВООРУЖЕННЫМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

В Западных областях Украины действовала мощная Организация украинских националистов (ОУН). Для решения оперативно-тактических задач ОУН создала Украинскую повстанческую армию (УПА). Радикальное крыло ОУН - бандеровцы - нашло поддержку у германских властей. Главным орудием террора в бандеровской УПА была «служба безопасности» (СБ), наводившая ужас на самих националистов. Очевидцы рассказывали, что по своим зверствам бандеровцы были страшнее немцев. Действуя «закрутками», ножами и топорами, оуновцы вырезали целые села, расправляясь с поляками, евреями, русскими, коммунистами и их семьями.

Не удивительно, что среди отдельных руководителей ОУН и рядовых членов зрело недовольство такой политикой центра. В конечном счете, это привело к тому, что в июле 1944 года прошла конференция ОУН, где произошел раскол. Созданная «народно-освободительная революционная организация»¹ отмежеввалась от сотрудничества с гитлеровцами, но продолжила курс на сплочение антисоветских сил.

УПА имела стройную военную организацию и состояла из четырех групп, по сути военных округов: Северного, Южного, Восточного, Западного. Северная группировка контролировала северные районы Ровенской и Волынской областей. Южная - северные районы Тернопольской и южные районы Ровенской областей. Восточная группировка распространила свое влияние на восточные районы Ровенской и западные районы Житомирской областей. На Западную группу возлагался контроль за южной и частью западных районов Волынской области. Группы делились на «курени» по 300-400 человек, что примерно соответствовало численности армейского батальона. Курени делились на «сотни» по 130 человек в каждом и приравнялись к ротам. Те, в свою очередь, на «четы» - взводы, по 35-40 человек, состоящие из отделений.

Часть УПА действовала как войсковое соединение с приемами и тактикой партизанской войны, имела в лесах хорошо оборудованные тайники - «схроны». Другая часть находилась на нелегальном и полуполюгальном положении. Бандеровцы жили в своих селах, хозяйствовались, а ночью расправлялись с теми, кто поддерживал советскую власть.

Положение на Западной Украине очень беспокоило И.В. Сталина. Практически ежедневно нарком внутренних дел Л.П. Берия докладывал о проведенных чекистско-войсковых операциях, убитых, раненых и взятых в плен оуновцах, изъятом оружии и отличившихся военнослужащих. Общее руководство по борьбе с националистами осуществлял НКВД УССР, во главе которого стоял комиссар госбезопасности 3-го ранга В.С. Рясной. Проведение чекистско-войсковых операций возлагалось на Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (А.М. Леонтьев) и соответствующее управление на Украине. Областные управления НКВД имели отделы по борьбе с бандитизмом.

С февраля 1944 по февраль 1945 года в западных областях Украины было проведено 9508 чекистско-войсковых операций, во время которых было убито 73333 и захвачено 93965 оуновцев². Кроме этого, добровольно сдались лица, уклонившиеся от службы в Красной Армии, составившие четвертую часть от всех обезвреженных националистов. Такое положение сложилось благодаря тому, что советская власть проявила лояльность к пришедшим с повинной и дала им возможность «смыть вину собственной кровью». Многие были направлены на фронт, часть использовалась как секретная агентура и группы содействия. (Пройдет время, и многие бандеровцы, добровольно сложившие оружие, сядут на скамью подсудимых. Но это будет потом.) Перед органами НКВД стояли задачи не только физически уничтожить оуновские формирования, но и идейно разложить само движение, выявить немецкую агентуру, обезвредить главарей, установить националистическое подполье. Одна из таких операций была проведена УНКВД по Черновицкой области в январе-марте 1945 года по вскрытию оуновской организации в Северной Буковине³.

Из агентурных источников поступили сведения, что в селе Васловцы объявилась группа оуновцев, в составе которой находятся руководители ОУН на Буковине «Мотря» и «Федор». Была поставлена задача захватить их живыми. Нападение было стремительным и неожиданным. Бандеровцы выскакивали из хат прямо под пули солдат. Особо жестокий бой завязался на окраине села, где в хате находились «Мотря» и «Федор». У бандеровцев закончились боеприпасы. Понимая, что сопротивляться бесполезно, они бросали оружие и сдавались. Плотным кольцом подошли солдаты к хате. Внутри раздался выстрел. Чекисты ворвались в комнату. На руках нескольких боевиков лежала «Мотря», голова была в крови, руки беспомощно повисли. Рядом валялся пистолет. «Федор» сопротивления не оказал. Раненую «Мотрю» доставили в черновицкую больницу и выставили охрану из оперработников УНКВД.

Сотрудники управления сразу приступили к допросам арестованных. Особое внимание они сосредоточили на «Федоре». Следовательно он сообщил, что его настоящая фамилия Гайдук, зовут Мирослав Иванович, с 1941 года он являлся членом ОУН бандеровского направления. В свои 25 лет «Федор» имел достаточно большой опыт конспиративной работы, о чем свидетельствовали его псевдонимы, «Бичук», «Довбуш», «Шапка», «Гаврил». В маленьком буковинском городке Вижница, где его отец работал учителем, он окончил гимназию и архитектурное училище и получил образование инженера-строителя и архитектора. Перед войной «Федор» устроился в Управление военного строительства погранвойск, что позволило ему ознакомиться с системой охраны границы. Это были полезные знания, позволившие не раз обходить засады и секреты. Понимая, что его положение почти безнадежно, он стал давать показания об организации, деятельности ОУН на Буковине, но при этом, стремясь сохранить организацию, максимально сузил рамки информации, указывая те факты, которые и без него были известны и называя псевдонимы сотоварищей. Псевдонимы постоянно менялись членами организации и особенно ее руководителями, поэтому «Федор» был вполне уверен, что организация не будет раскрыта.

На оперативном совещании у начальника УНКВД было отмечено, что «Федор» не располагает необходимыми данными по оуновскому подполью и добровольно вряд ли даст откровенные показания. Возникла необходимость допросить «Мотрю». Как только ее самочувствие улучшилось, в больницу отправился следователь, но «Мотря» отказалась дать какие бы то ни было показания. Уже в больнице она

пыталась вновь покончить с собой, вскрыв рану, но дежурные вызвали врачей и те оказали «Мотре» помощь. За раненой было установлено неотступное наблюдение. «Федор» и другие задержанные бандеровцы характеризовали «Мотрю» как человека глубоко преданного своей идее, утверждали, что она никогда не даст нужных показаний.

Было установлено, что «Мотря» - Галицкая Артемизия Григорьевна, уроженка города Садгора Черновицкой области, получила высшее образование и стала учительницей, в ОУН вступила в 1937 году и была фанатически убежденной националисткой.

Учитывая это обстоятельство и важность сведений, которыми располагала «Мотря», на совещании было принято решение о проведении «оперативной комбинации по вскрытию оуновского подполья в Северной-Буковине через руководителя Буковинского провода ОУН «Мотря». По плану разработки предстояло провести «выкрадывание», раненой из больницы якобы работниками центрального провода ОУН, роли которых должны были сыграть заместитель начальника-управления подполковник Беленко, руководитель по кличке «Тарас», начальник оперативного отделения старший лейтенант Гончаренко, референт СБ по кличке «Иван» и оперуполномоченный старший лейтенант Гусак, оуновский подпольщик по кличке «Стецько». «Похищение» намечалась в ночь на 7 января 1945 года. Дежурной санитаркой была: местная украинка, пользовавшаяся доверием «Мотри».

«Похищение» осуществляла другая группа «оуновцев». Предупрежденная через санитарку «Мотря» уже их ждала. Ее вынесли из больницы и положили на телегу. Соблюдая предосторожности, «оуновцы» доставили «Мотрю» на конспиративную квартиру. Радужная хозяйка квартиры «Клава» принялась хлопотать по устройству своей гостьи. Распроставшись, «похитители» ушли, сообщив «Мотре», что утром к ней придет доктор. Около 11 часов появился профессор-хирург Булевский. Он осмотрел рану и сделал перевязку. «Клава» пригласила его на чай, доктор остался. Он оказался интересным собеседником, поделился своими впечатлениями о развитии националистического движения. Булевский тоже был введен в разработку под видом «мельниковца-бульбаша». Ранее он служил врачом в партизанском соединении Д.Н. Медведева.

Спустя некоторое время ночью раздался условный стук в дверь. «Клава» разбудила «Мотрю», в комнату вошли «Тарас», «Иван» и «Стецько» («Слава героям!» - приветствовал «Мотрю» «Тарас». «Вовикы слава», - ответила она, с одобрением глядя на гостей. «Тарас» рассказал ей, что он и его товарищи по заданию центрального провода ОУН прибыли на Буковину, где узнали об аресте ее и «Федора» и подготовили похищение. «Тарас» предложил перевести «Мотрю» на новую квартиру, объяснив это тем, что хотя слежки нет, но появление различных лиц на квартире может привлечь внимание чекистов. Обменявшись самыми общими словами, оуновское «руководство» оставило «Мотрю». Та стала расспрашивать «Клаву» о ночных визитерах. «Клава» ничего определенного сказать не могла, но старалась рассеять опасения «Мотри».

Через несколько дней после этого визита к квартире подошла грузовая машина. К «Мотре» явились «оуновцы» и предложили ей спрятаться в шкафу, после чего его вынесли и установили на грузовике. «Мотря» переехала на новую квартиру, где попала в заботливые руки новой хозяйки «Даши». Вскоре сюда прибыл «Тарас» и объявил, что центральный провод ОУН обязал его провести следствие по поводу

провала целого ряда организаций, произошедших после задержания «Мотри» и «Федора», что следствие ведется в ее интересах, так как имеются сведения о предательстве в их среде.

Референт Службы безпеки «Иван» приступил к следствию. Обращался он с «Мотрей» очень жестко и требовательно, подробно выяснял состав и деятельность оуновского подполья на Буковине. Допросы были длительными и изматывающими. «Стецько», в отличие от «Ивана», проявлял к «Мотре» внимание, заботу, оказывал мелкие услуги. Это расположило «Мотрю» к нему, и они часто беседовали о том, чего она не сообщала «Ивану». Однажды, после очередного допроса, она сказала «Стецько»: «Этот жестокий эсбист способен меня задушить без разрешения центрального провода ОУН».

Чекистам удалось выяснить, что мать «Мотри» и сестра проживают в румынском селе Аргори, брат Николай живет в Канаде, другой брат Илларион - в США, а брат Семен до 1939 года работал по линии Коминтерна в Румынии и западных областях Украины. Это были ценные сведения для дальнейшего внедрения в оуновское подполье за границей. «Мотря» рассказала, что была активным членом ОУН и руководила организацией в Южной Буковине. В 1942 году она в составе группы националистов сделала налет на румынскую тюрьму в Яссах и выкрала руководителя ОУН Северной Буковины «Кобзаря». Опасаясь, что ее могут схватить, «Мотря» перешла в Галицию, где работала в ОУН по делам Буковины. У нее были широкие связи в руководстве ОУН. «Мотря» имела личное знакомство с командующим УПА «Шелестом», с братьями Степана Бандеры, с братом Коновальца, референтом центрального провода ОУН по закордонным делам «Яремой» и другими руководителями ОУН.

Оперативный материал поступал и из частных бесед «Мотри» с «Дашей», доктором и «Стецько». Стало известно, что во время оккупации румынами Черновицкой области между проводом ОУН и румынским правительством велись переговоры по вопросам взаимодействия в борьбе против СССР. На основании ряда соглашений румынские власти согласились освободить ряд видных оуновских работников, которые осели в Бухаресте. Здесь они создали хорошо законспирированное подполье и развернули антисоветскую националистическую работу. «Федор» имел личную встречу с «Яремой», который рассказал, что между проводом ОУН и правительством Румынии возобновились переговоры, но договор не подписали, так как румыны требовали признания права на Бессарабию и Северную Буковину.

В результате допросов следователем «Иваном» «Мотря» дала показания на 242 члена ОУН, не считая личного состава куреня УПА. От нее также были получены сведения на оуновцев из других областей, в общей сложности более чем на 600 человек. По мере выявления оуновцев проводились чекистско-войсковые операции, во время которых были арестованы надрайонные, районные, подрайонные проводники, станичные, господарские, пропагандисты и рядовые члены. Всего было арестовано 99 человек и убито 128. Небольшое количество оуновцев бежало за границу и осело в Румынии, Чехословакии и Венгрии. Возникла новая задача по проникновению в националистическое подполье за границей и его разложению. Строились новые планы, внедрялась и вербовалась агентура.

2 Там же. Д.94. Л.132.

3 Там же. Л.133-140.

А.М. ДЕМИДОВ

(кандидат юридических наук, доцент, Академия ФСБ России)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

По воссоединении НКГБ и НКВД в июле 1941 года в единый Наркомат внутренних дел деятельность органов государственной безопасности была во многом подчинена важнейшей задаче - контролю за выполнением заданий ГКО и СНК СССР в области экономики и обеспечению бесперебойных поставок фронту военной продукции и продовольствия. В августе 1941 года положение стало настолько сложным, что оперативный состав вновь созданных экономических отделов (ЭКО) НКВД-УНКВД немедленно включился в работу по преодолению военно-экономического кризиса. О напряжении, с которым приходилось работать оперативному составу в первые военные месяцы говорит следующий факт в ЭКО УНКВД по Горьковской области из Наркомата внутренних дел в среднем каждые третьи сутки поступала очередная телеграмма с требованиями о принятии самых решительных мер по конкретным вопросам промышленного производства и транспортировки грузов¹. Аналогичные просьбы из территориальных органов госбезопасности поступали в еще большем количестве.

Задача осложнялась тем, что многие заводы должны были в кратчайшие сроки восстановить прерванные войной производственные связи или наладить новые, полностью перейти на выполнение военных заказов, среди которых было множество неосвоенных, но особо срочных и важных. В этих условиях роль органов госбезопасности заключалась в контроле за освоением производства военной продукции и за транспортировкой остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов. Практиковалось прикрепление оперативных работников к заводам и промышленным объектам, закрепление ответственных за производством отдельных видов продукции, а также создание специальных оперативных групп, чтобы в срок и полностью обеспечить выполнение заданий ГКО и руководства НКВД. Вводилась личная ответственность оперативных работников за нормальную работу закрепленных за ними объектов, за успешное выполнение оборонных заказов.

Исполнение контрольных и хозяйственно-организаторских функций оставляло значительно меньше времени на контрразведывательную работу, а потому они воспринимались поначалу неоднозначно. Многие сотрудники полагали, что оперативная деятельность перерождалась в диспетчерскую, а оперработник превращался в «толкача». Например, в последние дни 1941 года завод «Красное Сормово» сорвал график производства танков, так как кончились радиаторы. Одним из виновников такого положения был назван Сормовский отдел Горьковского УНКВД. По мнению вышестоящих инстанций, отдел был обязан дать информацию не за пять дней до полного использования запаса радиаторов, как это имело место, а гораздо раньше, чтобы через партийные и правительственные органы своевременно принять соответствующие меры. Аналогичные ситуации отмечались и в других областях.

По итогам 1941 года в пример другим поставили сотрудников Автозаводского отдела того же управления: когда автомобильный завод сорвал выпуск минометов, Л.П. Берия приказал закрепить там «сколько угодно чекистов», но таких, которые могли бы любым способом «вытащить» производственную программу, и сотрудники отдела задачу выполнили. В другом случае они предотвратили срыв производства

легких танков Т-60: навстречу транспортным грузовикам с остродефицитными деталями направили легковые автомашины и на них часть деталей доставили прямо в сборочные цехи.

Недостаточно энергичная работа органов госбезопасности в сфере экономики становилась предметом строгой взыскательности. Это наглядно отразилось в решении проблемы минометного вооружения. Согласно заданию ГКО, выпуск минометов к концу 1941 года должен был резко возрасти. Ключевую роль в исполнении задания играл Первоуральский новотрубный завод в Свердловской области. 17 ноября 1941 года Берия потребовал срочной отправки минометных труб с завода и жесткого контроля за продвижением каждого эшелона или вагона до места назначения; задержки в пути сопровождающий должен был преодолевать решительными мерами. Командированные в Первоуральск руководящие работники УНКВД вскрыли отсутствие «деловой увязки» между заводом и железной дорогой, безответственность и неорганизованность. Начальник управления Борщев в своем приказе подытожил: «Положение с погрузкой и отправкой вагонов со спецпродукцией и состояние оперативно-чекистских мероприятий при наличии решения ГКО и приказа наркома внутренних дел т. Берия граничит с явным преступлением, терпимо быть в дальнейшем не может и лица, допустившие это, будут привлекаться к ответственности по всем строгостям законов военного времени». На первый раз начальник Первоуральского горотдела НКВД Ощепков, начальник ОТО НКВД на железнодорожной станции Свердловск Кондратенко и старший оперуполномоченный этого отдела Колпаков были предупреждены².

Пока наступление вермахта шло успешно, разведывательные устремления германских спецслужб к военно-экономическому потенциалу СССР могли быть реализованы тщательным опросом пленных красноармейцев, призванных в армию непосредственно с объектов заинтересованности противника³. С марта 1942 года начались заброски в глубокий тыл СССР агентов, специально подготовленных в разведывательных и диверсионных школах и на курсах абвера. Объектами устремлений противника являлись промышленные центры: Горький, Казань, Молотов, Нижний Тагил, Новосибирск, Саратов, Свердловск, Сталинград, Уральск, Челябинск и другие города. Появилось принципиально новое явление: в отличие от первых месяцев войны более тщательный отбор и подготовка агентов для заброски в советский тыл, стремление повысить их надежность. В связи с этим органам госбезопасности надлежало в максимальной степени повысить качество контрразведывательной работы и это, безусловно, привело к активизации оперативных подразделений.

С другой стороны, на характере работы органов государственной безопасности в сфере военной экономики сказались политические соображения. Сталина не могло не насторожить появление среди населения негативных настроений, связанных с затянувшимися военными неудачами. В двадцатых числах января 1942 года из Наркомата внутренних дел в территориальные органы ушла телефонограмма, составленная в духе времен массовых репрессий, с требованием данных о количестве арестованных за контрреволюционные преступления в течение последнего месяца. Когда начальник УНКВД по Свердловской области Борщев сообщил, что его подчиненные арестовали 52 человека, среди которых не оказалось ни одного вредителя, ни одного члена контрреволюционной организации и только три германских шпиона, то в Свердловск был немедленно направлен заместитель наркома внутренних дел Б.З. Кобулов. Он жестко и решительно потребовал перестроиться в соответствии с условиями военного времени. Будучи в

Арамилском РО УНКВД, Кобулов пригрозил привлечь младшего лейтенанта госбезопасности Жемчужникова к строгой ответственности, если тот не активизирует работу. Результаты пребывания Кобулова не замедлили сказаться: с 14 по 25 февраля 1942 года по его указаниям арестовали 62 человека, тогда как в предыдущие десять дней было арестовано «всего лишь» 26 человек. По аналогичной схеме Кобулов «активизировал» работу управлений НКВД не только уральского, но и других промышленных регионов. В территориальных органах НКВД начался очередной этап оперативной и следственной работы, обусловленный тяжелым положением на фронтах и стимулированный, в основном, командным нажимом, исходящим из ГКО, прежде всего, лично от Сталина и Берии. Произошло усиление репрессий в собственном тылу, которое проходило одновременно с наращиванием жестких административных мер со стороны ЦК ВКП (б) и местных партийных комитетов, органов государственной власти и промышленных наркоматов.

Следуя указаниям, руководящие работники НКВД зачастую оказывали давление на сотрудников местных управлений и требовали действий, которые вступали в противоречие с законом. Например, заместитель начальника Экономического управления НКВД Родионов руководил расследованием крупной аварии в системе Уралэнерго, обесточившей 5 сентября 1942 года на несколько часов десятки оборонных заводов Свердловской, Молотовской и Челябинской областей. При заведении уголовного дела по факту аварии он настоял, чтобы расследование велось по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия). Следователю Титову, единственному в отделении Свердловского УНКВД юристу с высшим образованием, намеревавшемуся возбудить дело по статье 111 УК РСФСР: (халатность), Родионов выразил политическое недоверие, обернувшееся вскоре исключением Титова из ВКП(б) и увольнением из органов НКВД⁴.

Как в этом, так и в аналогичных случаях сказывалось влияние обозначившейся в правовой практике военного времени тенденции переквалификации административных и дисциплинарных проступков в уголовные преступления и отдельных общеуголовных преступлений - в государственные преступления. Кроме того, ужесточались санкции при обвинении в неосторожности в случае наступления тяжелых последствий. В постановлении от 12 февраля 1942 года пленум Верховного Суда СССР указал, что причиненный государству ущерб является существенным обстоятельством при оценке общественной опасности преступления и должен соответствующим образом влиять на определение судом меры наказания. Более того, под влиянием судебной практики и толкования законодательства тяжесть наступивших (и даже возможных) последствий преступления из отягчающих вину обстоятельств превращалась в существенный признак, образующий состав более тяжкого - контрреволюционного преступления. Названные тенденции прослеживаются до конца 1942 года. При разработке плана наступления под Сталинградом расчеты предполагавшихся боевых потерь показывали необходимость дальнейшего наращивания выпуска военной продукции. Наряду с другими наркоматами и ведомствами участие в этом принял Наркомат внутренних дел. 28 октября 1942 года Берия направил на места директиву № 515 с требованием активизировать работу по выявлению и разработке «враждебного элемента». Не ограничиваясь этим, на следующий день для оказания практической помощи местным органам НКВД он командировал в Иркутскую, Кировскую, Молотовскую, Новосибирскую, Омскую, Свердловскую, Челябинскую области, Алтайский и Красноярский край, Казахстан, Киргизию и Коми АССР своих заместителей - Круглова и Меркулова, начальника Транспортного управления Мильштейна,

заместителя начальника Экономического управления Родионова, заместителя начальника Контрразведывательного управления Райхмана, заместителя начальника Следственной части по особо важным делам Родоса и других руководящих работников НКВД. К этому времени сосредоточение сил и средств для контрнаступления под Сталинградом проходило успешно. Не исключено, что именно с этим связано изменение требований к работе территориальных органов государственной безопасности. Уже не шла речь о немедленных арестах как в феврале-марте 1942 года. Более того, начальник 3-го отдела КРУ майор госбезопасности Новобратский потребовал «решительно изжить» нарушения УПК.

Однако наметившаяся тенденция к умеренности в применении статей УК РСФСР о контрреволюционных преступлениях была прервана в ряде УНКВД в начале 1943 года. Снижение добычи угля привело к падению производства электроэнергии, чугуна, стали и проката. Вновь были использованы органы госбезопасности. Позднее по этому поводу начальник УНКВД по Челябинской области Дроздецкий на одном из партийных собраний заявил, что враждебные элементы проникли в угольную промышленность, поставили под угрозу нормальную работу ее объектов, и областное руководство обратилось к представителям ГКО с просьбой использовать сотрудников госбезопасности для наведения порядка в «угольном хозяйстве». Вскоре челябинский бассейн стал давать не только плановый, но и сверхплановый уголь. Работу коллектива УНКВД обком ВКП(б) признал исключительно эффективной. Так переплетались хозяйственно-организаторская функция государства и функция подавления так называемых «враждебных элементов».

Лишь к весне 1943 года окончательно сформировались условия и созрела необходимость смягчения карательной политики государства, чему способствовала и проведенная в апреле 1943 года реорганизация органов НКВД с восстановлением НКГБ.

В рассматриваемый период органам госбезопасности приходилось подключаться и к преодолению узковедомственных интересов и местничества. Нередко оперативные работники вскрывали факты приписок и очковтирательства, к которым с молчаливого согласия руководителей наркоматов и военпредов прибегала администрация заводов, «чтобы скрыть развал работы и позорные итоги». Вскрывалась также практика выполнения производственных программ в стоимостном выражении, т.е. умышленное удорожание продукции. Некоторые директора, располагая связями в наркоматах, добивались необоснованного занижения планов.

Органы государственной безопасности немало сделали для снижения негативных последствий подобных хозяйственных и должностных преступлений. Информация о них служила основанием для заведения уголовных дел, но чаще всего она в форме спецсообщений поступала в партийные комитеты. В качестве примера можно привести информацию УНКВД по Челябинской области от 3 октября 1942 года: «Сентябрьская программа по выпуску танков KB-1с и Т-34 Кировским заводом не выполнена... 2 октября директор завода Манохин С.Н. приказал начальнику ОТК завода Купчину Н.Г. оформить в счет сентябрьской программы 220 машин Т-34 и 180 машин KB-1с»⁵. Очковтирательство, приписки и преступные махинации пресекались органами государственной безопасности не только в 1941-1942 годах, но и в относительно благополучном для работы промышленности 1943 году. В спецсообщении УНКВД Куйбышевский обком ВКП(б) ставился в известность, что «на 5 января 1943 года завод (№ 24 НКАП. - А.Д.) не приступил еще к выполнению

январской программы, а занимался доукомплектовкой и выпуском моторов декабрьского плана 1942 года»⁶. Все же явление приобрело настолько широкий размах, что полностью искоренить его не удалось.

Состояние военной экономики во многом зависело от морально-патриотического потенциала тыла. Предупреждение его подрыва было одним из важных направлений деятельности органов государственной безопасности. Далеко не все власть имущие это осознавали. Более того, злоупотребления служебным положением доходили порой до цинизма, что особенно проявлялось при распределении продовольствия и промышленных товаров. Появились закрытые распределители для снабжения руководящих работников. Вскоре в обкомы партии из управлений НКВД пошла информация о негативных политических настроениях среди населения, вызванных социальной несправедливостью. Так, в октябре 1941 года начальник УНКВД по Челябинской области Булкин доложил секретарю обкома ВКП(б), что в одном из ларьков-распределителей для совпартактива всем прикрепленным хлеба ежедневно выдавали на 25 процентов больше установленной нормы. Дележ продуктов старались делать тайком, при закрытых дверях, но тайное стало явным и возникли «политически нездоровые» настроения⁷.

Несмотря на ужесточение законодательства должностные преступления носили массовый характер. Органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б). Семейственность, пьянство, моральное разложение, грубость, поборы, косвенное и прямое участие в преступных махинациях, хищениях и спекуляции - далеко не исчерпывающий перечень, убедительно свидетельствующий, что перерождение кадров имеет свою, пока еще малоизученную историю, и произошло задолго до Великой Отечественной войны, а в ее ходе лишь проявилось со всей очевидностью. Опираясь на множество фактов, можно проследить взаимосвязь: где переродившиеся номенклатурные кадры возглавляли партийно-государственные органы и общественные организации, там идеологическая работа оказывалась запущенной, связь с массами утрачивалась и производительность труда снижалась. Именно там фиксировались так называемые «антисоветские» действия рабочих и служащих, которые «должного отпора со стороны комсомольцев и некоторых коммунистов не получают, а наоборот, зачастую коммунисты и комсомольцы поддерживают отсталые настроения и разговоры...»⁸. Исходя из объективной оценки оперативной обстановки, многие оперработники и их начальники считали, что беспощадная борьба с конкретными должностными лицами, извращавшими суть политической работы и злоупотреблявших служебным положением, является одним из важнейших условий победы над врагом. На деле, однако, одержать верх над этими «носителями извращений» было не так-то просто. Круговая порука среди них оказывалась порой настолько мощной, что борьба с должностными преступлениями была практически парализованной, а усилия повлиять на обстановку сводились на нет и почти полностью исчерпывались информированием партийных инстанций, функционеры которых зачастую сами допускали такие же злоупотребления. Но другого механизма законной реализации возможностей органов госбезопасности не существовало.

1 Архив УФСБ по Нижегородской области. Ф.23. Оп.6. Д.48. Л.52-53.

2 Архив УФСБ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д.104. Л.190-191.

3 ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп.9. Д.169. Л.68-77.

4 Там же. Ф.4. Оп.1. Д.282. Л.151.

5 Архив УФСБ по Челябинской области. Ф.27. Оп.1. Д.5. Л.9.

6 Архив УФСБ по Самарской области. Ф. 10-и. Оп.1. Д.14. Л.24.

7 Там же. Д.40. Л.49; РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.2076. Л.49; А УФСБ ЧО. Ф.27. Оп.1. Д.6. Л.21.

8 Там же. Д.7. Л.92.

М.Ю. МОРУКОВ
(Институт российской истории РАН)

ОСОБЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ БЮРО ОГПУ-НКВД-МВД СССР

Среди различных видов многообразной и активной деятельности, проводимой органами государственной безопасности и охраны правопорядка в интересах обороны страны, особо хотелось бы отметить опыт использования интеллектуальных ресурсов осужденных в рамках особых технических бюро – проектно-конструкторских организаций, в которых использовался труд осужденных специалистов в целях создания и внедрения новых образцов вооружения, военной и специальной техники, военных технологий.

Особые технические бюро существовали в системе ОГПУ-НКВД-МВД СССР под различными названиями: ЦКБ, ОКТБ (1928-1934); ЦКБ, ОТБ, ОКБ (1938-1953). С июля 1941 по март 1953 года деятельность ОТБ протекала в составе 4-го Спецотдела НКВД-МВД СССР. Приказом МВД СССР № 0046 от 30 марта 1953 года деятельность ОТБ была прекращена, 4-й Спецотдел расформирован.

Первое в новейшей истории конструкторское бюро, в котором использовался принудительный труд, возникло в 1917 году в США. Силами содержащихся под арестом инженеров был в течение месяца спроектирован и испытан авиационный двигатель «Liberty», основной двигатель американской авиации в начале 1920-х годов¹. В Советском Союзе формированию конструкторских бюро предшествовали аресты специалистов оборонной промышленности. Исследуя данные процессы, следует, прежде всего, помнить о многочисленных «болезнях роста» в различных отраслях отечественной промышленности и, особенно в области военного производства. Низкий уровень подготовки технических кадров и низкая квалификация основной массы рабочих с неизбежностью порождали конструктивные и производственные дефекты продукции. В качестве примера укажем на аварии, сопровождавшие испытания первых советских подводных лодок типа «Декабрист» и вызванные, наряду со строительной перегрузкой, просчетами конструкторов. Можно упомянуть и тяжелую ситуацию в авиапромышленности, когда из 14 типов самолетов, разработанных к концу 1920-х годов, семь оказались неудачными и был сорван проект перевооружения ВВС. Реакцией на неудачи стали репрессии инженерно-технических кадров.

В первый период единого центра, координировавшего бы деятельность ОТБ, не существовало. Бюро создавались решением коллегии ОГПУ силами полномочных представителей ОГПУ в регионах, которым и подчинялись. В организации ОТБ также не было единообразия. Как правило, техническое руководство работой осуществлял консультант (главный инженер) при начальнике ОТБ. Обычно этот пост занимал наиболее опытный из заключенных специалистов. Разработанные проекты поступали на утверждение в технический совет, куда входили как осужденные, так и вольнонаемные специалисты, а также сотрудники ОГПУ. В остальном структура каждой организации разрабатывалась применительно к конкретным условиям ее деятельности.

В числе осужденных-специалистов были авиаконструкторы Д.П. Григорович, Н.Н. Поликарпов, возглавившие работу ЦКБ-39 при авиационном заводе № 39 имени В.Р. Менжинского в Москве. Конструкторы авиационных двигателей А.А. Бессонов, Н.Р. Бриллинг, Б.С. Стечкин и др. работали в ОТБ при Центральном институте

авиационного моторостроения имени Баранова и на авиамоторном заводе №24 (Москва). За время своего существования коллективом ЦКБ-39 был спроектирован и запущен в серийное производство самолет-истребитель И-5, созданы и испытаны четыре модели опытных боевых самолетов. Специалисты ОТБ ЦИАМ в 1932-1934 годах спроектировали серию мощных авиадвигателей ФЭД и первый в СССР авиационный дизель ФЭД-8².

В Ленинграде было организовано бюро из репрессированных судостроителей, в котором работали конструкторы подводных лодок Б.М. Малинин, А.С. Базилевский, А.Н. Асафов и др., выполнившие значительный объем работ по совершенствованию подлодок типов «Декабрист» и «Ленинец». Базилевский разработал и экспериментально проверил теорию погружения и всплытия подводных лодок большого водоизмещения. По проектам Асафова в 1930-1932 годах были спроектированы и построены эскадренные подлодки типа «Правда» и серия прибрежных лодок типа «М». Специалисты ОТБ оказали научную и техническую помощь КБ завода №5 по совершенствованию проекта «морского охотника» МО-2. Катера этого проекта и его последующих модификаций составляли основу катерных сил флота и Морпогранохраны ОГПУ-НКВД и принимали самое активное участие в боевых действиях Великой Отечественной войны³.

В 1930 г. году на Ленинградском Металлическом заводе было сформировано Особое конструкторское технологическое бюро, где под техническим руководством известного конструктора морской артиллерии А.Г. Дукельского разрабатывались крупнокалиберные железнодорожные транспортеры, и была выпущена серия 356-мм артиллерийских транспортеров ТМ-1-14, активно применявшихся в годы Великой Отечественной войны. КБ в пороховой промышленности, образованное в Москве летом 1931 года под техническим руководством А.С. Бакаева, разработало ряд новых рецептур баллистических (нитроглицериновых) порохов, что позволило повысить живучесть стволов артиллерийских орудий и принять на вооружение РККА новые мощные взрывчатые вещества.

В середине 1934 года все Особые конструкторские бюро ОГПУ СССР были расформированы, заключенные специалисты освобождены.

Вновь формирование ОТБ началось спустя четыре года. Причинами возвращения к практике использования труда осужденных специалистов стало стремление руководства СССР сохранить научно-технический потенциал, пострадавший в ходе массовых репрессий, а также низкое качество ряда образцов боевой техники и медленное освоение новых технологий, сопровождавшееся ухудшением качества работ. Для примера укажем на беспрецедентный в отечественной практике случай перепроектирования на стапеле целой серии эсминцев, на неудачи в деле модернизации фронтовой бомбардировочной авиации, на аварии и жертвы, сопровождавшие процесс освоения первых образцов ракетной техники. В свете боевых действий в Испании, общего нарастания военной угрозы, пересмотра военных доктрин и военно-технической политики подобные неудачи воспринимались руководством страны особенно болезненно. Первые проектные организации были созданы в пороховой промышленности в сентябре-октябре 1938 года. В следующем году были сформированы конструкторские бюро в области самолетостроения и двигателестроения, военного кораблестроения, артиллерийской техники и т.д.

В целях координации деятельности созданных проектно-конструкторских организаций и наиболее эффективного использования труда осужденных,

обладающих специальными техническими знаниями, приказом народного комиссара внутренних дел № 0021 от 10 января 1939 года при НКВД было образовано Особое техническое бюро. Первоначально в его состав входили восемь групп по специальностям: самолетостроения и авиационных винтов; авиационных моторов и дизелей; военно-морского судостроения; порохов; артиллерии, снарядов и взрывателей; броневых стальных; боевых отравляющих веществ и средств противохимической защиты; по внедрению авиадизеля АН-1. Предусматривалось формирование новых групп как за счет разделения существовавших, так и путем организации групп по иным специальностям. Общее руководство работой ОТБ осуществлял нарком внутренних дел, непосредственное - начальник бюро. Группами руководили помощники начальника бюро. В их обязанности входило создание необходимых условий для работы (организация помещений и рабочих мест, снабжение, заключение договоров на проведение исследований и консультаций) и формирование тематического плана. Общий тематический план работ ОТБ формировался на основе заявок ведомств-заказчиков и утверждался непосредственно Комитетом Обороны⁴. Собственной проектной инициативы ОТБ не имело, что, на наш взгляд, подчеркивает чрезвычайный, вспомогательный характер его деятельности.

Для обсуждения текущих вопросов и оперативного решения технических проблем в каждой группе действовало техническое совещание с привлечением осужденных специалистов. Приказом предусматривалось привлечение на работу в группах ОТБ вольнонаемных специалистов - молодых перспективных ученых и сотрудников, исполнявших те работы, которые по условиям режима не могли поручаться заключенным. Организационно группы строились по бригадному принципу, проекты разрабатывались отдельными коллективами, во главе которых стояли крупные специалисты из числа осужденных. Бригада осуществляла полный объем работ, от эскизного проектирования до внедрения разработки в серийное производство. Силами различных групп ОТБ был выполнен ряд разработок, имевших важное оборонное значение.

В 1939 году было сформировано ЦКБ-29 из осужденных авиаконструкторов, в котором работали А.Н. Туполев, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, Д.Л. Томашевич, Р.Л. Бартини, С.П. Королев. Конструкторскими бригадами были спроектированы, построены и запущены в серийное производство бомбардировщики Пе-2 и Ту-2, составлявшие основу бомбардировочной авиации, а также ряд опытных машин: дальний бомбардировщик ДВБ-102, истребитель «110», штурмовик «Пегас», самолет с ракетным двигателем Пе-2р и т.д. В ОТБ по разработке авиамоторов работали конструкторы А.А. Бессонов, Б.С. Стечкин, В.П. Глушко, А.М. Добротворский и др. Ими были созданы высокомоментные моторы М-300, М-400, спаренный авиамотор МБ-100, реактивный двигатель РД-1. Группа по внедрению в серию авиадизеля АН-1, возглавлявшаяся А.Д. Чаромским, создала самый легкий в мире авиационный дизель АЧ-30, ставившийся в годы войны на самолетах дальней авиации.

Группа военно-морского судостроения, образованная в 1939 году, на судостроительном заводе №196 в Ленинграде, создавала новые типы подводных лодок и боевых катеров. Осужденные конструкторы ОТБ-196 В.Л. Бжезинский, П.Г. Гойнкис, В.С. Дмитриевский, А.С. Кассациер и др. в 1939-1945 годах разработали и реализовали проекты подводных лодок с единым двигателем С-135, быстроходного торпедного катера СТК-ДД, большого торпедного (затем и ракетного) катера проекта 183, создали проект легкого крейсера МЛК. Ряд их технических разработок,

особенно в области двигательных установок для подводных лодок, может считаться революционным.

В группе порохов существовало несколько бригад, получивших названия по номерам пороховых заводов, на которых они работали: ОТБ-40, ОТБ-59, ОТБ-98. Работы велись под техническим руководством А.С. Бакаева, Н.И.Путимцева, Р.М. Фридлиндера и др. Были разработаны новые рецептуры и технологии производства нитроглицериновых порохов для снаряжения боеприпасов морской, зенитной и реактивной артиллерии марки «НД», созданы новые виды оборудования для производства пироксилиновых порохов. По проекту ОТБ силами ГУЛАГ НКВД в 1939-1941 годах было построено пять сульфитных заводов общей производительностью 30 тысяч тонн обогащенной пороховой целлюлозы.

Группа артиллерийских орудий, снарядов и взрывателей образовала ОТБ-172 в Ленинграде (с 1941 года действовало в Перми). Руководство конструкторскими бригадами осуществляли Е.П. Иконников, В.И. Кудряшов, М.Ю. Цирульников, Г.Г. Солодчиков, С.И. Лукашов, С.И. Лодкин. Специалисты группы реализовали проекты 203-мм корпусной гаубицы БЛ-24, облегченной 152-мм корпусной пушки БЛ-7, провели исследования по проблеме создания сверхмощных орудий калибром до 500-мм. На вооружение армии и флота были приняты сконструированные в бюро 45-мм противотанковая пушка М-42, полковая 76-мм пушка образца 1943 года, корабельная башенная 130-мм артиллерийская установка Б-2ЛМ, установленная на лидере «Ташкент», мониторах типа «Сиваш» и эскадренных миноносцах проекта 30. Был реализован проект малогабаритной артустановки МУ-2 для кораблей и береговой обороны. Сконструированная и принятая на вооружение башенная установка БУР-10 явилась наиболее совершенным образцом артиллерии укрепленных районов. Осужденными-конструкторами ОТБ-6, организованного при НИИ-6 Наркомата боеприпасов, были разработаны новые образцы 45-мм бронебойно-зажигательного снаряда, 76-мм термитного противотанкового снаряда, огнесмесей для снаряжения зажигательных боеприпасов.

Группой боевых отравляющих веществ и средств противохимической защиты под руководством Я.М. Фишмана были созданы и приняты на вооружение новые фильтры-поглотители УП-2 и УП-4 для снаряжения противогазов.

С 1941 года ОТБ было поручено обеспечение средствами радиосвязи и оперативной техники органов НКВД и НКГБ, для чего в его составе была организована радио-лаборатория. В годы Великой Отечественной войны лаборатория изготовила, испытала и передала на вооружение армии, НКВД и НКГБ 13 образцов средств радиосвязи. Под техническим руководством А.М. Васильева были разработаны и приняты на вооружение малогабаритная армейская радиостанция «Марс» и портативная радиостанция «Белка», ехавшая основным средством радиосвязи в органах НКВД и НКГБ. По проекту П.Н. Куксенко разрабатывался прибор ночного боя ПНБ для вооружения ночных истребителей-перехватчиков ПВО, имевший высокие технические данные⁵.

Помимо работы в рамках специализированных групп, осужденные и вольнонаемные специалисты ОТБ оказывали значительную техническую помощь промышленным предприятиям разного профиля, особенно в годы Великой Отечественной войны. Велись работы по монтажу и пуску участков производства на заводах наркоматов авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, судостроительной промышленности, химической промышленности. В частности, благодаря участию

специалистов ОТБ в совершенствовании производственных процессов на заводах Наркомата вооружения был достигнут рост производительности оборудования на 20-50 процентов. В рамках ОТБ НКВД в годы Великой Отечественной войны велась научно-аналитическая деятельность, позволившая вовремя оценить важность работ над «атомной проблемой». В письме начальника 4-го спецотдела В.А. Кравченко на имя Л.П. Берии от 10 октября 1941 года на основе анализа широкого круга фактов впервые в СССР указывалось на возможность использования атомной энергии в военных целях, и ставился вопрос об организации исследовательских работ в данном направлении⁶.

Ряд осужденных и вольнонаемных специалистов ОТБ был удостоен высоких наград. За выдающиеся заслуги в деле создания новых образцов военной и специальной техники А.Н. Туполеву, В.М. Петлякову, А.Д. Чаромскому, А.С. Бакаеву были присуждены Государственные премии, они были освобождены со снятием судимости. Награждены орденами и освобождены со снятием судимости были также С.П. Королев, В.П. Глушко, Е.П. Иконников, С.И. Лодкин, М.Ю. Цирульников, П.Г. Гойнкис и многие другие. Хотелось бы особо подчеркнуть, что Особые технические бюро по сути своей являлись организациями, предназначенные для выполнения чрезвычайных задач в сжатые сроки. Перед, ними никогда не ставилась задача заменить собой какие-либо конструкторские бюро. Не имея собственной проектной инициативы, ОТБ были призваны дополнить собой повседневную деятельность КБ соответствующего профиля. По этой и ряду прочих причин противопоставление ОТБ другим конструкторским организациям, нередко встречающееся в мемуарной литературе, является исторически некорректным и контрпродуктивным.

1 Иностранные авиационные моторы. М., 1941. С.36.

2 Самолетостроение в СССР 1917-1945. М., Кн.1. 1992. С.90-102; Иванов В.П. Авиаконструктор Н.Н. Поликарпов. СПб., 1995. С.75-83.

3.Дмитриев В.И. Советское подводное кораблестроение. М., 1990. С.54-55.

4 ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.513. Л.58-64.

5 Данные приводятся по: Особое техническое бюро НКВД СССР. Отчеты Л.П. Берии и В.А. Кравченко // Исторический архив. 1999. №1. С.85-99.

6 Атомный проект СССР. М., 1998. Т.1, ч.1. С.242-243.

В.Ф. НЕКРАСОВ

**(доктор исторических наук, профессор, генерал-майор.
Объединенная редакция МВД РФ)**

НКВД, ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЯДЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ

Разработка и реализация ядерных программ СССР и Российской Федерации охватывает значительный отрезок времени. Рассмотрим начальный период этой работы.

Много лет эта тема была строго секретной и в открытой литературе практически не разрабатывалась. 17 февраля 1995 года Президент России подписал указ «О подготовке к изданию официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Решением правительства РФ реализация возлагалась на Минатом и другие ведомства. Началась работа по изданию такого сборника в трех томах (шести книгах) под общим названием «Атомный проект СССР. Документы и материалы». Две книги уже вышли из печати¹. В них опубликовано 464 ценных документа из Архива Президента и других архивов. К настоящему времени насчитывается немало публикаций по рассматриваемой проблеме².

Созданию и реализации ядерных программ в России предшествовали: образование Радиевой комиссии при Петербургской Академии наук (1910); первые экспедиции для поиска месторождений радия (1911); научные работы по физике и расщеплению атомного ядра, проводившиеся в Ленинградском и Украинском физико-технических институтах, Радиевом и Физическом институтах АН СССР (1930-е гг.); строительство циклотрона в предвоенные годы; организация В.И. Вернадским и В.Г. Хлопиным Урановой комиссии при Академии наук СССР (1940); первый общегосударственный урановый проект (1940-1941). С началом Великой Отечественной войны исследования в области ядерной энергии были прекращены, но с получением разведывательных данных о разработке ядерного оружия в Германии, Великобритании, США снова возобновились.

Работа по ядерным программам развивалась в следующих основных направлениях: разработка и реализация ядерных программ отечественными научными коллективами и учеными; создание атомной промышленности и развитие ядерной энергетики; активнейшая внешняя разведка по ядерным проектам за рубежом; постоянное обеспечение безопасности и охраны этой сферы различными силами и средствами (органы госбезопасности и внутренних дел, внутренние войска, войска ПВО и др.)

Влияние НКВД, органов внутренних дел и госбезопасности на реализацию ядерных программ было особенно значительным в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Это обуславливалось наличием опытных кадров, способных решать крупные народнохозяйственные и оборонные задачи; мощной строительно-монтажной базой; отлаженной системой финансового и материально-технического обеспечения; трудовыми ресурсами (спецконтингент и вольнонаемные сотрудники), используемыми в крупномасштабных строительных работах на специальных объектах; умело организованной внешней разведкой.

28 сентября 1942 года Председатель ГКО И. В. Сталин подписал распоряжение «Об организации работ по урану»³. В соответствии с ним Академия наук СССР обязывалась возобновить работы по атомной энергии, организовать специальную

лабораторию атомного ядра и представить к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. Соответствующие задания получили и различные наркоматы.

В октябре 1942 года нарком внутренних дел Л.П. Берия подписал письмо И.В. Сталину о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации такой деятельности в СССР⁴. Сталин дал согласие создать при Государственном комитете обороны научно-консультативную группу из видных ученых и ведущих специалистов для координации научных работ в области атомной энергии. Эти лица были ознакомлены с информацией по атомной проблеме, полученной из-за рубежа от советской разведки. В ноябре 1942 года ГКО принял постановление «О добыче урана».

11 февраля 1943 года В.М. Молотов подписал распоряжение ГКО о дополнительных мероприятиях в организации работ по урану с конкретными поручениями ведомствам. Тогда же было принято решение ввиду важности атомной проблемы сделать ее приоритетной в деятельности разведки НКВД. Сначала научно-техническая разведка за рубежом велась специальными подразделениями Красной Армии и Первого управления НКВД-НКГБ. Действовали они весьма активно. (Только в первой части первого тома упомянутого сборника опубликовано 19 разведывательных документов за 1941-1943 годы по этой проблеме.) 7 марта 1943 года И.В. Курчатов в письме к М.Г. Первухину по поводу развединформации написал: «Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки»⁵. Курчатов сам начинает формулировать конкретные просьбы к разведорганам⁶. Сказанное, однако, отнюдь не умаляет роли советской науки в разработке ядерных программ.

В феврале 1944 года было принято решение о том, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД, где для этих целей был организован отдел «С» (отдел П.А. Судоплатова). С 1946 года функция сбора разведывательной информации по созданию ядерного оружия была передана органам государственной безопасности. До создания других государственных структур НКВД-МВД решало и многие другие проблемы, связанные с ядерными программами.

В апреле 1943 года в Академии наук СССР была создана Лаборатория №2, которую возглавил И.В. Курчатов. 3 декабря 1944 года ГКО принял постановление об этой лаборатории, в соответствии с которым наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии поручалось «наблюдение за развитием работ по урану».

Разработку первых образцов ядерного оружия осуществляли Лаборатория №2 (Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова), а позднее - ее филиал в г.Арзамасе-16 (КБ-11), Ядерный центр в Челябинске-40. В этом направлении работало и созданное в 1944 году при НКВД Специальное управление №9, руководителем которого был заместитель наркома внутренних дел А.П. Завенягин, которое финансировало и контролировало выполнение работ в институтах и на промышленных предприятиях. Заместитель председателя Совнаркома М.Г. Первухин был высшим должностным лицом в правительстве, ответственным за решение комплекса проблем по Урановому проекту.

Одна из задач управления №9 НКВД заключалась в том, чтобы обеспечивать работу приглашенных в СССР немецких ученых и специалистов по урановой проблеме. Для этих целей в помещении санатория «Синоп» (г.Сухуми) был создан институт «А» под руководством М. Арденне, а в помещении санатория «Агудзеры» (вблизи г. Сухуми) - институт «Г» под руководством лауреата Нобелевской премии Г.Герца.

Постановлением ГКО от 4 декабря 1944 года в системе НКВД был создан Институт специальных металлов (впоследствии НИИ-9) с опытным заводом №5 (директор инженер-полковник профессор В.Б. Шевченко). Этот институт, как и лаборатория №2, размещались в недостроенных корпусах Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) на окраине Москвы в Покровском-Стрешневе. На НИИ-9 были возложены все работы по проекту, включая металлургию урана, плутония, их сплавов и получение изделий из них для использования в опытном реакторе лаборатории №2 и уран-графитовом промышленном реакторе для наработки плутония. Из режимных соображений институт тогда назывался базой №1.

После разрушения Хиросимы и Нагасаки американскими атомными бомбами было принято решение о кардинальной реорганизации работ по ядерным программам. 20 августа 1945 года при ГКО был образован Специальный комитет в составе: Берия Л.П. - председатель (НКВД), Первухин М.Г. (заместитель председателя), Маленков Г.М., Вознесенский Н.А., Ванников Б.Л., Завенягин А.П. (НКВД), Курчатов И.В., Капица П.Л., Махнев В.А. (секретарь). Комитет должен был руководить научно-исследовательской деятельностью в области атомной энергии, геологической разведкой и добычей урана, использованием урановых месторождений за пределами СССР - в Болгарии, Чехословакии и других странах, промышленной переработкой урана, производством специального оборудования и материалов, строительством атомно-энергетических установок, разработкой и производством атомных бомб. В задачу комитета входила быстрейшая ликвидация монополии США в области ядерного оружия, Берии поручалась также организация закордонной разведывательной работы в этой области.

Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Специального комитета при ГКО, рассмотрения планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана при комитете был создан Технический совет в составе: Ванников Б. Л. (председатель), академик Алиханов А. И. (ученый секретарь), академики Курчатов И.В., Иоффе А.Ф., Капица П.Л., Хлопин В.Г., члены-корреспонденты АН СССР Вознесенский И.Н. и Кикоин И.К., профессор Харитон Ю.Б., Завенягин А.П. (НКВД), Махнев В.А.

Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб в 1945 году при СНК СССР было образовано Первое Главное управление (ПГУ), как рабочий аппарат Специального комитета. Начальником ПГУ и заместителем председателя Специального комитета был назначен Ванников Б.Л., его первым заместителем - Завенягин А.П. (НКВД), заместителями - Борисов Н.А., Мешик П.Я. (заместитель наркома внутренних дел заместитель, до кадрам и режиму), Антропов П.Я., Касаткин А.Г. Несколько позднее в состав ПГУ вошел начальник Главпромстроя НКВД Комаровский А.Н.

То, что Специальный комитет ГКО возглавил нарком внутренних дел Л.П. Берия, не было случайностью. Академик А.М. Петросьянц пространно отмечал: «У Берии - карателя и организатора массовых арестов - было и другое лицо. Будучи по природе своей очень умным человеком, с хорошей технической хваткой (в молодости окончил механико-строительное техническое училище, увлекался архитектурой), он стал в предвоенные и военные годы крупнейшим организатором военной техники. Курируя по поручению Сталина военные отрасли промышленности в годы войны, руководя соответствующими наркоматами, он сумел наладить выпуск многих тысяч танков, самоходных артиллерийских установок, многих миллионов боеприпасов, снарядов, обеспечивал в тылу бесперебойную работу металлургии - черной и цветной и др.

Среди всех членов Политбюро ЦК КПСС и других высших руководителей страны Берия оказался наиболее подготовленным в вопросах технической политики и техники. Все это я знал не понаслышке, а по личным контактам с ним по многим техническим вопросам, касавшимся танкостроительной и ядерной тематики. В интересах исторической справедливости нельзя не сказать, что Берия, этот страшный человек, руководитель карательного органа нашей страны, сумел полностью оправдать доверие Сталина, используя весь научный потенциал ученых ядерной науки и техники (Курчатова, Харитона и многих других), имевшийся в нашей стране. Он придавал всем работам по ядерной проблеме необходимые размах, широту действий и динамизм. Он обладал огромной энергией и работоспособностью, был организатором, умеющим доводить всякое начатое им дело до конца. Часто выезжал на объекты, знакомился с ходом и результатами работ, всегда оказывал необходимую помощь и в то же время резко и строго расправлялся с нерадивыми исполнителями, невзирая на их чины и положение. В процессе создания первой советской ядерной бомбы его роль была в полном смысле неизмеримой. Его усилия и возможности в использовании всех видов и направлений отраслей промышленности страны в интересах создания ядерной индустрии, научно-технического потенциала страны и громадных масс заключенных, страх передним обеспечили ему полную свободу действий и победу советскому народу в этой научно-технической эпопее»⁷.

Оценки академика Ю.Б. Харитона: «Берия, надо сказать, действовал с размахом, энергично, напористо. Часто выезжал на объекты, разбирался на месте и все задуманное обязательно доводил до конца. Никогда не стеснявшийся нахамить и оскорбить человека, Берия был с нами терпим и, трудно даже сказать, крайне вежлив. Если интересы дела требовали пойти на конфликт с какими-либо идеологическими моментами, он, не задумываясь, шел на такой конфликт. Если бы нашим куратором был Молотов, таких бы впечатляющих успехов, конечно, не было бы».

8 декабря 1944 года ГКО принял решение о создании в Средней Азии крупного уранодобывающего Комбината №6 НКВД СССР на базе месторождений Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Строительство комбината было поручено Управлению №9 НКВД во главе с А.П. Завенягиным - заместителем наркома внутренних дел по строительству, в подчинении которого находился также Главпромстрой НКВД (начальник А.Н. Комаровский). После организации ПГУ ему из системы НКВД были переданы Комбинат №6 и НИИ-9. Отсутствие природного урана для промышленных реакторов и питания газодиффузионного завода сделали

строительство комбината первоочередной задачей. В установленные сроки он был введен в эксплуатацию.

Специальный комитет под руководством Л.П. Берии приступил к работе и провел с 24 августа по 22 декабря 1945 года одиннадцать заседаний. Впечатляет размах работ, обстоятельность и всесторонность подготовки рассматриваемых вопросов, исключительная настойчивость в доведении начатого дела до конца, четкость в работе аппарата. В штат сотрудников Специального комитета были включены специалисты различных направлений, в том числе работники НКВД-НКГБ. 28 сентября 1945 года Специальный комитет принял решение о формировании в своем составе Бюро №2 с подчинением непосредственно председателю комитета. Сотрудники этого Бюро должны были осуществлять перевод, сбор и изучение документов и материалов по атомной проблематике из разных зарубежных источников, в том числе разведывательных, передать их на рассмотрение Технического совета. Начальником Бюро №2 был утвержден П.А. Судоплатов, его заместителями - Н.С. Сазыкин, Н.И. Эйтингон и Л.П. Василевский.

Следует отметить, что Специальный комитет занимался не только вопросами создания атомной бомбы. Еще 10 октября 1945 года комитет поручил Техническому совету обсудить предложения академика П.Л. Капицы об использовании внутриатомной: энергии в мирных целях, разработать и доложить план мероприятий в этой области. Их последующее осуществление привело к созданию атомной энергетики. Заметим, что у академика П.Л. Капицы возникли разногласия с Л.П. Берией, о чем он написал И.В. Сталину 25 ноября 1945 года и просил освободить его от работы в комитете⁸. 21 декабря 1945 года Сталин подписал постановление совнаркома СССР об удовлетворении просьбы академика об освобождении его от работы в Специальном комитете и Техническом совете этого комитета⁹. Однако дело этим не закончилось. 17 августа 1946 года Капица был снят с должности директора Института физических проблем АН СССР, что очень тяжело переживал¹⁰.

Л.П. Берия же в декабре 1945 года сдал должность наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглову и целиком сосредоточился на работе в правительстве и Специальном комитете. Прошло четыре года напряженной работы, и в августе 1949 года была создана и испытана первая советская атомная бомба. Однако рассмотрение этих дел и участие в них МГБ-МВД выходит за пределы рассматриваемого исторического периода.

1 Атомный проект СССР: Документы и материалы. Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., 1998. Т.1. 1938-1945, Т.1. (1938-1943). М.; Саров, 1999. Т.2. Атомная бомба. 1945-1954, ч.1 (1945-1949).

2 Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1973, Некрасов В.Ф. Некоторые вопросы партийно-политической работы по выполнению задач боевой службы в специальных частях внутренних войск МВД СССР. М., 1973, Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 10-12; Губарев В.С. Арзамас-16. М., 1992; Ядерное вооружение СССР / Пер. с англ. М., 1992; Губарев В.С. Челябинск-70. М., 1993; Бомба. М., 1993; Бомба-2. М., 1994, Пестов С. Бомба: Тайны и страсти атомной преисподней. СПб., 1995; Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995; Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995, Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996, Лубянка ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960. Справочник, М., 1997, 50 лет на страже объектов государственной важности. М., 1997, Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941-1945. М., 1999; Лаврентий Берия.

1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999; Феклисов А.С. Признание разведчика: М., 1999; Войсковая часть 3284 на страже государственных объектов. 1950-2000. М., 2000 и др.

3 Атомный проект СССР. Т.1, ч.1. С.269-271.

4 Там же. С.271-272.

5 Там же. С.314.

6 Там же. С.276-280.

7 Создание первой советской ядерной бомбы. С.55.

8 Атомный проект СССР. Т.2, ч.1. С.617-619.

9 Там же. С.419.

10 Там же. С.623-629.

Ю.Н. МОРУКОВ

(доктор исторических наук. Объединенная редакция МВД РФ)

СТАТИСТИКА ГУЛАГа - МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Среди проблем отечественной истории XX века наибольшим количеством легенд и мифов обросли проблемы, связанные с историей ГУЛАГа. Наибольшим искажениям подвергались статистические данные о численности и смертности заключенных. С легкой руки некоторых литераторов и публицистов, в том числе и зарубежных, по страницам средств массовой информации и некоторых исследований гуляли фантастические цифры численности осужденных, погибших и умерших в ИТЛ и ИТК. Пользуясь отсутствием открытых источников по данной теме, писавшие соревновались в том, чьи цифры страшнее. Достаточно сказать, что в книге Р.Конквеста «Большой террор» число заключенных в лагерях составляло в 1933 году 5 миллионов, а в 1939 выросло до 9 миллионов человек. А.В. Антонов-Овсеенко утверждает, что только перед Великой Отечественной войной было репрессировано 20 миллионов человек. Некоторые авторы довели число погибших в местах лишения свободы до 50 миллионов.

Подобные утверждения имеют место быть и до настоящего времени, несмотря на опубликованные документы с реальными цифрами. Способствует этому и отсутствие развернутых исследований на данную тему. Историков подводит недостаточное знание предмета и отсутствие навыков работы со статистикой. Даже те исследователи, которые добросовестно изучают вышеназванную тему, подчас путаются в материале и не могут выделить имеющиеся там сведения. Именно поэтому приведу краткий обзор статистики ГУЛАГа.

Организация исправительно-трудовых лагерей и необходимость наиболее эффективного использования контингента буквально в течение шести месяцев привела к необходимости создания центрального аппарата по руководству ИТЛ, поскольку подчинение их полномочным представительством ОГПУ в регионах не давало возможности быстро и целеустремленно сосредотачивать рабочую силу из заключенных для решения поставленных правительством задач. Таким органом центрального управления стало созданное 25 апреля 1930 года Управление лагерей ОГПУ.

Создание УЛАГа, ставшего с 1 сентября того же года Главным управлением лагерей, привело к необходимости создания систем отчетности и управления. Важнейшим элементом, обеспечивающим принятие необходимых управленческих решений становится статистическая отчетность ИТЛ, разработанная по основным направлениям деятельности лагерей, а затем и колоний. Прежде всего, это отчетность о наличии, движении и составе заключенных, сведения о физическом профиле рабочей силы из заключенных, количестве женщин, инвалидов и т.д., об использовании специалистов, которые собирал учетно-распределительный отдел, УРО (с 1947 года спецотдел 2-го управления ГУЛАГа). Кроме этого, отделом рассчитывалась среднемесячная и среднегодовая численность заключенных и целый ряд других показателей.

Санитарный отдел (САНО) ГУЛАГа вел статистику заболеваемости, в том числе амбулаторной и стационарной, число лиц заболевших теми или иными заболеваниями. Им учитывались потери рабочего времени в результате освобождения от работы по болезни, число медучреждений, их вместимость,

количество медработников. В санитарный отдел поступали данные о смертности среди осужденных, в том числе и вне лечебных учреждений, ее доли от общей численности заключенных, об основных причинах. Отдельная отчетность поступала по линии охраны, оперативно-режимной работе, кадрам культурно-воспитательной работе, производственно хозяйственной деятельности.

Нежелание использовать данные статистики некоторые исследователи обосновывают утверждениями о ее недостоверности и фальсификации. Изучение подлинных документов и системы отчетности позволяет со всей определенностью сделать вывод о невозможности фальсификации всей системы отчетности. Сведения, поступающие в ГУЛАГ, многократно дублировались различными управлениями и отделами, на основании их принимались управленческие решения, выделялись средства и материальные ресурсы. Отчетность из ИТЛ и ИТК направлялась по нескольким адресам, а объем ее был так значителен, что ни о какой сознательной фальсификации речь идти не могла. Схема отчетности по ГУЛАГу включала в себя семь разделов (табелей), насчитывающих 85 форм, в которых имелось более двух с половиной тысяч показателей¹.

Сведения о численности заключенных приводились во всех видах отчетности, существовавших в ГУЛАГе. При этом учитывалась численность на 1-е число каждого месяца, среднесписочная численность и движение заключенных. Отдельно учитывался состав заключенных, т.е. группировка по полу, возрасту, статьям и срокам осуждения, национальности и целому ряду других показателей. Наиболее информативной является отчетность о движении заключенных, в которой показано наличие осужденных на 1-ое число отчетного периода, количество прибывших и убывших за отчетный период, в том числе освобожденных, умерших, бежавших. Имеющаяся информация позволяет со значительной степенью достоверности реконструировать число поступивших в лагеря и колонии осужденных и их дальнейшую судьбу. Подобный анализ может быть проведен как по системе в целом, так и по отдельным лагерям.

Примером такого анализа могут служить лагеря «Дальстроя». С 1932 по 1954 год включительно в них поступило 867 тысяч заключенных, из которых освобождено примерно 500 тысяч, умерло около 140 тысяч, бежало примерно 10 тысяч. На 1 января 1955 года оставалось 73 тысячи осужденных, остальные в разные годы были вывезены в другие лагеря и колонии. Это количество включает и контингент особого лагеря №5 «Берегового»².

Вопрос о числе умерших и погибших в местах лишения свободы за годы существования ГУЛАГа осужденных до настоящего времени никогда не ставился только в научном плане - над авторами многочисленных публикаций тяготели стереотипы, мифы и легенды. Каждый из них стремился в первую очередь показать тяготы и ужасы лагерной жизни, на основании чего приводились затем фантастические цифры умерших и погибших. Правда, при этом ни один из авторов не использовал документы для подтверждения своей точки зрения. В полной мере это касается и работ, опубликованных в последние годы, когда исследователям стали доступны архивные материалы по данной проблеме.

Сбором данных о смертности в местах лишения свободы занимались две независимые друг от друга структуры. В санитарный отдел, от санитарных органов ИТЛ и управлений исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) или отделов исправительно-трудовых колоний (ОИТК) в регионах поступала ежемесячная

отчетность о количестве заболевших и умерших, числе потерянных рабочих человеко-дней, наличии эпидемических заболеваний, а также об основных причинах: смертности. Отвечая за санитарной состояние мест заключения и уровень смертности заключенных, отдел был заинтересован как в фактическом снижении смертности, так и невключении в отчетность случаев смертей, не относящихся к санитарии и не зависящих от ее уровня. Поэтому убитые в результате, бандитских проявлений, при попытке к бегству и т.п. статистикой санотдела не учитывались. Отделы учета и распределения заключенных в своей статистике, поступавшей от частей учета и распределения заключенных (УРЧ) лагерей и колоний отражали все случаи снятия с учета в связи со смертью, независимо от ее причин, в том числе и убитых. Поэтому между данными этих отчетностей существует определенная разница, измеряемая в некоторые годы тысячами человек. За вычетом умерших в Северо-Восточных лагерях эта разница составила в 1939 году 3898 человек, в 1940 - 2809. В 1941 - 9470, в 1942 - 6614, в 1943 - 5462, в 1944 - 5696 человек³. Используя эти данные, можно со значительной определенностью вычленить различные составляющие смертности в ИТЛ и ИТК. Уровень смертности в местах лишения свободы рассчитывался по различным методикам. До 1943 года число умерших за год относилось к среднесписочному составу за год, например, в 1934 году в лагерях умерло 25187 человек, среднесписочный состав заключенных за год – 586477. Разделив первую цифру на вторую и умножив на 100, получаем уровень смертности в процентах, который составил 4,28. Начиная с 1943 и по 1952 год уровень смертности исчислялся как отношение суммы умерших за каждый месяц к сумме среднемесячных численностей. Для примера возьмем тот же 1934 год. В январе умерло 2218 заключенных при среднемесячной численности 450174 человека, в феврале умерло - 1890 при среднемесячной 450000 и так далее до декабря включительно. Сложение числа умерших дает за год ту же цифру в 25187 человек, но сложение среднемесячных численностей дает 7304301 человек. При делении первой цифры на вторую и умножении на 100 получаем уровень смертности в 0,34 процента, т.е. он снижался примерно в 12 раз по сравнению с предыдущей методикой. Для сравнимости данных все они пересчитаны по первоначальной методике. Наиболее трагическим периодом для обитателей мест лишения свободы стали годы Великой Отечественной войны. В значительной мере увеличившиеся трудовые нагрузки, резкое сокращение централизованного снабжения и, как следствие, уменьшение продовольственного пайка, массовые перебои заключенных привели к гигантскому росту смертности. Если в первом полугодии 1941 года в ИТЛ ежемесячно умирали 2500-3000 тысячи человек, а в ИТК - 700-800, то во втором полугодии число умерших нарастало лавинообразно и увеличилось в лагерях с 3333 человек в августе до 19589 в декабре, число умерших в колониях увеличилось с 932 в июле до 12541 в декабре.

Таблица 1

Смертность осужденных в ГУЛАГе⁴

Годы	Смертность в ИТЛ	Смертность в УИТЛК(ОИТК)	Смертность всего	% смертности в ГУЛАГе
1930	7980		7980	4,2
1931	7283		7283	2,9
1932	<u>13 197</u> 13 267		<u>13 197</u> 13 267	<u>4,80</u> 4,81
1933	67 297		67 297	15,3
1934	<u>25 187</u> 26 295		<u>25 187</u> 26 295	<u>4,28</u>
1935	<u>27 305</u> 28 328	4331x	<u>31 636</u> 32 659	2,75
1936	<u>19 109</u> 20 595	5884x	<u>24 993</u> 26 479	2,11
1937	<u>22 933</u> 25 376	8123x	<u>31 056</u> 33 499	2,42
1938	<u>72 615</u> 90 546	36 039x	<u>108 654</u> 126 585	5,35
1939	<u>37 027</u> 59 592	7723	<u>44 750</u> 67 315	3,10
1940	<u>34 582</u> 46 665	6761	<u>41 343</u> 53 426	2,72
1941	<u>75 851</u> 100 997	41 217	<u>117 068</u> 142 214	6,00
1942	<u>225 787</u> 248 877	126 733	<u>352 560</u> 375 610	24,9
1943	<u>149 725</u> 166 967	118 085	<u>267 826</u> 285 052	22,4
1944	<u>55 252</u> 60 948	57 818	<u>114 481</u> 118 766	9,25
1945	<u>42 435</u> 43 878	39 465	<u>81 917</u> 83 343	5,95
1946	<u>17 802</u> 18 154	12 884	<u>30 715</u> 31 038	2,20
1947	<u>31 818</u> 35 668	35 012	<u>66 830</u> 70 680	3,59
1948	<u>26 703</u> 27 605	23 956	<u>50 659</u> 51 561	2,28
1949	<u>15 397</u> 15 739	13 953	<u>29 350</u> 29 692	1,21
1950	<u>14 539</u> 14 703	9971	<u>24 511</u> 24 674	0,95
1951	<u>14 495</u> 15 587	7961	<u>22 496</u> 23 548	0,92
1952	<u>12 752</u> 13 806	5980	<u>18 762</u> 19 786	0,84
1953	<u>5647</u> 8244	3981	<u>9628</u> 12 225	0,67
1954	5796	2562	8358	0,69
1955	3619	1223	4842	0,53
1956	2102	1062	3164	0,40
Итого	<u>1 034 265</u> 1 167 124	570 724	<u>1 606 243</u> 1 737 848	

Следующий, 1942 год, был самым, трагичным в истории ГУЛАГа. В лагерях и колониях умерло почти 376 тысяч заключенных - абсолютный рекорд за всю историю мест лишения свободы (при среднегодовой численности заключенных - 1472393), из них в ИТЛ - 248877, в ИТК - 126733 человека. Уровень смертности вырос в лагерях с 6,47 процента в 1941 году до 22,69 процента, или в 3,5 раза, а в колониях - с 7,06 процента до 33,75 процента, т.е. в 4,5 раза. В ИТЛ умер почти каждый четвертый, а в ИТК, каждый третий осужденный. Наибольшая смертность в ИТЛ наблюдалась в мае 1942 года, когда умерло 28642 лагерников, затем смертность пошла на убыль и в октябре сократилась до 13193. Напротив, смертность в ИТК в течение года росла, достигнув максимума в летние месяцы, что было связано в первую очередь с массовой эвакуацией летом 1942 заключенных из регионов юга России и Северного Кавказа.

После окончания войны смертность среди осужденных резко снизилась. Начиная с 1949 года коэффициент смертности (число умерших на тысячу человек) в ГУЛАГе был ниже этого показателя по стране. При всей условности подобного сравнения оно дает достаточно объективную картину смертности в ИТЛ и ИТК в послевоенные годы в сравнении с подобными явлениями вне ГУЛАГа. Некоторые сравнительные данные о смертности в ГУЛАГе и вне его приводятся в таблице №2.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о смертности в особых лагерях, организованных для содержания государственных преступников. В 1948 году были организованы шесть особых лагерей: №4 - Минеральный, №2 - Горный, №3 - Дубравный, №4 - Степной, №5 - Береговой, №6 - Речной. В 1949 был организован особый лагерь №7 - Озерный и так далее до организованного в 1952 году лагеря №11 - Дальнего. Ликвидированы особые лагеря были в 1954 году, за исключением особого лагеря №8 - Лугового, ликвидированного в 1952 году. Особые лагеря преобразовали в ИТЛ, режим и контингент которых не отличался от остальных мест лишения свободы.

В 1948 году в особых лагерях умерло 356 человек, в последующем, по мере их наполнения, смертность составляла: 1949 - 2333, 1950 - 3156, 1951 - 3321, 1952 - 3213, 1953 - 2419, 1954 - 1663. По отдельным особым лагерям данные следующие. Минеральный - 1939, Горный - 1140, Дубравный - 2276, Степной - 1964, Береговой - 1848, Речной - 1223 (нет данных за пять месяцев 1954 года), Озерный - 4221, Луговой - 265, Песчаный - 1560, Камышовый - 128, Дальний - 53 человека.

Таблица 2

Коэффициент смертности в ГУЛАГе и стране в целом и доля умерших в ГУЛАГе от числа смертей в СССР⁵

Годы	Коэффициент смертности в ГУЛАГе	Коэффициент смертности в стране	Доля умерших в ГУЛАГе от умерших в стране (в %)
1930	42,0	27,0	0,19
1931	29,0	28,0	0,16
1932	48,0	29,5	0,28
1933	153,0	71,6	0,59
1934	42,8	21,7	0,77
1935	27,5	20,6	0,99
1936	21,1	20,0	0,82
1937	24,2	21,7	0,94
1938	53,5	20,9	3,64
1939	31,0	20,1	1,55
1940	27,2	21,7	1,27
1941	60,0	н/д	н/д
1942	249,0	н/д	н/д
1943	224,0	н/д	н/д
1944	92,0	н/д	н/д
1945	59,5	н/д	н/д
1946	22,0	15,8	1,14
1947	35,9	20,3	1,99
1948	22,8	13,6	2,18
1949	12,1	12,6	1,33
1950	9,5	11,7	1,18
1951	9,2	11,6	1,11
1952	8,4	11,4	0,97
1953	6,7	11,0	0,48
1954	6,9	10,3	0,42
1955	5,3	9,3	0,27
1956	4,0	8,7	0,18

Подводя некоторые итоги рассмотрения вопроса о смертности осужденных за 27 лет существования ГУЛАГа, легко подсчитать, что за это время в лагерях, по данным САНО, умерло 1 миллион 34 тысячи человек, по данным УРО смертность составила 1 миллион 167 тысяч человек; в колониях умерло 570 тысяч человек. Таким образом, за время существования ГУЛАГа с 1930 по 1956 год в нем умерло или погибло приблизительно 1 миллион 738 тысяч осужденных. Почти 60 процентов этого количества приходится на годы войны. С учетом войны средний уровень смертности в ГУЛАГе за 27 лет его существования составил 4,91 процент от среднегодовой численности заключенных.

Коэффициент смертности в ГУЛАГе колебался в зависимости от условий, существовавших вне мест лишения свободы, и составлял в сравнении с подобным показателем в стране величину одного порядка. Число умерших в местах лишения свободы за небольшим исключением не превышало 2-3 процентов от общей смертности в стране и существенного влияния на картину смертности не оказывало.

1 ГАРФ. Ф.9401. Оп. 1а. Д.387. Л.14-156.

2 Там же. Ф.9414. Оп.1. Д. 1151, 1299, 1338.

3 Там же. Оп.1, 1 доп.

4 Таблица составлена на основе документов санитарного отдела и отдела учета и распределения ГУЛАГа за соответствующие годы, хранящихся в фонде 9414 (ГУЛАГ) ГА РФ.

5 Рассчитано автором по материалам фонда 9414 ГА РФ и справочника «Народонаселение». М, 1994.

6 ГА РФ. Ф.9414. Оп.1. Д.2796.

М.Н. ПЕТРОВ

(доктор исторических наук, профессор. Новгородский государственный университет)

ДВЕ СУДЬБЫ

Мужество и трусость, верность Отечеству и предательство Родины в трудную для нее годину, честь и бесчестье, признание потомков и народное проклятие слились в судьбах двух людей. Член Военного совета 2-й Ударной армии дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев и ее командующий генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. На месте гибели одного поставлен обелиск, другой повешен.

В их жизненном пути много общего, и это неудивительно - они одного поколения. И Зуев, и Власов - уроженцы Нижегородской губернии. Власов родился в 1901 году в селе Ломакино, Зуев родился в 1907 году в поселке Ближне-Песочном. Оба члены ВКП(б), оба профессиональные военные, обретшие боевой опыт задолго до Великой Отечественной войны, Власов - в Китае, Зуев - за Пиренеями. Ордена Красного Знамени и Красной Звезды отметили образцовое выполнение Зуевым боевых заданий. После возвращения оба стремительно выросли по служебной лестнице. Один стал командиром дивизии, другой - комиссаром танковой бригады. За бои на Карельском перешейке комиссар был награжден орденом Красной Звезды. Немного было тогда в Советском Союзе людей, награжденных тремя боевыми орденами. Войну Зуев встретил комиссаром 11-й армии, дислоцировавшейся в Литве, и вместе с ней познал горечь отступления, тяжелые оборонительные бои и смелые контрудары по врагу под Старой Руссой и Сольцами. В декабре 1941 года дивизионного комиссара Зуева назначили членом Военного совета 4-й армии на только что созданном Волховском фронте.

Власов принял командование 37-й армией и участвовал в героической обороне столицы Украины. В битве за Москву он возглавил войска 20-й армии в зимнем наступлении. В январе 1942 года командование армии провело очередную успешную наступательную операцию в направлении Лама-Гжатск. (В Советской военной энциклопедии отмечено: «Это наступление обогатило советское оперативное искусство опытом массирования сил и средств на главном направлении и умелого их применения в зимних условиях».)

В марте 1942 года молодого генерал-лейтенанта, зарекомендовавшего себя и в оборонительных, и в наступательных армейских операциях, по предложению генерала армии Г.К. Жукова и с одобрения секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова выдвинули на должность заместителя командующего Волховским фронтом генерала К.А. Мерецкова. Вскоре Власов был направлен представителем фронтового командования в наступавшую 2-ю Ударную армию, а когда генерал Н.К. Клыков заболел, в середине апреля принял над ней командование. В начале марта того же 1942 года членом Военного совета армий был назначен дивизионный комиссар И.В. Зуев. Пути их пересеклись.

Ставка поставила перед Волховским фронтом главную задачу: деблокировать Ленинград. Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов окружить и уничтожить группировку германских войск в районе Любани и Чудово, выйти в тыл осаждавшим город немецким войскам и снять блокаду. Положение Ленинграда той зимой было ужасным - непрерывные бомбежки и артобстрелы, голод и холод. И, тем не менее, оно не оправдывало непродуманности и неподготовленности наступательной

операции. Войска фронта не прошли необходимой выучки, мало было резервов и боевой техники, хронически не хватало боеприпасов. Противник же непрерывно укреплялся на возвышенном западном берегу Волхова, создал две линии обороны и опорные пункты в глубине на всхолмлениях среди густых лесов и топких болот.

2-я Ударная армия, на которую выпадала главная тяжесть боев по прорыву обороны противника и движению на северо-запад, армией была только по названию. В ее состав входила 327-я стрелковая дивизия, восемь бригад и отдельные части. В лучшем случае это объединение равнялось всего-навсего корпусу. Армия формировалась в декабре, бойцы и командиры не успели пройти сколько-нибудь заметной военной подготовки. Не повезло и на командармов. Генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, бывший начальник Главного управления пограничных войск НКВД, откровенно не готовый к решению общеармейских задач, перед началом наступления был возвращен в систему наркомата начальником управления военно-учебных заведений. Заменивший его генерал-лейтенант Н.К. Клыков, бывший помощник командующего Московским военным округом по военно-учебным заведениям, начавший операцию, после выздоровления несколько месяцев обретался помощником командующего фронтом, а затем был отправлен на тыловые должности.

Первые удары фронт нанес в январе. Форсировав Волхов, части закрепились на западном берегу. После трехдневных ожесточенных боев успех обозначился в полосе 2-й Ударной армии, когда ее части овладели деревней Мясной Бор на шоссе Москва-Ленинград. Перерезав железную дорогу, они устремились в северо-западном направлении, однако километрах в пятнадцати от Любани уперлись в подготовленные противником оборонительные позиции. Германское командование основательно усилило свои войска на угрожаемых направлениях и вскоре взяло инициативу в свои руки.

Положение советских войск изначально было весьма шатким. Узкий клин, вытянутый на 75 километров в лесах и болотах, соединялся с главными силами такой же узкой горловиной около Мясного Бора, и попытки расширить ее оказались безуспешными. Измотанные части отбивали атаки полнокровных дивизий вермахта, подвергались непрерывным артиллерийским и минометным налетам и авиационным бомбардировкам. 19 марта немецкие войска перерезали горловину прорыва, через неделю наши части пробили насквозь простреливаемый коридор. «Долиной смерти» назвали его бойцы. Проблемы управления и снабжения стремительно приобрели катастрофический характер.

Вот в таких условиях на Волховский фронт вместе с маршалом К.Е. Ворошиловым и членом ГКО Г.М. Маленковым прилетел генерал-лейтенант А.А. Власов. По существу, он принял армию, к тому времени утратившую наступательный порыв, истощенную, голодную, обороняющуюся в крайне невыгодных оперативно-тактических условиях.

Лишь 21 мая Ставка разрешила отвести войска фронта. Заметив отход советских частей, гитлеровцы усилили натиск и 6 июня полностью перекрыли горловину прорыва у Мясного Бора. Семь стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад, артиллерийские полки и части обеспечения оказались в полном окружении. С востока удалось пробить к окруженным коридор шириной каких-то 300-400 метров. Бойцы отходили под непрерывным артиллерийским и пулеметным огнем, неся страшные потери. Но утром 25 июня горловина была окончательно захлопнута. В

таких условиях командование армией отдало приказ выходить из окружения мелкими группами. Возможности собрать мощный кулак и пробить кольцо изнутри не было. Разорвать кольцо извне не могли. Выход небольшими группами из лесисто-болотистой безлюдной местности все же давал людям какой-то шанс на спасение.

Командование фронтом по приказу из Ставки приняло меры к спасению генерала Власова. К окруженным пробился танковый десант, поиск командующего вели разведывательные группы, соответствующее распоряжение получили партизаны. Но командарм как в воду канул. Дальнейшая судьба Власова известна. Сдача в плен, формирование РОА при активном участии спецслужб нацистской Германии, казнь по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в августе 1946 года.

Существует немало версий о мотивах перехода Власова на сторону гитлеровцев. Наиболее категоричен его прямой начальник, маршал К.А. Мерецков: «Ответ, мне кажется, может быть дан только один. Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в коммунистической партии - не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой, - попытка отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться». Маршал А.М. Василевский характеризовал Власова как генерала, не выделявшегося большими командирскими способностями, крайне неуравновешенного и трусливого, осложнившего предательством положение 2-й Ударной армии. Аналогичные взгляды культивировались в научной литературе.

Вряд ли можно согласиться с такими безапелляционными оценками, за которыми видно мышление сталинского времени и поиск заведомого «предателя» и «врага народа». В битвах первого года войны Власов показал себя способным военачальником, и его направление на Волховский фронт, проводившего операцию по снятию блокады Ленинграда, закономерно. И мемуаристы, и исследователи, противореча своим же политизированным оценкам, отмечали просчеты Верховного и фронтового командования, неподготовленность войск к ведению крупной операции, их слабое материально-техническое обеспечение, невыгодное соотношение сил и прочие причины, приведшие армию к катастрофе.

Нельзя согласиться и с А.И. Солженицыным, выставившим в «Архипелаге» власовцев и их вождя чуть ли не идейными борцами против деспотии сталинского режима. Ни сам автор, ни архивные документы не подтверждают этот тезис. До пленения Власов бил врага смело и умело. Кого можно назвать идейным борцом с коммунистическим режимом из его ближайшего окружения в РОА? Г.Н. Жиленков - член Военного совета 32-й армии. В.Ф. Малышкин - начальник штаба 19-й армии. Ф.И. Трухин - начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта: Д.Е. Закутный - начальник Штаба 21-го стрелкового корпуса. И неизвестно, не будь трагедии первого периода войны и не окажись они в плену, в каких званиях и на каких должностях окончили бы свои военные карьеры. На события наложила свой зловещий отпечаток обстановка того периода. 1941 год дал достаточно примеров, как Верховный расправлялся с военачальниками, допустившими вольные или невольные ошибки. Всем была тогда памятна судьба командования Западного фронта во главе с Героем Советского Союза, генералом армии Д.Г. Павловым. Не представилось ли Власову, что он разделит судьбу генералов сорок первого года, что на него будет возложена ответственность за катастрофу 2-й Ударной армии?

Но никакие предположения и мотивы не могут оправдать человека, в трагический для Отечества час перешедшего в стан его врагов.

Где же был в те трагические дни член Военного совета И.В. Зуев?

Начальник войск связи армии генерал-майор А.В. Афанасьев вышел к партизанам, на самолете был переправлен на Большую землю и рассказал, что Зуев до последнего руководил отходом частей. Собрав группу из политработников, связистов и сотрудников особого отдела, он повел ее к линии фронта, но группа попала под минометный обстрел и была рассеяна. Смертельно раненый начальник особого отдела армии майор госбезопасности Александр Григорьевич Шашков нашел силы покончить с собой. О мужественном поведении комиссара Зуева рассказали вышедшие к своим офицеры М.Коротков, И.Венец, Н.Новиков, Г.Глухов. Однако никто не видел, как погиб комиссар, какими были его последние часы жизни. Зуев стал числиться в списках пропавших безвести.

... Осенью 1945 года в Чудовское районное отделение НКГБ поступили сведения, что рабочий стекольного завода «Восстание» Иван Сейц повинен в выдаче немцам командира Красной Армии. Начальник отделения младший лейтенант госбезопасности Василий Иванович Кузнецов опросил Н.И. Тусева, К.М. Флотскую, Н.А. Ковригина; К.Н. Малькову, В.П. Иванину, М.Ф. Абрамову, в декабре допросил арестованного на основе их показаний Сейца и выяснил следующее. Через Чудово проходит стратегическая Октябрьская железная дорога, использовавшаяся немцами для перевозки войск и грузов к Волхову, к близкой линии фронта и к Ленинграду. Для поддержания дороги в порядке оккупационные власти сформировали группы путевых рабочих, в основном женщин, трудившихся за мизерный паек. После полудня на 105-м километре перегона между станциями Бабино и Торфяное к такой бригаде человек в тридцать неожиданно из кустов вышел человек в форме военнослужащего Красной Армии и попросил хлеба. Иван Сейц побежал к стоявшему поодаль немецкому мастеру Францу, который не видел появления незнакомца, и сбивчиво сообщил о неизвестном. Мастер почти не говорил по-русски, но слово партизан понял. Быстро чиркнув записку, он послал Сейца к посту охраны железной дороги, находившемуся в четырех сотнях метров. Вскоре Сейц вернулся с солдатами и указал рукой на кусты, куда успел скрыться неизвестный. Автоматчики с ходу открыли огонь. По приказу немцев Сейц осмотрел кусты и, как показал на допросе, нашел там «убитого в голову человека, одетого в форму военнослужащего Красной Армии». Он, бригадир Ковригин и рабочий Гусев вынесли из кустов труп и обыскали его. Сейц нашел в брючном кармане часы и взял их себе. Ковригин позарился на несколько десятков рублей, Гусев стянул сапоги. Нашли удостоверение на имя Зуева и узнали, «что это был член военного совета какой-то армии». Документ взяла Лидия Беликова, чтобы когда-нибудь сообщить близким погибшего. Ковригин толкнул труп ногой и сказал: «За что воюешь, чего добиваешься?» Он и Сейц подняли убитого за руки и за ноги, бросили в воронку у насыпи и закопали. Бригадир помахал рукой и со смехом, юродствуя, пропел вечную память. Одна из женщин назвала его мерзавцем, немецкий солдат обозвал дураком. (Дорого обойдется Ковригину глумление над погибшим.) Женщины после ухода немцев хотели как следует прибрать могилу, но Ковригин пригрозил расправой. Когда вечером возвращались домой, Сейц, ни к кому не обращаясь, но, чувствуя настроение женщин, громко заявил, нецензурно ругаясь: «Их... и жалеть нечего, из-за них, коммунистов, нам до войны житья не было». Материалы были переданы в следственный отдел УНКГБ по Новгородской области. В январе 1946 года дело рассмотрел военный трибунал войск НКВД в открытом заседании с участием

государственного обвинителя и защиты, с передопросами свидетелей и 155 обвиняемого. Наказание было суровым: 20 лет каторжных работ. Сейца этапировали в Воркуту. Однако следствие даже не попыталось установить место погребения Зуева, не обратило внимания на личность погибшего, не попыталось найти его родственников. В обвинительном заключении фигурировал «бригадный комиссар Красной Армии Зуев», в приговоре - некий «политработник Зуев»¹. Таким был «почерк» судебно-следственной работы тех лет. Факт предательства командира Красной Армии доказан показаниями свидетелей и собственным признанием обвиняемого - что же еще нужно?

Через четыре года после осуждения Сейца сотрудники управления МГБ Октябрьской железной дороги арестовали Николая Ковригина по обвинению в сотрудничестве с оккупантами. Восемнадцать свидетелей, главным образом рабочие возглавлявшейся Ковригиным бригады, показали, что тот заставлял их трудиться не покладая рук, сообщал мастеру о не выполнивших норму и тем самым лишал пайка, перевозил силу германского оружия и твердил о скором поражении Красной Армии. По словам И.Д. Кистенева, бригадир часто повторял: «Надо честно работать на немцев, советской власти больше не будет, не ждите, все равно победят немцы». Следствие обратилось к участию Ковригина в июньской трагедии на 105-м километре. В воркутинском лагере передопросили Сейца, следователь провел пятнадцать очных ставок. Приплюсовали ведение антисоветской агитации. В 1950 году судили жестче, чем сразу после войны, и Ковригин получил 25 лет каторжных работ². Имя же комиссара вновь осталось в тени.

В 1955 году Ленинградская областная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, предложила военному трибуналу ЛенВО пересмотреть оба дела. Восторжествовали кампанейщина и политическая целесообразность. Председатель трибунала генерал-майор юстиции И.Писарьков подал протест в порядке надзора с формулировкой: «Материалами дела не установлено, что Сейц сделал сообщение немцам о советском военном служащем с целью расправы с ним, так как личность военном служащего он не знал». Тот же трибунал в те же месяцы пересмотрел дело Ковригина. Сроки наказания обоим были снижены до фактически отбытых, и летом они вернулись в родные места. Первый устроился на завод «Красный фарфорист», второй - путевым рабочим в поселке Торфяное, где жил до ареста.

Прошло еще десятилетие. Впервые страна готовилась торжественно отметить 20-летие Победы. Подготовка к празднованию юбилея обострила интерес к событиям войны. Гражданский поступок совершили школьники из деревни Коломовка Чудовского района Наташа, Аня и Сергей Орловы и Сима Иванова. Они заинтересовались одинокой могилой у насыпи железной дороги, проходящей недалеко от их деревни, и обратились за помощью к сотрудникам УКГБ по Новгородской области подполковнику Василию Михайловичу Богову (ныне генерал-майор в отставке) и капитану Николаю Васильевичу Мистрову (ныне полковник в отставке). По архивно-следственным делам и ответам на запросы тем удалось установить личность и события последнего дня жизни члена военного совета 2-й Ударной армии, найти его вдову и двух выросших сыновей. «Известия» опубликовали статью спецкора Бориса Гусева «Смерть комиссара» с фотографией Зуева. Имя еще одного солдата Великой Отечественной войны стало широко известным. Публикации вызвали огромный общественный резонанс. Деревню Коломовку на трассе Москва-Ленинград переименовали в Зуево. На могиле установили надгробие, рядом поставили обелиск. Посмертно И.В. Зуев был

награжден орденом Отечественной войны I степени. Личность дивизионного комиссара привлекла внимание писателей и журналистов.

К сожалению, не обошлось без сотворенных легенд и преувеличений. Некоторые авторы, впадая в «высокий штиль», с надрывом повествовали, что Зуев вплоть до гибели не снимал гимнастерку со звездой армейского политработника и двумя ромбами в петлицах, что на железную дорогу вышел не оборванный и голодный боец, а дивизионный комиссар в полной форме и с орденами на груди, что Зуев отстреливался от окруживших его немецких автоматчиков и, предпочтя смерть плену, последнюю пулю оставил себе. Не нуждается комиссар Зуев в подобных сомнительных легендах. Никто из свидетелей ни словом не обмолвился ни об его генеральском облачении, ни об орденах, ни об оружии. Удостоверение личности Зуев, действительно, сохранил.

Источник одной из небылиц даже послужил предметом розыска чекистов. После публикации статьи о Зуеве редакция «Известий» получила письмо от В. Пашкова, работавшего в бригаде Ковригина и ранее показаний не дававшего. Автор утверждал, что Ковригин за немцами послал его, Пашкова, но, получив категорический отказ, сказал Сейцу: «Иван, давай быстро, здесь недалеко». Когда появились немцы, писал Пашков, «то до открытия ими стрельбы я слышал одиночный выстрел», после чего солдаты открыли огонь. В казахский город Чимкент вылетел старший следователь УКГБ по Новгородской области майор Виктор Николаевич Кудряшов и Пашков признал, что написанное им не более чем домыслы, родившиеся под впечатлением от статьи.

Не будем строги к Пашкову, ставшему свидетелем предательства и гибели комиссара совсем молодым человеком, и к авторам из благих, как им казалось, побуждений подхватившим его фантазию. Здесь, на наш взгляд, целое явление, тщательно культивировавшееся десятилетиями. Считалось, что офицер, коммунист, тем более политработник, не имел права попасть в плен. В безвыходной ситуации он обязан был покончить с собой. 16 августа 1941 года Ставка издала приказ №270, гласивший, что командиров и политработников, сдавшихся в плен, следует считать злостными дезертирами, семьи которых подлежали аресту, а семьи плененных красноармейцев лишались государственного пособия. Эти репрессии касались сотен тысяч солдат, офицеров и генералов Красной Армии, попавших в плен только за первые месяцы войны, и их семей. Понятно, что в условиях смертельной угрозы, нависшей над страной, нужно было стабилизировать положение, но не все же средства хороши. А проблема пропавших без вести? Десятки тысяч человек сгинули только в «Долине смерти» под Мясным Бором, и таких «долин» не перечесть.

После того, как история трагической гибели комиссара Зуева получила известность, немало писем пришло в Верховный Совет, КГБ, Прокуратуру СССР, в редакцию «Известий» и новгородские областные организации. Их авторы возмущались, что Сейц на свободе и проживает в соседнем с Чудово поселке. Коллективы чудовских предприятий направили протесты с десятками подписей. Общественное мнение возобладало, и государственный механизм, закрутился в обратную сторону. Президиум Верховного Совета СССР отменил решение десятилетней давности о Сейте «ввиду особой тяжести совершенного им преступления в период Великой Отечественной войны», Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко подал протест, и Судебная коллегия Верховного суда РСФСР определила: «Неотбытое по приговору... наказание считать подлежащим отбыванию»³. Сейца водворили в колонию строго режима.

Одновременно в УКГБ по Новгородской области шла тщательная проверка действий Ковригина в связи с показаниями свидетелей по факту предательства. Следователь В.Н. Кудряшов вновь беседовал со свидетелями. Неблаговидная роль Ковригина в июньских событиях была очевидной, но расследование никаких новых обстоятельств по делу не выявило, поэтому вопрос о пересмотре прокуратурой был отклонен⁴.

...Солдаты и офицеры 2-й Ударной до конца выполнили свой долг. Они вели бои в окружении, пробивались на восток, уходили к партизанам. Десятки тысяч человек легли в лесах и болотах Новгородчины, в неимоверно трудных условиях, ценой своих жизней приближавших день Победы. Долго над ними тяготело имя командующего, но времена менялись. Многие годы поиск павших и захоронение на братском кладбище в Мясном Бору ведут участники военно-патриотической экспедиции «Долина». Под Мостками, Спасской Полистью, Арефино, Мясным Бором, Вдицко, Рогавкой, Финевым Лугом погибли сотрудники особых отделов НКВД. К настоящему времени установлены имена не менее 120 человек⁵. В их числе капитаны госбезопасности Бойков Павел Иванович и Соколов Алексей Иванович, заместители начальника особого отдела 2-й Ударной армии, Кузнецов Иван Георгиевич, старший следователь особого отдела армии, Родионов Михаил Акимович, старший оперуполномоченный особого отдела армии, капитан госбезопасности Батаев Василий Поликарпович, начальник особого отдела 58-й стрелковой бригады, Плахотник Артем Федорович, начальник особого отдела 25-й стрелковой бригады, Пигарев Федор Григорьевич, оперуполномоченный особого отдела 327-й стрелковой дивизии, Зинченко Петр Павлович, оперуполномоченный особого отдела 53-й стрелковой бригады, Игнатъев Николай Васильевич, оперуполномоченный особого отдела 7-й саперной бригады, Черников Аркадий Иванович, оперуполномоченный особого отдела 172-го отдельного лыжного батальона. Поиск будет продолжен.

1 АУФСБ НО. Д.1/6617. Л.1-87.

2 Там же. Д.1/11593. Л.1-240.

3 Там же. Д. 1/6617. Л.122-130.

4 Там же. Д.1/11593. Л.288-289, прил.

5 Богов В.М., Петров М.Н. Контрразведчики, погибшие на Новгородской земле // Контрразведка: вчера и сегодня? Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Великий Новгород, 2000. С.206-249.

А.А. ЧЕРНОБАЕВ

(доктор исторических наук, профессор. Журнал «Исторический архив»)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

Документы по истории Великой Отечественной войны, деятельности органов государственной безопасности публикуются на страницах «Исторического архива» со времени его восстановления в конце 1992 года. Уже тогда, в первом номере журнала, появилась рубрика «Великая Отечественная», ставшая постоянной. Кроме того, материалы по рассматриваемой проблематике публикуются в рубриках «Вторая мировая война», «Эхо войны», «Архив вождей», «Внешняя политика» и др.

Первая подобная публикация «Два взгляда на РККА (1941г.)» - содержала, директивное письмо Ставки Верховного Командования за №01 от 15 июля 1941 года (документ подписан начальником Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жуковым) и проект доклада командующего 2-й танковой, армией вермахта генерал-полковника Г.Гудериана от 7 ноября 1941 года. Оба документа были основаны на данных разведорганов противоборствующих сторон. В них давалась достаточно нелицеприятная оценка Красной Армии, прежде всего, ее командного состава в начале войны.

В первом номере журнала публиковались и документы, имеющие непосредственное отношение к истории органов госбезопасности, хотя и более раннего периода, - обнаруженные А.М. Плехановым в архиве управления безопасности по Санкт-Петербургу шесть документов за апрель 1929 - апрель 1931 года о начале третьей эмиграции Л.Д. Троцкого, высланного из СССР. Упомяну о ней в связи с тем, что при отборе материалов мы стремимся к введению в научный оборот не публиковавшихся ранее документов, которые представляют несомненную ценность, позволяют раскрыть новые, недостаточно исследованные проблемы истории.

Другой важнейший критерий, которым руководствуется редакция, - это публикация не только текстов документов с учетом современных требований археографии, но и содержательной вводной статьи и примечаний. В тех случаях, когда публикатор испытывает затруднения в подготовке научной части, отвечавшей бы нашим требованиям, но представленный материал имеет существенное научное значение, редакция оказывает ему необходимую помощь, подключая, по согласованию с автором, специалистов высокой квалификации. Опыт показывает, что подобная практика полностью себя оправдывает.

Особое внимание военной проблематике редакция журнала уделяла в 1995 и 2000 годах, когда в нашей стране широко отмечались Юбилеи Победы.

В 1995 году юбилейные подборки документов были в двух номерах¹. В №2 журнала были включены докладные записки, связанные с работой в апреле-июне 1941 года пограничников и заграничной агентуры по выявлению фактов, свидетельствующих об ускоренных темпах передислокации германских войск на восток, о направлении вражеских агентов для сбора информации, о возрастающих случаях нарушения немецкими самолетами государственной границы СССР. Все эти данные тщательно систематизировались, анализировались и направлялись за подписями наркома внутренних дел Л.П. Берии или заместителя наркома по войскам генерал-

лейтенанта И.И. Масленникова высшему политическому и военному руководству страны - И.В. Сталину, В.М. Молотову, С.К. Тимошенко, в ряде случаев - Г.К. Жукову или А.Я. Вышинскому. Документы были выявлены в фонде заместителя наркома НКВД по войскам, хранящимся в Российском государственном военном архиве (РГВА). За период с 12 апреля по 21 июня 1941 года в этом фонде отложилось свыше 60 подобных записок (в нашу подборку была включена лишь их часть). Как известно, вся эта информация, нередко добытая с риском для жизни, рассматривалась Сталиным и его окружением как дезинформация. Необходимые выводы сделаны не были.

В №3 «Исторического архива» был опубликован отчет работника Наркомата обороны майора Н.В. Чистякова о поездке в Германию в составе делегации «Аэрофлота» во главе с начальником Главного управления гражданского воздушного флота при СНК СССР В.С. Молоковым с 14 по 20 мая 1940 года. Этот документ хранится в деле «Переписка с Наркоматом обороны, Наркоматом военноморского флота и другими военными организациями за 1940 г.», которое входит в состав фонда Главного управления ГВФ Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Документ представляет несомненный интерес, так как в нем содержатся не только сведения о состоянии германской авиационной промышленности, техническом оснащении военно-воздушных сил Третьего рейха, подготовке летного состава и командных кадров германских ВВС, противовоздушной обороне, парашютных и десантных войсках, но и о жизни, настроениях рядовых немцев за год до нападения фашистской Германии на СССР.

Публикатор не располагал данными об авторе отчета, но, как можно видеть из содержания документа, майор Чистяков был, несомненно, военным разведчиком. Так, в разделе его отчета «Разные сведения и замечания» говорится: «Мы, видимо, мало используем посылку своих людей за рубеж вместе с советскими делегациями. Оказывается, что в Гатове и на заводах Юнкерса уже были советские представители. Ими закуплен аппарат шлiry и, если не ошибаюсь, ряд самолетов. Наших людей среди них не было. Даже заданий по нашей линии этим лицам не давали». В другом месте Чистяков подчеркивал: «Знание иностранных языков является залогом успешной работы за рубежом. Если бы нам удалось сочетать деловитость разведчиков с умением пользоваться иностранным языком, то от этого была бы большая польза нашей разведке. Мы недостаточно требовательны в этом вопросе»².

55-летию Победы был посвящен №2 «Исторического архива». Среди включенных в него материалов - письмо И.В. Сталину генерал-полковника Ф.И. Голикова, бывшего руководителя советской военной разведки, от 4 февраля 1944 года; дневник офицера по особым поручениям при маршале С.К. Тимошенко генерал-майора П.Г. Тюхова за июнь 1941 - декабрь 1944 года; статья академика Р.Ю. Виппера «Исторические корни немецкого фашизма», написанная в августе 1941 года и др. Там же опубликован уникальный документ - журнал учета боевых действий пограничных войск НКВД Ленинградского округа. Несмотря на его большой объем (более 2 п.л.), редакция приняла решение опубликовать этот важный исторический источник, выявленный в Центральном архиве Федеральной пограничной службы РФ (ЦА ФПС) и подготовленный к печати научными сотрудниками историко-археографической лаборатории кафедры истории отечества и органов безопасности Академии ФСБ РФ И.К. Великом и Е.В. Шумиловой. До этого в руках исследователей не было надежной документальной базы, позволяющей понять особенности и напряженность обстановки, сложившейся на участке Ленинградского пограничного

округа в начале войны. Опубликованный материал охватывает первые 19 дней войны, с 22 июня по 11 июля, и ярко характеризует роль личного состава округа, решавшего сложные задачи в ходе обороны дальних и ближних подступов к Ленинграду, мужество и самоотверженность пограничников. Иного характера подборка документов в том же номере «Исторического архива» - «Власть, которая грабит население...» Германский оккупационный режим на территории Ленинградской и Московской областей. Ноябрь 1941 г.». В подборку включены спецсообщение УНКВД по Ленинградской области от 5 ноября 1941 года и докладная записка Управления НКВД по Москве и Московской области от 6 ноября 1941 года, выявленные в документальной коллекции Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ) начальником и научным сотрудником упомянутой лаборатории О.Б. Мозохиным и В.П. Ямпольским. Документы содержат информацию о положении во временно оккупированных районах двух областей, свидетельствуют о массовом терроре и мародерстве солдат вермахта, чинимых ими насилиях и убийствах. Эта информация, подготовленная органами безопасности, имела в то время важное значение для военного командования и политического руководства СССР.

Актуальность опубликованных документов определяется не только их научным значением, но и тем, что ряд авторов стремится обелить действия германских оккупационных войск на захваченных советских территориях. В этой связи публикаторы приводят следующий пример. Бывший первый секретарь Полтавского обкома КП Украины, Герой Социалистического Труда Ф.Т. Моргун в изданной в 1999 году книге «Перепаханное поле» писал: «Немецкие солдаты и офицеры были молоды и интересны. Ни одна женщина, ни одна девушка из наших сел и хуторов не потеряли ни чести, ни совести, хотя немцы были расквартированы во всех крестьянских домах... В большинстве книг советских авторов о той проклятой войне немецкий солдат представлен негодяем и разбойником. Ворвавшись в деревню или город, он вонзает штык в ребенка и бросает через себя, насилует женщин, обязательно требует «курка», «яйко» и «млеко». Хорошо знаю, что они ни у кого не отнимали ни курицы, ни яиц, ни молока. Не было случая, чтобы без ведома хозяев срывали вишни или яблоки»³. Многочисленные факты, в том числе содержащиеся в опубликованных материалах (напомню, что в Московской области оккупанты находились непродолжительный срок и, тем не менее, о них остались далеко не такие воспоминания, как это пытается изобразить бывший видный партработник), опровергают подобные утверждения. Безусловно, далеко не все немецкие военнослужащие грабили и убивали мирных жителей, и подобное никогда не утверждалось в советской историографии. Однако массовый характер злодеяний, чинимых, захватчиками на советской земле, не подлежит сомнению.

Несколько новейших публикаций в «Историческом архиве» посвящены анализу в документах советских органов безопасности деятельности германских спецслужб в период Великой Отечественной войны. Среди них - «"Анализ дел по вскрытой вражеской агентуре свидетельствует..." О методах работы германских спецслужб на Украине. Декабрь 1941 г.» (2000. №4) и "Немецкая разведка является довольно сильным противником". О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии. 1942 г.» (2000. №5). Обе подборки документов извлечены из фондов ЦА ФСБ. Они имеют не только важное научное значение, но и могут быть с успехом использованы в учебном процессе.

Необходимо отметить, что в настоящее время, когда по многим проблемам истории, в том числе по истории деятельности органов государственной безопасности в период Великой Отечественной войны, проходят острые дискуссии, редакция

«Исторического архива» стремится к тому, чтобы на страницах журнала находили отражение темы, вызывающие повышенный интерес широкой общественности. Так, в №3 за 2000 год мы опубликовали подборку документов о подготовке и проведении частями НКВД в конце 1943-начале 1944 года спецоперации по депортации народов Чечено-Ингушской АССР. Сегодня, в условиях все еще продолжающейся войны в Чечне, эта тема имеет далеко не академический интерес. Во вводной статье В.П. Сидоренко подчеркнул: «Фрагментарность использованных в последние годы источников, их субъективистские толкования сформировали множество противоречий и разночтений в истории органов и войск НКВД СССР периода Великой Отечественной войны. Не всегда дается объективная оценка их реального вклада в общую победу над немецко-фашистскими захватчиками. Некоторые результаты, исследований, оценок и выводов являются дискуссионными и односторонними». Цель публикации, как ее понимает автор, - «раскрыть механизм действий войск НКВД СССР при проведении спецопераций по борьбе с бандитизмом на территории ЧИ АССР в годы Великой Отечественной войны, принудительному выселению чеченцев и ингушей, ознакомить читателей с новыми документами по этой сложной проблеме»⁴. В подборку включены снятые лишь недавно с секретного хранения архивные дела РГВА. Представленные материалы характеризуют общественно-политическую и криминогенную обстановку в Чечено-Ингушской АССР в рассматриваемый период. Ценность введенных в научный оборот документов в том, что они затрагивают практически не изученный и не освещенный в литературе механизм действий войск НКВД в спецоперациях по выселению чеченцев и ингушей из горных районов в феврале 1944 года, содержат конкретные данные о морально-политической подготовке военнослужащих, их участии в борьбе с бандгруппами. Замечу, что на крайне важное значение обеспечения нормальной политической обстановки в Чечне для всего Северного Кавказа органы государственной безопасности указывали не только в годы Великой Отечественной войны, но и значительно раньше. В заголовок публикации докладной записки Л.Г. Миронова за 1923 год (публикаторы О.И. Горелов и А.Д. Чернев, 1999. №4) вынесены слова чекиста: «Спокойствие всего Северного Кавказа зависит от спокойствия Чечни». Сложно охарактеризовать все публикации о деятельности органов государственной безопасности и НКВД в годы Великой Отечественной, войны, появившиеся на страницах «Исторического архива». Дальнейшая работа по выявлению и публикации архивных материалов крайне важна как в научном отношении, так и в деле совершенствования учебно-воспитательного процесса в Академии ФСБ и в других учебных заведениях, готовящих кадры сотрудников для российских спецслужб.

1 Подробнее о публикациях по истории Великой Отечественной войны в «Историческом архиве» за 1993-1995 гг. см.: Чернобаев А.А. Новейшие публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах журнала «Исторический архив» // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет: Материалы научно-практической конференции 18-19 апреля 1995 г. Нижний Новгород, 1995. Ч.2. С.36-41.

2 Командировка в Германию под «крышей» Аэрофлота. Отчет майора Н.В. Чистякова. Май 1940г. Публ. Ю.С. Хелемский//Исторический архив. 1995. №3, С.19.

3 Цит. по: Исторический архив. 2000. № 2. С. 132.

4 «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943-1944 гг. Публ. В.П. Сидоренко // Исторический архив. 2000. №3. С.66-67.